

Обычай и миф. Новое издание

Эндрю Лэнг

Custom and Myth

Andrew Lang

Электронная книга проекта "Гутенберг" о обычаях и мифах

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Обычай и миф

Автор: Эндрю Лэнг

Дата выхода: 26 июля 2010 г. [Электронная книга № 33260]

Последнее обновление: 6 января 2021 г.

Язык: Английский

В титрах: Продюсерами выступили Джонатан Ингрэм, Сэм У. и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ОБЫЧАЙ И МИФ" ***

Примечание переписчика

В этой книге содержится немного греческого языка. Если она отображается некорректно, возможно, вам потребуется изменить настройки вашего браузера. Наведите указатель мыши на слова, подчеркнутые слабым красным пунктиром, чтобы увидеть транслитерацию, например, κρόνος.

ОБЫЧАЙ И МИФ

ЭНДРЮ ЛЭНГ, магистр медицины

УВАЖАЕМЫЙ, СТИПЕНДИАТ МЕРТОН-КОЛЛЕДЖА В ОКСФОРДЕ

НОВОЕ ИЗДАНИЕ

ЛОНДОН

ЛОНГМАНС, ГРИН И КОМПАНИЯ

1893

Все права защищены

Э. Б. ТАЙЛОРУ, АВТОРУ КНИГИ "ПЕРВОБЫТНАЯ КУЛЬТУРА", посвящены ЭТИ ИССЛЕДОВАНИЯ
ДРЕВНЕЙШИХ ИСТОРИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Со времени первой публикации "*Обычаев и мифов*" появилось много других работ, посвященных вопросам веры, басен и ритуалов, основанных на тех же принципах. Если бы книга была переписана заново, в подтверждение ее выводов можно было бы привести множество новых свидетельств. В книге м-ра Фрейзера "*Золотая ветвь*" (Макмиллан) изучающий найдет тщательно продуманную аргументацию и обширную коллекцию свидетельств, свидетельствующих о широком распространении среди дикарей и цивилизованных народов древних обрядов и идей. Работы Маннхардта были практически представлены английскому читателю мистером Фрейзером, который сам внес в них много нового. Основные темы - поклонение человеческим богам и суеверия, связанные с растительностью. Слишком далеко заходить в теории - обычное искушение мифологов, и, возможно, кукурузный стебель мистера Фрейзера действительно угрожает затмить всю землю и лишит света солнце и небо. Но читатель, каковы бы ни были его мнения, получит огромное удовольствие и пользу от замечательных исследований мистера Фрейзера и Маннхардта, которые были неизвестны мне, когда я писал *Обычаи и мифы*.

В книге мисс Харрисон "*Афинские мифы*" студент найдет этиологическую теорию (а именно, что многие мифы были придуманы для объяснения неясных моментов ритуала), применяемую в ряде классических примеров. Исключительно остроумное исследование римских мифов представлено в издании Плутарха "*Ромейские вопросы*", подготовленном мистером Джевонсом (Nutt). Это недавние примеры использования "антропологического" метода, впервые прочно утвердившегося в *примитивной культуре* мистера Тайлора, а теперь ставшего самостоятельным признанным инструментом в изучении исторического развития воображения. В "*Словаре греческой и римской мифологии*" Росчера обычно используется более ранний метод филологов, и работа, все еще находящаяся в процессе публикации, наиболее полезна для ее углубленного изучения.

Эти примечания предназначены для руководства любым читателем, который, возможно, захочет продвинуться в своих исследованиях дальше, чем в общих чертах, изложенных в настоящем томе.

По одному или двум пунктам, возможно, необходимы некоторые замечания. Автора не без оснований обвиняли в том, что он повсюду видит тотемы. Поэтому он возразил бы, что не считает каждого зверя и птицу, появляющихся в мифах или в религиозном искусстве, обязательно Тотемом. Но он склонен думать, что там, где кельты или греки утверждают, что произошли от бога, который преследовал свои любовные похождения в облике животного, или где племя носит имя животного, относится к этому животному с религиозным уважением и помещает его изображение рядом с изображением бога, тотемистическая гипотеза объединяет явления и заслуживает рассмотрения. Эти и другие ранние черты религии встречаются в основном в Греции после гомеровской эпохи. Например, м-р Уолтер Лиф предположил, что народ Гомера, ахейцы, были свободны от всех таких идей, как тотемизм, поклонение мертвым, ритуал очищения для совершения убийства, мистерии и так далее. Этих представлений придерживались пеласги, и возродили или сохранили ионийцы, более древняя и отчетливая группа пеласгийского происхождения. Я не могу убедить себя в этом, не зная, насколько

утонченность гомеровских поэм обусловлена гениальностью поэта, который мог игнорировать приемы, с которыми был знаком. Возможно, они были пеласгонианцами, которые выводили рождение Елены от Лебеда, или Гомер, возможно, предпочел замалчивать ахейскую легенду, и так далее в других случаях; например, что касается происхождения мирмидонян от Зевса в облике Муравья. Можно сказать несколько слов и по другому вопросу. Кого-то обвиняли в том, что он верит в то, что идентичные популярные сказки, один и тот же случай в одной и той же последовательности сюжетов могут одновременно возникать в воображении дикарей во всех частях света. В "*Обычае и мифе*" будет ясно, что я не говорю ничего подобного. 'Повесть о далеких путешествиях' - это один из примеров, выбранных для того, чтобы показать, что такая история, вероятно, каким-то образом распространилась по всему миру. С другой стороны, в "Купидоне и Психее" утверждается, что *центральный инцидент* мог быть выдуман везде, где признавалось брачное табу, на котором оно основано. С другой стороны, точную последовательность событий в "Амуре и Психее" Апулея, вероятно, можно было придумать только раз и навсегда. Но мы находим центральный инцидент там, где не находим последовательности инцидентов, составляющих 'Купидона и Психею'. Полное изложение моих идей прилагается к "*Золушке*" мисс Роальф Кокс (Фольклорное общество). Как правило, происшествия в *Мерчене* характерны для всех рас; художественное сочетание многих из них в сюжете, вероятно, должно быть результатом одного воображения, и сюжет, должно быть, был распространен способами, описанными в *Обычаях и мифах*. Независимо возникшие мифы могут быть очень похожи друг на друга, когда они описывают какое-то природное явление или основаны на каком-то общем обычае. Везде, где последовательность таких инцидентов обнаруживается в отчетливом художественном сюжете, мы можем условно назначить этой причиной распространение из первоначального центра. Какими бы странными ни были фантастические совпадения, маловероятно, что они когда-либо породили *точно* одну и ту же сказку в странах, которые никогда не сообщались друг с другом. Я не могу понять, почему мистер Джейкобс, М. Коскуин и, вероятно, другие критики считают, что я утверждаю, что все подобные сказки во всех странах возникли независимо друг от друга. Я всегда допускал возможность как распространения, так и, в определенной степени, совпадения, как в красноиндийских формах "Купидона и Психеи" и "Мертвой невесты", формы истории Эвридики. Дискуссия была бы проще, если бы спорщики взяли на себя труд понять друг друга.

В Отчете Фольклорного конгресса 1891 года (стр. 65) я обнаружил, что сказал: "предположение о том, что точно такой же сюжет, в точно такой же форме и с точно такими же происшествиями мог быть придуман несколькими людьми независимо, кажется мне невыносимым", а на стр. 74 нахожу, что М. Коскен утверждает, что мое мнение прямо противоположно, за ним следует мистер Джейкобс (стр. 85). Я пытался объяснить, что не верю в такие точные совпадения воображения, хотя насколько далеко могут зайти точные совпадения - это деликатный вопрос.

Содержание.

	СТРАНИЦА
Введения	1
Метод фольклора	10

Ревущий бык	29
Миф о Кроносе	45
Купидон, Психея и "Солнечная лягушка"	64
Повесть о далеких путешествиях	87
Аполлон и мышь	103
Звездные мифы	121
Моли и Мандрагора	143
"Калевала"	156
Жезл прорицания	180
Мифология готтентотов	197
Фетишизм и Бесконечность	212
Ранняя история семьи	245
Искусство дикарей	276
 УКАЗАТЕЛЬ	 305

Обычай и миф.

Введение.

Хотя некоторые эссе из этого тома появлялись в различных сериалах, большинство из них были написаны специально для их нынешней цели, и теперь они расположены в определенном порядке. В течение нескольких лет изучения греческой, индийской и дикой мифологии я все больше и больше убеждался в неадекватности преобладающего метода сравнительной мифологии. Этот метод основан на вере в то, что мифы являются результатом болезни языка, подобно тому как жемчужина является результатом болезни устрицы. Утверждается, что люди в какой-то период или периоды говорили в особом стиле цветного и конкретного языка, и что их дети сохранили фразы этого языка после того, как утратили первоначальное значение. Следствием этого стал рост мифов о предполагаемых личностях, чьи имена первоначально были просто 'наименованиями'. В соответствии с этой гипотезой метод сравнительной мифологии исследует имена собственные, встречающиеся в мифах. Идея состоит в том, что эти имена содержат ключ к смыслу истории, и что, фактически, в истории имена являются зародышами и самой старой сохранившейся частью.

Возражения против этого метода столь многочисленны, что трудно изложить их кратко. Однако попытка должна быть предпринята. Сходить с пути, открытого самыми выдающимися учеными, самонадеянно; самое меньшее, что может сделать новатор, - это обосновать свое продвижение в новом направлении. Если бы это был просто вопрос науки, было бы просто безрассудством отличаться от таких людей, как Макс Мюллер, Адальберт Кун, Бреаль и многих других. Но революционный мифолог воодушевляется, обнаруживая, что эти ученые часто отличаются друг от друга. Примеры можно найти главным образом в эссе, озаглавленных "[Миф о Кроносе](#)",

"Повесть о далеких путешествиях" и "Купидон и Психея". Почему же тогда выдающиеся ученые и мифологи достигают таких разных целей? Очевидно, потому, что их метод настолько ненадежен. Все они анализируют имена в мифах;[1] но, когда один ученый решает, что название изначально санскритское, другой считает, что оно чисто греческое, а третий, возможно, придерживается аккадской этимологии или семитского происхождения. Опять же, даже когда ученые сходятся во мнении относительно первоначального корня, от которого происходит название, они, как всегда, расходятся во мнениях относительно значения имени в его нынешнем месте. Напрашивается вывод, что анализ имен, на котором зиждется все здание филологической "сравнительной мифологии", представляет собой зыбучий песок. Этот метод называется "ортодоксальным", но среди тех, кто его практикует, нет того прекрасного единодушия, которое свойственно ортодоксии.

Эти возражения выдвигаются не только неученым антропологом. Курциус особо отметил трудности, с которыми сталкиваются 'этимологические операции' в случае имен собственных. 'Особенно сомнительной и опасной является мифологическая этимология. Должны ли мы искать источники божественных имен в аспектах природы или в моральных концепциях; в особых географических условиях Греции или в природных обстоятельствах, которые везде одинаковы: в заре с ее лучами или в облаках с их потоками; должны ли мы искать происхождение имен героев в вещах исторических и человеческих или в физических явлениях?'[2] Профессор Тиле из Лейдена говорит почти то же самое: "Неопределенность велика, и существует постоянный риск принимать просто *опыт* за научные результаты".[3] Каждое имя имеет, если мы можем обнаружить или предположить это, значение. Это значение — будь то 'большое' или 'маленькое', 'громкое' или 'яркое', 'мудрое' или 'темное', 'быстрое' или 'медленное' — всегда можно объяснить как эпитет солнца, или облака, или и того, и другого. Что бы ни означало название, некоторые ученые обнаружат, что первоначально оно обозначало облако, если они принадлежат к одной школе, или солнце или зарю, если они принадлежат к другой фракции. Очевидно, что этот процесс - всего лишь *jeu d'esprit*. Эта логика не была бы принята ни в одной другой науке, и с помощью аналогичных аргументов можно было бы доказать, что любое имя, какое бы оно ни было, подходит солнечному герою.

Научный метод применяется уже много лет, и каковы результаты? Идеи, достигнутые с помощью этого метода, были настолько популяризированы, что их фактически внедряют в обучение детей и публикуют в букварях и катехизисах по мифологии. Но что может сказать обо всем этом благоразумный ученый? "Трудная задача интерпретации мифических имен до сих пор не дала определенных результатов", — так пишет Отто Шрейдер.[4] Хотя Шрейдер все еще надеется на улучшение ситуации, следует признать, что нынешние результаты весьма спорны. В Англии, где один набор этих результатов стал символом веры, читатели в основном принимают мнения одной этимологической школы и, таким образом, избавляются от трудностей принятия решения, когда ученые расходятся во мнениях. Но ученые расходятся во мнениях, причем так широко и так часто, что вряд ли филологический метод принес какие-либо существенные преимущества в мифологии.

Таким образом, метод филологической мифологии дискредитирован спорами его приверженцев. Систему можно назвать ортодоксальной, но это ортодоксальность, которая меняется с каждым новым ученым, входящим в священную ограду. Даже если бы там было больше гармонии, анализ имен мог бы пролить мало света на мифы. В рассказах названия вполне могут быть, и часто явно являются, последней, а не оригинальной особенностью.

Истории, впервые рассказанные о "Ком-то", получают новые имена, прикрепленные к ним, и обретают новое местное пристанище, где бы они ни бродили. "Один из ведущих персонажей, которых можно встретить в мировых традициях, на самом деле не более чем ... Кто—то. Нет ничего, чего это чудесное создание не могло бы достичь; единственное ограничение связывает его вообще — имя, которое он принимает, должно каким-то образом соответствовать должности, которую он занимает, *и даже от этого он часто срывается*."^[5] Мы можем быть почти уверены, что приключения Ясона, Персея, ŒDipous изначально рассказывались только о 'Ком-то'. Названия являются более поздними дополнениями и различаются в разных странах. Беглый взгляд на эссе "[Купидон и Психея](#)" покажет, что известна история, подобная их, где никогда не слышали ни о них, ни о их двойниках в Ведах, Урваши и Пуруравах; в то время как эпизоды из легенды о Ясоне известны там, где никогда не произносили ни одного греческого слова. Наконец, названия, широко используемые среди дикарей, обычно происходят от природных явлений, часто от облаков, неба, солнца, зари. Таким образом, если можно доказать, что имя в мифе означает облако, небо, солнце или что-то еще (а обычно одни ученые находят облака там, где другие видят рассвет), мы не должны сразу делать вывод, что миф - это миф о природе. Хотя, несомненно, герои в нем никогда не были реальными людьми, эти имена - такие же распространенные имена реальных людей в диком государстве, как Смит и Браун - имена цивилизованных людей.

По всем этим причинам, но главным образом из-за того факта, что истории сначала обычно анонимны, что имена добавляются позже и что истории естественным образом выстраиваются вокруг любого известного имени, героического, божественного или человеческого, процесс анализа имен является наиболее ненадежным. Рассказывают историю о Зевсе: Зевс означает небо, и ученые интерпретируют эту историю как небесный миф. Современный интерпретатор забывает, во-первых, что для мифотворца небо вовсе не означало то же самое, что оно означает для него. Небо означало не воздушный, бесконечный, сияющий свод, а человека, и, скорее всего, дикаря. Во-вторых, переводчик забывает, что сказка (скажем, сказка о Зевсе, Деметре и изувеченном Баране), возможно, изначально была анонимной и только позже приписывалась Зевсу, подобно тому как неостребованные шутки приписываются Шеридану или Талейрану. Следовательно, никакие небесные явления не будут основой и объяснением истории. Если в чем-то в мифологии и можно быть уверенным, так это в том, что мифы всегда меняют хозяев, что старые сказки всегда рассказываются под новыми именами. В чем, например, ценность филологического анализа имени Ясон? Как будет видно из эссе "[Повесть о далеких путешествиях](#)", анализ имени Джейсона является причудливым, ненадежным, спорным, в то время как суть его мифа актуальна на Самоа, в Финляндии, Северной Америке, на Мадагаскаре и в других странах, где это имя никогда не было услышано и где персонажи истории носят другие имена или анонимны.

По этим и другим причинам, которых слишком много, чтобы приводить их здесь, я рискнул расходиться с распространенным мнением о том, что мифы следует интерпретировать главным образом с помощью филологического анализа имен. Принятая здесь система объясняется в первом эссе, которое называется "[Метод фольклора](#)". Название "Фольклор" не очень удачное, но на "сравнительную мифологию" обычно претендуют исключительно филологические интерпретаторы.

Второе эссе, "[Ревущий бык](#)", призвано показать, что определенные особенности греческих мистерий встречаются также в мистериях дикарей и что на греческой земле они являются пережитками дикости.

"[Миф о Кроносе](#)" пытается доказать, что первая часть легенды представляет собой миф о дикой природе, сохранившийся в греческой религии, в то время как продолжение представляет собой набор идей, общих для дикарей.

"[Амур и Психея](#)" прослеживает другой арийский миф среди диких рас и пытается показать, что центральный эпизод сказки, возможно, возник из правил варварского этикета.

"[Повесть о далеких путешествиях](#)" исследует часть мифа о Ясоне. Этот миф, по-видимому, не является ни объяснением природных явлений (как часть "[Мифа о Кроносе](#)"), ни основан на широко распространенном обычае (как "[Амур и Психея](#)"). Задается вопрос, могла ли эта история распространиться путем медленной фильтрации от расы к расе по всему земному шару, поскольку, по-видимому, нет причин, по которым ее следовало придумывать отдельно (как это мог бы быть миф, объясняющий природные явления или обычаи) во многих разных местах.

"[Аполлон и мышь](#)" гипотетически предполагает, как возможное объяснение связи между Богом и Зверем, что поклонение Аполлону вытеснило тотемизм, но не искоренило его. Это предположение немногим больше, чем догадка.

"[Звездные мифы](#)" указывает на то, что греческие мифы о звездах являются пережитком дикой стадии фантазии, на которой такие истории естественны.

"[Моли и мандрагора](#)" - это исследование греческого, современного и готтентотского фольклора о волшебных травах с критикой научной и филологической гипотезы, согласно которой Моли - это собака-звезда, а Цирцея - луна.

"[Калевала](#)" - это рассказ о финской национальной поэме; из всех стихотворений именно то, в котором народный дух сильнее художественного. Таким образом, "Калевала" является связующим звеном между *Märchen* и *Volkslieder*, с одной стороны, и эпической поэзией - с другой.

"[Жезл прорицания](#)" - это исследование европейского и цивилизованного суеверия, которое отличается сравнительным отсутствием многочисленных аналогов у дикарей.

"[Мифология готтентотов](#)" - это критика филологического метода, применяемого к мифам дикарей.

"[Фетишизм и бесконечное](#)" - это обзор теории г-на Макса Мюллера о том, что чувство Бесконечного является зародышем религии, и что фетишизм вторичен и порожен. Это эссе также содержит защиту *доказательств*, на которые опирается антропологический метод.

Остальные эссе представляют собой исследования "[Истории семьи](#)" и "[Искусства дикарей](#)".

Эссе об "[Искусстве дикарей](#)" перепечатывается с любезного разрешения господ. Касселл и Ко., из двух номеров (апрель и май 1882 г.) *Журнала об искусстве*. Я хочу поблагодарить редакторов и издателей на *современном комментарий*, в *Корнхилл журнал*, *журнал Фрейзера*, и ум, о разрешении на публикацию '[ранняя история семейства](#),' '[волшебной палочки](#)' и '[звезда мифы](#),'

‘Калевала’ и ‘Fetichism.’ Несколько предложений в *быка-горлопан*", и "дикарь мифологии, появился в эссе в *субботу комментарий*, и некоторые строки из *метода фольклора*’ в интернет - *Хранитель*. Я также должен поблагодарить редакторов этих журналов за их любезное разрешение использовать мои старые статьи.

Я должен принести извинения за спорный вопрос, содержащийся в этом томе. Противоречий всегда следует избегать, но в данном конкретном случае, когда необходимо отстаивать систему, противоположную преобладающему методу, противоречия неизбежны. Мое уважение к учености моих выдающихся противников тем не менее велико, что я не убежден их логикой и потому что мои сомнения вызваны их различиями.

СНОСКИ:

[1] Некоторые имена в греческих мифах являются греческими и понятны. Некоторые другие (например, Зевс) могут быть истолкованы с помощью санскрита. Но даже когда значение этого имени известно, мы мало продвинулись в интерпретации мифа.

[2] Сравните Де Кара: *Суть критики*.

[3] *Историческое обозрение. des Rel.*, ii. 136.

[4] *Sprachvergleichung und Urgeschichte*, стр. 431.

[5] *Прим. Культ.*, i. 394.

МЕТОД ФОЛЬКЛОРА.

После того, как сильный ливень с грозой размыл почву, иногда случается, что ребенок или деревенский житель находит клиновидный кусок металла или несколько треугольных кремней в поле или возле дороги. Вчера там не было ни такого куска металла, ни таких кремней, и нашедший их озадачен происхождением предметов, на которые он наткнулся. Он несет их домой, и деревенская мудрость определяет, что клиновидный кусок металла - это ‘громовая стрела', а кусочки кремня - это "эльфийские выстрелы’, наконечники волшебных стрел. Такие вещи до сих пор ценятся в отдаленных уголках Англии, и "удар грома" применяется для лечения определенных болезней одним своим прикосновением.

Что касается волшебных стрел, мы знаем, что даже в древней Этрурии на них смотрели как на волшебные, поскольку иногда мы видим их наконечники, оправленные в золото этрусских ожерелий в виде амулетов. В Перудже наконечники стрел до сих пор продаются как амулеты. Всем образованным людям, конечно, давно известно, что металлический клин - это кельтский, или древний бронзовый топорик, и что стрелы с кремневыми наконечниками использовали не феи, а забытые народы этого острова. Гром связан с ними лишь настолько, что проливные дожди разрыхляют поверхностную почву и обнажают ее давно скрытые секреты.

Существует наука Археология, которая собирает и сравнивает материальные реликвии древних рас, топоры и наконечники стрел. Существует такая форма изучения, как Фольклор, которая

собирает и сравнивает схожие, но несущественные реликвии древних рас, сохранившиеся суеверия и истории, идеи, которые актуальны в наше время, но не относятся к нему. Собственно говоря, фольклор связан только с легендами, обычаями, верованиями Народа, народностей, классов, которые меньше всего изменились в результате образования, которые меньше всего продвинулись вперед. Но изучающий фольклор вскоре обнаруживает, что эти непрогрессивные классы сохраняют многие верования и обычаи дикарей, точно так же, как жители Гебридских островов использовали каменные веретена и выпекали глиняные горшки без помощи колеса, как современные жители островов Южных морей или как их собственные доисторические предки.[6] Таким образом, изучающий фольклор приходит к изучению обычаев, мифов и представлений дикарей, которые все еще сохраняются, в достаточно грубой форме, европейским крестьянством. Наконец, он отмечает, что некоторые сходные обычаи и идеи сохранились в самых консервативных элементах жизни образованных народов, в ритуалах, церемониалах, религиозных традициях и мифах. Хотя такие останки редки в Англии, мы можем отметить обычай вести лошадь погибшего солдата за его хозяином к могиле - пережиток тех дней, когда лошадь приносили в жертву.[7] Мы можем наблюдать постоянство церемонии, посредством которой монарх во время своей коронации занимает свое место на священном камне Сконе, вероятно, древнем камне фетиша. Не говоря уже здесь о наших собственных религиозных традициях, старая жилка диких обрядов и верований находится очень близко к поверхности древнегреческой религии. Ему нужен лишь некоторый стресс обстоятельств, что-то, отвечающее штормовому ливню, обнажающему кремневые наконечники стрел, чтобы вывести дикий ритуал на поверхность классической религии. При острой нужде, скорее всего, требовалась человеческая жертва; в то время как праздничный день или мистерия заставляли греков танцевать танцы змей или медведей, как краснокожих индейцев, или плавать со священными свиньями, или прыгать, подражая волкам, или устраивать собачий пир и предлагать собачье мясо богам.[8] Таким образом, изучающий фольклор вскоре обнаруживает, что он должен расширить свою область и исследовать не только популярные европейские истории и практику, но и дикарские обычаи и идеи, а также мифы и обычаи образованных классов цивилизованных рас. В этом расширенном смысле термин 'фольклор' будет часто использоваться в следующих эссе. Идея писателя заключается в том, что мифологию невозможно плодотворно изучать отдельно от фольклора, в то время как в обеих науках требуются определенные знания антропологии.

Наука о фольклоре, если мы можем назвать это наукой, находит повсюду, близко к поверхности цивилизованной жизни, остатки идей, столь же древних, как каменные изображения эльфов, более древних, чем бронзовые изображения кельтов. В пословицах и загадках, детских сказках и суевериях мы обнаруживаем пережитки того этапа мышления, который вымирает в Европе, но который все еще существует во многих частях света. Точно так же, как кремневые наконечники стрел разбросаны повсюду, на всех континентах и островах, и везде они во многом похожи друг на друга и не несут на себе вполне определенных следов особого влияния расы, так же обстоит дело с обычаями и легендами, исследуемыми изучающим фольклор. Каменный наконечник стрелы, захороненный в шотландской пирамиде из камней, похож на те, что были захоронены вместе с вождями алгонкинов. Кремни, найденные в египетской земле или рядом с курганом на Марафонской равнине, почти напоминают камни, которыми наконечники стрел современных самоедов. Возможно, только опытный специалист мог бы отличить в куче таких наконечников стрел образцы, найденные в Америке или Африке, от тех, что были обнаружены в Европе. Даже в изделиях более развитой промышленности мы видим, например, раннюю керамику, настолько

похожую повсюду, что в Британском музее мексиканские вазы до сих пор стояли вперемешку на одной полке с архаичными сосудами из Греции. Точно так же, если бы изучающему фольклор предложили какое-нибудь суеверие или загадку, ему было бы очень трудно угадать их происхождение и назвать расу, от которой они произошли. Предположим, вы рассказываете фольклористу, что в определенной стране, когда кто-то чихает, люди говорят "Удачи тебе", студент не может *априори* сказать, к какой стране вы относитесь, какую расу имеете в виду. Это может быть Флорида, какой Флорида была, когда ее впервые открыли; это может быть Зулуленд, или Западная Африка, или древний Рим, или гомеровская Греция, или Палестина. Во всех этих и многих других регионах чихание приветствовалось как благоприятное предзнаменование. Это маленькое суеверие распространено так же широко, как кремневые наконечники стрел. Точно так же, как назначение наконечников стрел и их применение стали понятны, когда мы обнаружили подобное оружие в действительном употреблении у дикарей, так и приветствие чихающему становится понятным, когда мы узнаем, что у дикаря есть для этого веская причина. Он думает, что чихание изгоняет злого духа. Опять же, пословицы и загадки разбросаны повсюду, и волки ломают голову над теми же *девинетами*, что и шотландский школьник или бретонский крестьянин. Так, например, сенегальские волки спрашивают друг друга: 'Что вечно летает и никогда не отдыхает?' — и отвечают: 'Ветер'. 'Кто те товарищи, которые всегда дерутся и никогда не причиняют друг другу вреда?' — 'Зубы'. Во Франции, как мы читаем в 'Обзоре Калембура', люди спрашивают: 'Что бежит быстрее лошади, пересекает воду и не промокает?' — Отвечайте: 'Солнце'. Самоанцы загадали загадку: "Человек, который стоит между двумя прожорливыми рыбами?" — Отвечайте: 'Язык между зубами'. И снова: "Есть двадцать братьев, у каждого на голове шляпа?" — Отвечайте: "Пальцы рук и ног, с гвоздями вместо шляп". Это похоже на французское "*un père a douze fils*?" — "*л'ан*".^[9] Сравнение "Девинетт" М. Роллана с волуфскими головоломками Буала, примерами самоанского языка в "Самоа" Тернера и шотландскими загадками, собранными Чемберсом, покажет идентичность крестьянского и дикарского юмора.

Можно привести несколько примеров, менее известных, чтобы доказать, что фольклорные верования не присущи какой-либо одной расе или группе людей. Первый случай примечателен: он встречается в Мексике и на Цейлоне, а также был обнаружен в других регионах. В журнале *Macmillan's Magazine*^[10] опубликована статья миссис Эдвардс под названием "Тайна пезази". События, описанные в этом повествовании, произошли 28 августа 1876 года в бунгало примерно в тридцати милях от Бадьеллы. Рассказчица занимала новый дом в поместье под названием Аллагалла. Вскоре ее слуги-туземцы заявили, что в этом месте обитает пезази. Английские гости не видели и не слышали ничего необычного до определенной ночи: краткий отчет о том, что произошло тогда, можно привести словами миссис Эдвардс:

Погруженный в сновидения, я лежал в ту ночь, о которой идет речь, и безмятежно спал, но постепенно пришел в себя и осознал, что нестройные звуки нарушают безмятежность моего сна. Не желая шевелиться, я все еще не обращал внимания на звуки, однако они, как мне показалось, становились все более настойчивыми, чтобы их услышали! и я проснулся с сознанием, что они исходят из пояса прилегающих джунглей и напоминают шум, который издает какой-нибудь человек, рубящий лес.

Закрыв уши от шума, я не подавал виду, пока с выражением нетерпения Е. внезапно не встрепнулся, когда я удержал его за руку, пробормотав, что нет необходимости думать о том, чтобы вставать сейчас — должно быть, еще довольно рано, и кули на кухне, несомненно, загодя

рубят дрова. Э-ответил тоном легкого презрения, что никто не может рубить дрова в такой час, и звуки больше напоминают вырубку леса; затем он спросил, как долго я их слушаю. Теперь, полностью пробудившись, я ответил, что слышал звуки в течение некоторого времени, сначала перепутав их со своими снами, но вскоре в достаточной степени осознав тот факт, что это были не просто фантомы моего воображения, а реальность. Во время нашего разговора звуки становились все более отчетливыми и громкими; раздавался удар за ударом, как будто топор опускался на дерево, за которым следовал треск падающей древесины. Возобновившиеся удары возвестили о повторении операций с другим деревом и продолжались до тех пор, пока несколько деревьев не были повалены.

Нет необходимости подробно рассказывать эту историю. Несмотря на тщательные исследования и тщательные поиски, разгадка тайны звуков ни в этом, ни в каком другом случае так и не была найдена. Местные жители, конечно, приписали это волнение *пезази*, или гоблинам. Возможно, никто не утверждал, что ацтеки были связаны расовыми узами с жителями Цейлона. И все же, когда испанцы завоевали Мексику и когда Саагун (один из первых миссионеров) собрал народные легенды, он обнаружил, что они, как и сингальцы, твердо верят в мистическую вырубку деревьев. Мы переводим рассказ Саагуна о "полуночном топоре":

Когда таким образом какой-нибудь человек слышит ночью звук ударов, как будто кто-то валит деревья, он считает это дурным предзнаменованием. И этот звук они называют *юалтепуцтли* (*юалли*, ночь; и *тепуцтли*, медь), что означает 'полуночный топор'. Этот шум раздается примерно во время первого сна, когда все люди крепко спят, а ночь тиха. Звуки ударов были впервые замечены служителями храма, называемыми *тламаказке*, в тот час, когда они уходили ночью, чтобы принести в жертву тростник или сосновые ветки, ибо таков был их обычай, и эту епитимью они совершали на соседних холмах, и это после глубокой ночи. Всякий раз, когда они слышали звук, который человек колет дрова топором (звук, который можно услышать издали), они видели в этом дурное предзнаменование, пугались и говорили, что эти звуки были частью колдовства Тецкатлипоки, которое часто приводит в смятение людей, путешествующих ночью. И вот, когда весть об этих событиях дошла до некоего храбреца, закаленного в войне, он приблизился, ориентируясь по звуку, пока не добрался до самой причины шума. И когда он наткнулся на него, то с трудом поймал, потому что это существо было трудно поймать; тем не менее, в конце концов он догнал то, что бежало перед ним; и вот, это был человек без сердца, и по обе стороны груди были две дыры, которые открывались и закрывались, и так производился шум. Затем мужчина положил руку на грудь фигуры, схватил ее и сильно потряс, требуя какой-нибудь милости или подарка.

Как правило, требовалась милость, чтобы брать пленных на войне. Любопытное совпадение "полуночного топора", происходящего в таких отдаленных странах, как Цейлон и Мексика, и необычное свидетельство английской леди о реальном существовании беспорядка, делает это *юалтепуцтли* одной из самых причудливых вещей в провинции фольклориста. Но, какой бы ни была причина шума или верований, связанных с шумом, никто не стал бы объяснять их как результат общности *расы* между сингальцами и ацтеками. Также это объяснение не было бы предложено для объяснения верования ацтеков и англичан в то, что скрип мебели является предзнаменованием смерти в доме. Очевидно, что эти мнения являются выражением общего состояния суеверной фантазии, а не признаками изначальной общности происхождения.^[11]

Давайте возьмем другой фрагмент фольклора. Все жители Северной Англии знают *Kernababy*. Обычай 'Кернабаби' широко распространен в Англии или, во всяком случае, в Шотландии, где автор видел много кернабаби. Последние крупинки с последнего поля переплетены в грубую имитацию человеческой формы и одеты в какие-то лоскутки роскоши. Это употребление перешло в консервативные руки детей, но в старину "Дева" была обычным изображением богини урожая, которая с серпом и снопами в руках, сопровождаемая толпой жнецов и сопровождаемая музыкой, следовала за последними повозками домой, на ферму.^[12] Достаточно странно, что "Дева" должно точно переводить *KóPη*, старое сицилийское имя дочери Деметры. Таким образом, 'Дева' сократилась у нас до рудиментарного *kernababy*; но в древнем Перу была своя Дева, Богиня Урожая. Здесь легко проследить естественную идею, лежащую в основе суеверной практики, которая связывает берега Тихого океана с нашим собственным северным побережьем. Подобно тому, как часть святочного полена и рождественского хлеба хранилась весь год, своего рода запасаясь обильной пищей и огнем, так и зерновой хлеб, английский или перуанский, является залогом того, что кукуруза не испортится в течение всего года, до следующего урожая. По этой причине раньше кернабаби ценили от конца осени до конца осени, хотя теперь он обычно исчезает очень скоро после сбора урожая дома. Именно так Акоста описывает в старом переводе Гримстона (1604) перуанскую кернибаби и перуанский дом урожая:

Этот пир проводится по дороге из чакры или фарме в дом, с чтением определенных песен и молитвой о том, чтобы маис (кукуруза) продолжался долго, который они называют *Мама кора*.

Какой шанс открывает это слово этимологам старой школы: как быстро они распознали бы *vmama* мать—*μητήρ* и в *cora*—*κόρη*, Матери и Деве, праздник Деметры и Персефоны! Однако дни этой старой школы антиквариата сочтены. Возвращаясь к перуанскому дому урожая:—

Они берут определенную порцию самого плодovitого из Мэйса, который растет на их фермах, который они кладут в определенное зернохранилище, которое они делают на улице Пируа, с определенными церемониями, соблюдая три ночи; они одевают этого Мэйса в самые богатые одежды, которые у них есть, и, будучи таким образом завернутыми и одетыми, они поклоняются этому Пируа и относятся к нему с большим почтением, говоря, что это Мать Мэйса их наследства, и что таким образом Мэйс увеличивается и сохраняется. В этот месяц они приносят особое жертвоприношение, и ведьмы требуют от этого Пируа: "если у него достаточно сил, чтобы продержаться до следующего года", и если он отвечает "нет", тогда они несут этого Мэйса на ферму, чтобы сжечь, откуда они принесли его, в соответствии с силами каждого человека, затем они совершают другое Пируа с теми же церемониями, говоря, что они продлевают его до конца, чтобы потомство Мэйсов не погибло.

Идея о том, что кукуруза может говорить, не должна нас удивлять; по словам Саагуна, мексиканцы придерживались примерно такой же веры: —

Считалось, что если несколько зерен кукурузы упадут на землю, тот, кто увидит их лежащими там, обязательно поднимет их, при этом, если ему это не удастся, он повредит кукурузе, которая пожалуется на него Богу, говоря: "Господи, накажи этого человека, который видел, как я упал, и больше не поднял меня; накажи его голодом, чтобы он научился не держать меня в бесчестье".

Что ж, во всей этой истории с шотландским кернабаби и перуанской *мамой корою* нам не нужно никаких объяснений, кроме обычных представлений о человеческой природе. Мы не обязаны утверждать ни то, что перуанцы и шотландцы кровно родственны, ни то, что в какое-то забытое время они встретились друг с другом и позаимствовали друг у друга суеверия.^[13] Опять же, когда мы видим, как Одиссей приносит паршивую овцу в жертву мертвым,^[14] и когда мы читаем, что Овахереро в Южной Африке также умиротворяют говоря о белой вороне, духах ушедших, мы не считаем нужным намекать на то, что овахереро имеют греческое происхождение или позаимствовали свой ритуал у греков. Связь между черным цветом и трауром по умершим естественна и почти универсальна.

Примеров, подобных этим, можно приводить сколько угодно. Мы могли бы показать, как с помощью магии барбадосские негры делают глиняные фигурки своих врагов и протыкают их, точно так же, как это делали греки во времена Платона или жители Аккада в глубокой древности. Мы могли бы отметить австралийских негров, которые кладут острые кусочки кварца на следы проходящего мимо врага, чтобы тот мог покалечиться; и мы могли бы указать на Бориса Годунова, запрещавшего ту же практику среди русских. Мы могли бы наблюдать, как шотландцы и австралийцы, и евреи, и французы, и ацтеки посыпают тело мертвеца пылью, чтобы на следующее утро можно было обнаружить следы его призрака или других призраков. Мы могли бы указать на подобный прием в современном романе, где подозревается присутствие призрака, как на доказательство сходной работы австралийского разума и разума миссис Ридделл. Позже мы обратимся к Древней Греции и покажем, как танцы со змеями, обычай обмазывать тело глиной и другие странные ритуалы мистерий были общими для эллинской религии, а также для религии африканских, австралийских и американских племен.

Теперь, что касается всех этих странных обычаев, каков метод фольклора? Метод заключается в том, чтобы, когда в какой-либо стране обнаруживается явно иррациональный и аномальный обычай, искать страну, где встречается подобная практика, и где эта практика больше не иррациональна и аномальна, а находится в гармонии с нравами и идеями людей, среди которых она преобладает. То, что греки танцевали в своих мистериях с безобидными змеями в руках, выглядит совершенно непонятным. Когда дикое племя краснокожих индейцев проделывает то же самое, в качестве испытания храбрости, с настоящими гремучими змеями, мы понимаем мотивы краснокожего Человека и можем предположить, что подобные мотивы когда-то существовали у предков греков. Таким образом, наш метод состоит в сравнении кажущихся бессмысленными обычаев или манер цивилизованных рас с аналогичными обычаями и манерами, которые существуют среди нецивилизованных и все еще сохраняют свое значение. Для сравнения такого рода нет необходимости в том, чтобы нецивилизованная раса принадлежала к одному и тому же корню, и нам не нужно доказывать, что они когда-либо контактировали друг с другом. Сходные состояния ума порождают сходные практики, если не считать расовой принадлежности или заимствования идей и манер.

Давайте вернемся к примеру с кремневыми наконечниками для стрел. Наконечники стрел эпохи неолита повсюду в значительной степени похожи. Причина сходства заключается не более чем в том, что люди с одинаковыми потребностями, из одних и тех же материалов и с одними и теми же грубыми инструментами повсюду изготавливали наконечники стрел одинакового типа. Не требуется гипотезы об обмене идеями или расовой общности, чтобы объяснить сходство формы ракет. Очень ранняя керамика в любом регионе по тем же причинам похожа на очень раннюю керамику в любом другом регионе. Такого же рода сходство было объяснено таким же

сходством в человеческой природе, когда мы коснулись идентичности магических практик и суеверных верований. Этот метод довольно хорошо зарекомендовал себя и является ортодоксальным, когда мы имеем дело с обычаями и суеверными верованиями; но можем ли мы применить тот же метод, когда имеем дело с мифами?

Здесь возникает трудность. Мифологи, как правило, питают отвращение к фольклорному методу. Они считают научным сравнивать только мифы о расах, говорящих на языках одной семьи, и о расах, которые в исторические времена действительно находились в доказанном контакте друг с другом. Таким образом, большинство мифологов считают правильным сравнивать греческие, славянские, кельтские и индийские истории, потому что все греки, славяне, кельты и индусы говорят на языках одной семьи. Опять же, они считают правильным сравнивать халдейские и греческие мифы, потому что греки и халдеи вступили в контакт через финикийцев и других посредников, таких как хетты. Но те же мифологи будут клясться, что ненаучно сравнивать миф о маори, готтентотах или эскимосах с арийской историей, потому что маори, эскимосы и готтентоты не говорят на языках, родственных греческому, и мы не можем доказать, что предки греков, маори, готтентотов и эскимосов когда-либо контактировали друг с другом в исторические времена.

Итак, особенность фольклорного метода заключается в том, что он позволяет рискнуть сравнить (с должной осторожностью и должным изучением свидетельств) мифы о наиболее разделенных расах. Полагая, что миф является продуктом фантазии раннего человека, опирающегося на самые элементарные знания о внешнем мире, исследователь фольклора думает, что расовые различия не сильно влияют на раннюю мифопоэтическую способность. Он не удивится, если окажется, что греки и австралийские чернокожие попали в одну и ту же историю.

В каждом конкретном случае, по его мнению, должны быть изучены и учтены все обстоятельства дела. Например, когда австралийцы рассказывают миф о Плеядах, очень похожий на греческий миф о Плеядах, мы должны задать ряд вопросов. Аутентична ли австралийская версия? Могут ли люди, рассказавшие это, слышать это от европейца? Если ответить на эти вопросы так, чтобы стало очевидным, что миф об австралийских плеядах имеет подлинно местное происхождение, нам не нужно спешить с выводом, что австралийцы - потерянная и заброшенная ветвь арийской расы. Напрашиваются две другие гипотезы. Во-первых, древность человеческого вида неизвестна. За умеренный промежуток в 250 000 лет есть время, чтобы истории облетели весь мир, как бусы Аггри из Ашанти, вероятно, пересекли континент из Египта, как азиатский нефрит (если это вообще азиатский нефрит) попал в швейцарские озерные жилища, как говорят, африканская промысловая каури была найдена в кургане на Корнуолле, как раковина из Индийского океана была обнаружена в доисторической пещере с костями в Польше. О такой медленной фильтрации историй не может быть и речи. Две причины особенно помогли бы передаче мифов. Первая - рабство и работорговля, вторая - обычай захватывать невест из чужих семей и закон, запрещающий брак с женщиной из собственной семьи мужчины. Рабы и захваченные невесты донесли бы свои родные легенды до чужеземных народов.

Но есть и другой возможный способ объяснить сходство (при условии, что оно доказано) греческого и австралийского мифа о плеядах. Целью обоих мифов является объяснение группировки и других явлений созвездий. Не могли ли подобные объяснительные истории происходить с предками австралийцев и с предками греков, как бы далека ни была их родина, когда они все еще находились в диком состоянии? Лучший способ разобраться в этом вопросе -

собрать все известные мифы о дикарях и цивилизованных звездах и посмотреть, что у них общего. Если все они совпадают по характеру, хотя греческие сказки полны изящества, в то время как сказки австралийцев или бразильцев достаточно грубы, мы можем правдоподобно объяснить сходство мифов, как мы объяснили сходство кремневых наконечников стрел. Мифы, как и наконечники стрел, похожи друг на друга, потому что изначально они были созданы для удовлетворения одних и тех же потребностей из одного и того же материала. В случае с наконечниками для стрел требовалось что—то твердое, увесистое и заостренное - материалом был камень. В случае с мифами необходимо было объяснить определенные явления — материал (так сказать) был ранним состоянием человеческого разума, когда все объекты казались в равной степени наделенными человеческой индивидуальностью, и для которых никакие метаморфозы не казались невозможными.

Таким образом, в следующих очерках будут сравниваться мифы и обычаи различных народов, даже если эти народы говорят на языках чужих семей и никогда (насколько показывает нам история) не вступали в фактический контакт. Наш метод во всем будет заключаться в том, чтобы поместить обычай, или миф, который непонятен, когда встречается у цивилизованной расы, рядом с аналогичным мифом, который достаточно понятен, когда встречается у дикарей. Подлый термин можно найти в фольклоре, сохраняемом непрогрессивными классами прогрессивного народа. Этот фольклор представляет среди цивилизованной расы дикие идеи, из которых развилась цивилизация. Обычно делается вывод, что факт, озадачивающий нас своим присутствием в цивилизации, является пережитком, сохранившимся с тех времен, когда предки цивилизованной расы находились в состоянии дикости. С помощью этого метода нет необходимости устанавливать "какую-то генеалогию" между австралийскими и греческими рассказчиками сходного мифа или между греческими и австралийскими носителями сходного употребления. Гипотеза будет заключаться в том, что миф, или обычай, является общим для обеих рас не из-за изначальной общности происхождения, не из-за контактов и заимствований, а потому, что предки греков прошли через то дикое интеллектуальное состояние, в котором мы находим австралийцев.

Могут возникнуть вопросы: значит, раса не имеет ничего общего с мифами? Неужели народы никогда сознательно не заимствуют мифы друг у друга? Ответ таков: раса имеет большое отношение к развитию мифа, если именно раса наделяет народ его национальным гением и способностью стать цивилизованным. Если раса делает это, то раса самым мощным образом влияет на окончательное развитие мифа. Вряд ли кто-то станет путать гомеровский миф с мифом из "Эдды", равно как и любой из них с мифом брахманов, хотя во всех трех случаях суть, исходный набор идей, может быть во многом одинаковой. Во всех трех у вас есть антропоморфные боги, способные принимать облик животных, хитрые, капризные, ограниченные во многих небожественных отношениях, но наделенные магической силой. До сих пор мифические боги Гомера, Эдды, любого из брахманов находятся на одном уровне друг с другом и ненамного выше богов дикой мифологии. Этот материал мифа - *quod semper, quod ubique, quod ab omnibus* является изначальным даром дикарского интеллекта. Но окончательная трактовка, окончательная литературная форма мифа различается у каждой расы. Гомеровские боги, такие как краснокожие индейцы, тлинкиты или австралийские боги, могут принимать облик птиц. Но когда мы читаем у Гомера о вооружении Афины, охоте Артемиды, видении золотой Афродиты, появлении Гермеса, подобного юноше в расцвете юности, тогда мы осознаем влияние расы на миф, влияние греческого гения, работающего над грубым материалом. Между олимпийцами и богом тлинкитов существует такая же разница, как между

Деметрой Книдской и изображением с острова Пасхи. Опять же, скандинавские боги, когда отбрасываются их уловки, когда Один не принимает облик червя или ворона, обладают собственным воинственным достоинством, благородным несокрушимым духом. Раса проявляется в этом, как и в бесконечных жертвоприношениях, употреблении сомы, магических аскезах и ребяческих глупостях ведических и брахманических богов, божеств народа, рано ставшего священником и пережившего второе детство. Таким образом, раса заявляет о себе в окончательной литературной форме и характере мифологии, в то время как общая дикая основа и содержание мифов могут быть ясно различимы в рогатых, людоедских, меняющих облик и прелюбодейных богах Греции, Индии, Севера. Все они демонстрируют свое общее дикое происхождение, когда поэт пренебрегает повелением Фрейи и рассказывает о том, что сделали боги "на заре Времен".

Что касается заимствования, мы уже показали, что в доисторические времена мифы, должно быть, широко передавались. Переселения народов, торговля рабами, закон экзогамии, который всегда приводит в семьи чужих женщин, — все это способствовало распространению мифа. Но процесс лежит за историей: мы можем только догадываться о нем, мы редко можем проследить ход популярной легенды в ее путешествиях. В случае с культурными древними народами мы знаем, что они сами верили, что позаимствовали свои религии друг у друга. Когда греки впервые обнаружили, что египтяне практикуют мистерии, подобные их собственным, они пришли к выводу, что их собственные обряды были импортированы из Египта. Мы, знающие, что и греческие, и египетские обряды имели много общего с обрядами манданов, зунийцев, бушменов, австралийцев — людей, совершенно не связанных с Египтом, — чувствуем себя менее уверенными в гипотезе заимствования. Мы можем, действительно, рассматривать Адониса, и Зевса Багея, и Мелицерта как завезенных из Финикии. В более поздние времена греки, а еще больше римляне, оказывали бесплатное гостеприимство чужеземным богам и легендам, Серапису, Исиде, более диким дионисийским пирушкам и так далее. Но эта привычка брать взаймы вызывала неодобрение благочестивых консерваторов и, вероятно, была, по крайней мере, при широте своего гостеприимства, новшеством. Как отмечает Тиле, мы не можем вывести Диониса из ассирийского *Дайан ниси* 'судья людей', имени солнечного бога Самаса, не убедившись, что бог вина выполнял судебные функции и был богом солнца. Этим выводам, 'шокирующим здравый смысл', следует доверять как части опьянения новым знанием. Некоторые ассирийские ученые на самом деле выводят *Аид* от *Бит Эди* или *Бит Хади* — "к несчастью, - говорит Тиле, - в ассирийском тексте такого слова нет". По всей теме эссе Тиле[15] заслуживает ознакомления. Таким образом, допуская, что элементы культа Диониса, Афродиты и других богов могли быть импортированы вместе со странными египетско-ассирийскими вазами и драгоценностями сидонян, мы все равно находим ту же основу для грубых представлений дикарей. Мы можем перенести бога из Греции в Финикию, из Финикии в Аккадию, но в конце концов мы приходим к легенде, полной мифов, подобных тем, что рассказывают бушмены у костра, эскимосы в своих темных хижинах и австралийцы в тенигуны — мифов жестоких, ребяческих, непристойных, подобных фантазиям диких мифотворцев, от которых они произошли.

СНОСКИ:

[6] Исследование современного каменного века в Шотландии можно найти в книге Митчелла *Прошлое и настоящее*.

[7] Около двадцати лет назад вдова ирландского фермера в Дерри убила лошадь своего покойного мужа. Когда ее домовладелец сделал ей замечание, она сказала: 'Неужели вы хотите, чтобы мой мужчина отправился на тот свет пешком?' Она находилась на стадии дикого интеллекта.

[8] "На торжественных праздничных ужинах, устроенных в честь богов, не забывают подавать определенные блюда из мяса молодого щенка" (Плиний, *X. Н.*, xxix. 4).

[9] Сравните Cleobulus, Fr. 2: Bergk, *Lyr. Gr.*, iii. 201. Изд. 4.

[10] Ноябрь 1880г.

[11] Мистер Лесли Стивен указывает мне, что брат Де Квинси слышал "Полуночный топор" на Галапагосских островах (*Автобиографические очерки*, "Мой брат").

[12] "О, могу я еще раз посадить великую веялку на ее кукурузную кучу, пока она стоит, улыбаясь, Деметра гумна, со снопами и маками в руках" (Феокрит, vii. 155-157).

[13] В книге мистера Фрейзера "*Золотая ветвь*" приводится очень большая коллекция подобных обрядов сбора урожая.

[14] *Одиссея*, xi. 32.

[15] *Преподобный де л'Хист. des Rel.*, vol. ii.

РЕВУЩИЙ БЫК.

ИССЛЕДОВАНИЕ ТАЙН.

Когда запоздалый путешественник пробирается по однообразным равнинам Австралии, через Буш с его ровными просторами и зарослями серо-голубых камедных деревьев, он иногда слышит необычный звук. Начинаясь низко, с какого-то резкого тона, пробивающегося сквозь жужжащий шум, он становится все громче и громче, пока не превращается в своего рода трепещущий рев ветра. Если путешественник - новичок, он, вероятно, озадачен до последней степени. Если он англичанин, выросший в сельской местности, он говорит себе: 'Да это же ревун быков'. Если он знает колонию и обычаи туземцев, он знает, что чернокожие празднуют свои племенные мистерии. Ревущий звукидается для того, чтобы предупредить всех женщин держаться подальше. Точно так же, как Пенфей был убит (с одобрения Феокрита) за то, что осквернил обряды женщин, поклонявшихся Дионису, так и среди австралийских чернокожих мужчины должны на свой страх и риск держаться подальше от женских праздников, а женщины - от мужских.

Инструмент, издающий звуки, предупреждающие женщин держаться подальше, - игрушка, знакомая английским деревенским парням. Они называют его "ревун-бык". Обычный ревун - недорогая игрушка, которую может сделать каждый. Однако я не рекомендую ее семьям по двум причинам. Во-первых, он производит самый ужасный и ни с чем не сравнимый шум,

который вызывает симпатию у самых юных, но вызывает отвращение у лиц зрелого возраста. Во-вторых, характер игрушки таков, что она почти безошибочно разобьет все хрупкое в доме, где она используется, и, вероятно, выколет глаза кому-нибудь из обитателей. Надеюсь, сказав таким образом достаточно, чтобы помешать всем хорошим мальчикам устраивать взбучки своим родителям, пасторам и учителям, я продолжаю (в интересах науки) показывать, как сделана игрушка. Ничто не может быть менее сложным. Вы берете кусок самой обычной деревянной доски, скажем, крышку от упаковочного ящика, толщиной около шестой части дюйма, длиной около восьми дюймов и шириной около трех, и заостряете концы. Когда игрушка будет готова, она может иметь форму большого лаврового листа или 'рыбы', используемой в качестве прилавка (именно так это делают новозеландцы), или ее можно оставить ровной в центре и заострить только к краям, как в австралийском примере, который мне одолжил мистер Тайлор. Затем привяжите к одному концу куска дерева кусок прочной бечевки длиной около тридцати дюймов, и устройство для рева быков (австралийские аборигены называют его *turndun*, а греки - *ῥόμβος*) готово. Теперь туго обмотайте конец бечевки вокруг пальца и быстро вращайте ревуна по кругу. Несколько мгновений ничего не произойдет. На очень интересной лекции, прочитанной в Королевском институте, мистер Тейлор однажды продемонстрировал быка-ревуна. Сначала, когда его вращали, он не давал ничего особенного, и аудитория начала опасаться, что этот эксперимент похож на те химические эксперименты, которые часто проводятся в институтах страны и которые вносят максимум неприятного запаха в образование населения. Но когда устройство для рева быков приступило к своей работе, оно оправдало свое название, производя то, что лучше всего можно описать как мощный несущийся шум, как будто некое сверхъестественное существо "трепетало и жужжало крыльями со страшным ревом". Взрослые люди, конечно, довольствуются очень кратким знакомством с этим шумом, но мальчики всегда знали, что в Англии устройство для рева быков является одним из наиболее эффективных способов издавать отвратительные и неземные звуки, которыми наслаждается молодежь.

Из всех игрушек "Бычок-ревун" имеет самое широкое распространение и самую необычную историю. Изучать "Бычка-ревуна" - значит брать урок фольклора. Инструмент встречается у наиболее широко разделенных народов, диких и цивилизованных, и используется при совершении диких и цивилизованных мистерий. Есть студенты, которые на основании этого выдвинули бы гипотезу о том, что все различные расы, использующие бычий рев, происходят от одного и того же происхождения. Но "бычий рев" представлен здесь именно с той целью, чтобы показать, что схожие умы, работающие с простыми средствами для достижения сходных целей, могли бы развить "бычий рев" и его мистическое применение где угодно. Нет необходимости в гипотезе общего происхождения или заимствования, чтобы объяснить этот широко распространенный священный предмет.

Быко-ревун был и остается священным и магическим инструментом во многих и далеко разделенных землях. Его всегда находили как священный инструмент, применявшийся в религиозных мистериях в Нью-Мексико, в Австралии, в Новой Зеландии, в Древней Греции и в Африке; в то время как, как мы видели, в Англии это игрушка крестьянского мальчика. Естественно, что быкореватель задает ряд вопросов. Является ли это чем-то изобретенным раз и навсегда и распространенным по всему миру кочующими расами или переданным от одного народа и племени другому? Или быко-ревун - это игрушка, на которую можно случайно наткнуться в любой стране, где мужчины умеют точить дерево и скручивать сухожилия животных в бечевку? Была ли эта вещь изначально игрушкой, а ее религиозная и мистическая

природа проявилась позже; или же изначально она была одним из свойств священника или знахаря, которые в Англии превратились в игрушку? Наконец, использовался ли этот мистический инструмент изначально в ритуалах такого цивилизованного народа, как греки, и был ли он каким-то образом заимствован или унаследован южноафриканцами, австралийцами и нью-Мексико? Или это просто изобретение дикарей, сохранившееся (как и некоторые другие черты греческих мистерий) с далекого периода дикости? Наш ответ на все эти вопросы заключается в том, что, по всей вероятности, присутствие *φόμνος*, или ревущего быка, в греческих мистериях сохранилось с тех времен, когда греки находились в социальном положении австралийцев.

В первую очередь бык-ревун ассоциируется с мистериями и посвящениями. Итак, мистерии и посвящения - это вещи, которые имеют тенденцию сокращаться и терять свои характерные черты по мере развития цивилизации. Обряды крещения и конфирмации не являются тайными; они являются общими для обоих полов, они совершаются публично, и в этих церемониях сочетаются религия и мораль в самом чистом виде. Нет никаких других посвящений или мистерий, через которые обязательно должен пройти цивилизованный современный человек. С другой стороны, широко рассматривая историю человечества, мы обнаруживаем, что мистические обряды и посвящения многочисленны, строги, суровы и магичны по своему характеру, пропорционально недостатку цивилизованности у тех, кто их практикует. Чем меньше цивилизации, тем таинственнее и жестче обряды. Чем жестче обряды, тем меньше цивилизации. Раскаленная докрасна кочерга, которой мистер Вышибала пугал мистера Верданта Грина во время фальшивых масонских обрядов, была бы вполне к месту, естественным орудием условной пытки, в масонстве австралийцев, манданцев или готтентотов. В мистериях Деметры или Вакха, в мистериях цивилизованного народа раскаленная докрасна кочерга или любое другое орудие пытки были бы неуместны. Но в греческих мистериях, так же как и в мистериях южноафриканцев, краснокожих индейцев и австралийцев, сохранился отвратительный обычай обмазывать неопита грязью и глины. У нас нет ничего подобного в современных посвящениях. За исключением Спарты, греки отказались от пыток, которым подвергали мальчиков и девочек во время посвящений, проводимых жестокой Артемидой.^[16] Но греческие мистерии сохранили обмазывание грязью и использование рычащего быка. Таким образом, в целом и при общем взгляде на предмет мы предпочитаем думать, что бычий рев в Греции был пережитком мистерий дикарей, а не что бычий рев в Нью-Мексико, Новой Зеландии, Австралии и Южной Африке является пережитком цивилизации.

Давайте теперь обратим внимание на замечательную особенность *терндана*, или австралийского быка-ревуна. Бык-ревун в Англии - это игрушка. В Австралии, по словам Ховитта и Файсона,^[17] к быку-ревуно относятся с религиозным благоговением. 'Когда во время недавней встречи с двумя выжившими курнаями я заговорил с ними о терндане, они сначала осторожно огляделись вокруг, чтобы убедиться, что больше никто не смотрит, а затем ответили мне вполголоса'. Главная особенность, связанная с поворотом, заключается в том, что женщины могут никогда не смотреть на него. У племени чепара, которое называет это *бриббун*, есть обычай, согласно которому "если это увидит женщина или мужчина покажет женщине, наказанием для обоих будет *смерть*".

Среди курнаев священная тайна турндуна сохраняется легендой, которая дает сверхъестественное разрешение на секретность. Когда мальчики проходят мистическую церемонию посвящения, им показывают вертушки, или ревуны быков, и заставляют слушать их

отвратительный грохот. Затем им говорят, что, если когда-нибудь женщине будет позволено увидеть разворот, земля разверзнется, и вода покроет земной шар. Старики приставляют копыя к глазам мальчика, говоря: 'Если ты скажешь это какой-нибудь женщине, ты умрешь, ты увидишь, как земля разверзнется и станет похожа на море; если ты скажешь это какой-нибудь женщине или ребенку, ты будешь убит!' Как и в Афинах, в Сирии и среди манданов, традиция о всемирном потопе в Австралии связана с мистериями. В Гиппсленде существует предание о всемирном потопе. 'Несколько детей курнаи, играя, нашли вертушку, которую они принесли домой в лагерь и показали женщинам. Тотчас же земля осыпалась, и вся она превратилась в воду, и курнаи утонули".

Вследствие всего этого ряженья австралийские женщины придают большое значение самому названию терндан. Они гораздо менее сведущи в своей собственной теологии, чем мужчины племени. Одна женщина верила, что слышала, как Панджель, главное сверхъестественное существо, спускался с могучим грохотом, то есть со звуком поворотного барабана, когда мальчиков "делали мужчинами", или инициировали.[18] При отказе австралийские колдуны могут взлететь на небеса. Вертушки, вырезанные в виде водяных цветов, используются знахарями для вызывания дождя. В Новой Зеландии также есть свои погонщики быков; некоторые из них, вырезанные рельефно, находятся в музее Кристи, а один выгравирован здесь. У меня нет прямых доказательств использования этих маорийских ревунов в мистериях маори. Однако, возможно, можно сделать предварительный вывод об их использовании.

Легко поверить, что новозеландский быко-рев может быть повержен любым человеком, который повторяет *Каракию*, или "заклинание для поднятия ветра":

Громкий ветер,
Продолжительный ветер,
яростный свистящий ветер,
Раскрой спокойное небо,
Приди, приди.

В Новой Зеландии[19] 'местные жители считали ветер признаком присутствия своего бога', суеверие, не свойственное религии маори. "Холодный ветер", который ощущается на руках во

время спиритических сеансов, также рассматривается (исследователями физики) как признак присутствия сверхъестественных существ. Ветреный рев, издаваемый быком-ревуном, мог быть легко воспринят дикарями либо как приглашение богу, который должен явиться во время бури, либо как доказательство того, что он рядом. Мы видели, что этой точки зрения на самом деле придерживалась австралийская женщина. Гимн под названием "дыхание" или хаха, гимн мистическому ветру, произносится священниками маори в момент посвящения юношей в племенные мистерии. Это всего лишь предположение, и, возможно, его можно опровергнуть, но у нас есть подозрение, что использование *mystica vannus lacchi* было способом поднятия священного ветра, аналогичного тому, который используют вертушки терндана.[20]

Сервий, древний комментатор Вергилия, упоминает, среди прочих мнений, следующее — что *ванн* был решетом и что оно символизировало очищающий эффект мистерий. Но ясно, что Сервий только предполагал; и он предлагает другие объяснения, среди которых то, что *ваннус* был ящиком для хранения подношений, *primitias frugum*.

Мы изучали быка-ревуна в Австралии, мы мельком увидели его в Англии. Его существование на американском континенте подтверждается письмами из Нью-Мексико и отрывком из "Приключений в Зуну" мистера Фрэнка Кушинга.[21] Также в зуни, среди полукцивилизованного индейского племени, или, скорее, племени, перешедшего от дикости к варварству, мы находим ревуна-быка.[22] Здесь также инструмент — 'планка', как называет его мистер Кушинг, — используется как призыв к церемониальному соблюдению племенного ритуала. У зунийцев есть различные 'ордена более или менее священного характера'. Мистер Кушинг пишет:

Эти ордена участвовали в своих ежегодных церемониях, о которых мне мало что рассказывали или показывали; но по прошествии четырех дней однажды утром я услышал *глубокий жужжащий* звук. Выбегав на улицу, я увидел процессию из трех жрецов лука, в шлемах с плюмажами и плотно облегающих кирасах, оба из толстой оленьей кожи - великолепные и торжественные, со священными вышивками и боевой раскраской, вооруженные луками, стрелами и боевыми дубинками, и каждый отличался своим знаком ученой степени, — спускавшихся по одной из узких улочек. Главный жрец нес в руках деревянного идола, свирепого на вид, но прекрасного своими украшениями из ракушек, бирюзы и блестящей краски. Она была почти скрыта символическими планками и молитвенными палочками с самыми искусными перьями. Перед ним шел страж с натянутым луком и стрелами, в то время как другой следовал за ним, *вращая звонкую планку*, что привлекло в равной степени мое внимание и внимание сотен индейцев, которые поспешно взобрались на крыши соседних домов или выстроились вдоль улицы, склоняя головы в знак обожания и вознося священную молитвенную трапезу богу и сопровождающим его жрецам. Они медленно спустились с холма, пересекли реку и направились к горе Грома. Вскоре за ними последовала такая же процессия, которая направилась к западным холмам. Я долго наблюдал за ними, пока они не исчезли, и через несколько часов после этого с вершины "Горы Грома" поднялся густой столб дыма, одновременно с другим столбом дыма с более отдаленной западной горы У-ха-на-ми, или "Горы Возлюбленного".

Затем они сказали мне, что в течение четырех дней я не должен ни прикасаться, ни есть мясо или масло любого вида, и в течение десяти дней не выбрасывать мусор за дверь и не позволять искре покинуть мой дом, ибо "Это было время года, когда "прародительница людей" (огонь) была драгоценна".

Итак, здесь, в Зуни, мы снова видим быка-ревуна, и мы снова находим его используемым как призыв к мистериям. Однако мы не узнаем, что женщинам в зуни запрещено смотреть на быка-ревуна. Наконец, южноафриканские свидетельства, представленные письмами корреспондента мистера Тайлора, доказывают, что и в Южной Африке быкореватель используется для созыва мужчин на тайные мероприятия. Подробное описание инструмента и его магической способности вызывать ветер приведено в "*Кафрском фольклоре*" Теаля, стр. 209. Быко-ревун не был предметом специальных исследований; очень вероятно, что более поздние исследования обнаружат его в других частях современного мира, помимо Америки, Африки, Новой Зеландии и Австралии. Мне самому посчастливилось столкнуться с ревающим быком на земле древней Греции и в связи с дионисийскими мистериями. Клеменс Александрийский и Арнобий, отец-раннехристианин, который следует за Клеменсом, описывают некоторые игрушки младенца Диониса, которые использовались в мистериях. Среди них *турбины*, *κῦρος* и *ρόμβος*. Обычные словари интерпретируют все это как волчки для взбивания, добавляя, что *ρόμβος* иногда означает "волшебное колесо". Древний схолиаст о Клеменсе, однако, пишет: "*κῦρος* - это маленький кусочек дерева, к которому привязана веревочка, и в мистериях им вертят, издавая оглушительный звук".[23] Здесь, вкратце, мы имеем краткое, но полное описание ревуна-быка австралийского *терндана*. Ни один пункт не пропущен. *κῦρος*, как и *вертушка*, представляет собой небольшой деревянный предмет, его привязывают к веревке, при вращении он издает грохочущий звук, и его используют при посвящениях. Это еще не конец дела.

В той части дионисийских мистерий, на которой были выставлены игрушки младенца Диониса и во время которой (как кажется) жужжал *κῦρος*, или ревущий бык, исполнители вымазывали себя глиной. Об этом мы узнаем из отрывка, в котором Демосфен описывает молодость своего ненавистного противника Эсхина. Мать Эсхина, по его словам, была своего рода 'мудрой женщиной' и знатоком тайн. Эсхины обычно помогали ей, обмазывая посвящаемого глиной и отрубями.[24] Слово *ἀπομάττω*, используемое здесь Демосфеном, объясняется Арфократией как ритуальным термином для нанесения мази на посвященных. Как обычно, была рассказана история, объясняющая этот обряд. Рассказывали, что, когда Титаны напали на Диониса и разорвали его на куски, они сначала разрисовали себя глиной или гипсом, чтобы их нельзя было узнать. Ноннус в нескольких местах показывает, что вплоть до его времени участники вакхических мистерий сохраняли этот грязный прием. Точно такой же трюк преобладает в "Тайнах диких народов". Мистер Уинвуд Рид[25] сообщает о свидетельстве Монджиломбы. При посвящении Монгиломба был 'жестоко выпорот в Доме Фетиша' (как молодых спартанцев пороли перед анимированным изображением Артемиды), а затем его 'обмазали козым навозом'. Среди уроженцев Виктории,[26] 'тело посвящаемого вымазано глиной, илом, древесным порошком и всякой нечистотой'. Девочки оштукатурены древесным углем и белой глиной, похожей на греческий гипс. Похожая мазня была нанесена манданами на мистериях, как описано Кэтлин, а зуни совершили набег на черную краску мистера Кушинга и китайские чернила для аналогичных целей. На Конго м-р Джонсон обнаружил точно такой же ритуал при посвящениях. Итак, здесь, чтобы не множить примеры, мы обнаруживаем две особые черты, общие между греческими и дикарскими мистериями. И греки, и дикари используют рычащего быка, и те, и другие обмазывают посвященных грязью, белой краской или мелом. Что касается значения последней, весьма неарийской практики, никто не имеет ни малейшего представления, если только она не представляет собой нечистое состояние непосвященного, которое позже очищается церемониями посвящения. Достоверно только, что боевые отряды

австралийских чернокожих обмазывают себя белой глиной, чтобы напугать своих врагов ночными нападениями. Фокейцы, согласно Геродоту (viii. 27), применил ту же 'хитрую стратегию', как выразился капитан Костиган. Теллий, знахарь (μάντις), записал мелом около шестидесяти фокейцев, которых он послал совершить ночную атаку на фессалийцев. Стражи последнего были охвачены сверхъестественным ужасом и обратились в бегство, "а вслед за стражами двинулась армия". Точно так же, во время ночной атаки австралийских курнаев,[27] "все они быстро раскрасили себя трубочной глиной: красная охра бесполезна, она не может напугать врага". Таким образом, если греки в исторический период придерживались австралийской тактики, вполне вероятно, что древние мистерии Греции могли сохранить привычку мазать посвященных, которая встречается в обрядах дикарей.

'Ну же, - как сказал бы Геродот, - я еще раз покажу, что мистерии греков похожи на мистерии бушменов'. В "Трактате о танцах" Лукиана,[28] мы читаем: "Я пропускаю мимо ушей тот факт, что вы не можете найти ни одной древней мистерии, в которой не было бы танца.... Чтобы доказать это, я не буду упоминать о тайных богослужениях из-за непосвященных. Но почти все люди знают, что большинство людей говорят о тех, кто раскрывает тайны, что они "выплясывают их". 'Здесь Лиддел и Скотт пишут, довольно слабо: 'выплясывать, выпустить, предать, вероятно, какой-то танец, пародирующий эти церемонии'. Крайне маловероятно, что в эпоху, когда все еще запрещалось раскрывать ~~оруд~~ или тайные обряды, эти обряды высмеивались в популярных бурлесках. Люциан, очевидно, хочет сказать, что суть мистерий была изложена в *ballets d'action*. В точности так обстоит дело в сохранившихся "Тайнах бушменов". Вскоре после восстания племени Лангалибалеле мистер Орпен, главный судья территории Сент-Джонс, познакомился с Цинном, одним из последних представителей почти истребленного племени. Цин 'никогда не видел белого человека, кроме как в бою', когда стал гидом мистера Орпена. Он рассказал много информации о мифах своего народа, но отказался отвечать на некоторые вопросы. 'Сейчас вы спрашиваете о секретах, о которых не говорят'. Мистер Орпен спросил: 'Знаете ли вы секреты?' Цин ответил: 'Нет, только посвященные в этот танец знают эти вещи'. 'Танцевать' то или иное означает "приобщаться к той или иной тайне"; первоначально танцам научил Канн, богомол или бог-кузнечик. Во многие мистерии Цин, будучи молодым человеком, не был посвящен. Он не мог "вытанцовывать их".[29]

Таким образом, существует несомненное сходство между греческими мистериями и мистериями низших современных рас.

Что касается ревуна быка, то его распространенность среди греков, зунов, камилароев, маори и южноафриканских рас будет расценена некоторыми исследователями как доказательство того, что все эти племена имели общее происхождение или заимствовали инструмент друг у друга. Но в этой теории нет необходимости. Устройство для рева быков - очень простое изобретение. Любой может обнаружить, что кусок заостренного дерева, привязанный к веревочке, при вращении издает грохочущий звук. Предположим, что это открытие сделано, и вскоре оно находит практическое применение. У всех племен есть свои тайны. Всем нужен сигнал, чтобы собрать вместе нужных людей и предупредить неподходящих, чтобы они держались подальше. Церковный колокол делает для нас столько же, сколько потрясенный *сейструм* для египтян. Люди, у которых нет ни колокольчиков, ни *сейстры*, находят, что ревун быков с его таинственным звуком обслуживает их очередь. Соккрытие инструмента от женщин достаточно естественно. Это просто усиливает тревогу и отсутствие любопытного пола вдвойне. Истории о сверхъестественных последствиях, которые последуют, если женщина увидит, как его

разворачивают, дают санкцию. Это не случайная теория, не имеющая под собой оснований. У туземцев Бразилии нет ревуна быка, но у них есть тайны, и присутствие женщин на мистериях мужчин - ужасное нечестие. Чтобы отпугнуть женщин, бразильцы играют громкую 'дьявольскую музыку' на так называемых 'свирелях джурупари'. Теперь, как и в Австралии, *женщинам запрещено пользоваться трубками джурупари под страхом смерти*. Когда раздаются звуки труб джурупари, как, например, когда в Австралии раздается сигнал отбоя, каждая женщина убегает и прячется. Женщин всегда казнят, если они видят трубки. Мистер Альфред Уоллес купил пару таких трубок, но ему пришлось погрузить их на место подальше от деревни, где они были приобретены. Продавец боялся, что произойдет какое-то неизвестное несчастье, если женщины из его деревни обратят внимание на джурупари.[30]

Вывод из всех этих фактов кажется очевидным. Рычащий бык - это инструмент, который дикари легко изобрели и легко внедрили в ритуалы диких мистерий. Если мы обнаружим, что рычащий бык использовался в мистериях наиболее цивилизованных древних народов, то наиболее вероятным объяснением будет то, что греки сохранили обе мистерии: рычание быка, привычку обмазывать посвящаемого грязью, истязание мальчиков, священные непристойности, выходы со змеями, танцы и тому подобное с тех времен, когда их предки были в диком состоянии. То, что впоследствии в мистерии были привнесены более утонченные и религиозные идеи, кажется несомненным, но обряды были во многих случаях просто дикарскими. Непонятные (за исключением пережитков), встречающиеся у эллинов, они становятся достаточно понятными среди дикарей, потому что соответствуют интеллектуальному состоянию и магическим фантазиям низшего варварства. Такого же рода сравнение, такое же объяснение, как мы увидим, объясняют мифы дикарей, а также дикие обычаи, сохранившиеся среди греков.

СНОСКИ:

[16] Павсаний, iii. 15. Когда мальчиков жестоко бичевали, жрица Артемиды Ортия держала в руках древнее варварское деревянное изображение богини. Если мальчиков щадил, изображение становилось тяжелее; чем больше их пытали, тем светлее становилось изображение. На Самоа перед битвой обращаются к изображению бога Таэмы (зубы акулы). "Если он казался тяжелым, это было плохим предзнаменованием; если легким, знак был хорошим" — бог был доволен (Тернерс Самоа, стр. 55).

[17] Камиларой и Курнай, стр. 268.

[18] Фисон, *Журнальный антрополог*. Соч., ноябрь 1883г.

[19] Taylor's *Новая Зеландия*, стр. 181.

[20] Это не точка зрения ле Пера Лафито, ученого миссионера-иезуита в Северной Америке, который написал (1724) работу о нравах дикарей в сравнении с нравами языческой древности. Лафито, который был сильно поражен сходством между греческими ирокезскими или карибскими посвящениями, принимает другое объяснение Сервия о *мистике ваннус*, "сосуде из ивняка, содержащем сельские подношения в виде первых плодов". По словам Лафито, это в точности соответствует карибскому *Матуту*, на котором они предлагают священные лепешки из маниоки.

[21] Журнал "Сенчури", май 1883г.

[22] Подробный отчет о тайнах индейцев Пуэбло и использовании ими рычащего быка можно найти в "Танце змей моки" капитана Бурка.

[23] Κῶνος ξυλάριον οὗ ἐξήρπται τὸ σπартίον καὶ ἐν ταῖς τελεταῖς ἐδovεῖ το ἰ να ροιζῇ. Лобек, *Аглаофамус* (i. стр. 700).

[24] *De Corona*, стр. 313.

[25] *Дикая Африка*. Капитан Смит, друг Покахонтас, упоминает этот обычай в своей работе о Вирджинии, стр. 245-248.

[26] Brough Smyth, i. 60, используя свидетельства Хауитта, Таплина, Томаса и Вильгельми.

[27] *Камиларой и Курнай*, стр. 241.

[28] περὶ ὀρχήσεως, с. 15.

[29] *Ежемесячный журнал Кейпа*, июль 1874г.

[30] Уоллес, *Путешествия по Амазонке*, стр. 349.

МИФ О КРОНОСЕ.

В племени маори пау, когда маленький мальчик ведет себя грубо со своими родителями, его иногда предупреждают, что он "такой же плохой, как жестокий Тутенганахау". Если он спросит, кем был Тутенганахау, ему расскажут следующую историю:—

‘ В начале Небеса, Ранги и Земля, папа, были отцом и матерью всего сущего. “В те дни Небо лежало на Земле, и все было во тьме. Они никогда не были разлучены”. У Неба и Земли были дети, которые выросли и жили в этой густой ночи, и они были несчастны, потому что не могли видеть. Они были заключены между телами своих родителей, и не было света. Детей звали Туматуэнга, Тане Махута, Тутенганахау и некоторые другие. Итак, все они посоветовались, что делать с их родителями, Ранги и папой. “Убьем ли мы их или разделим?” “Идите, - сказал Туматуэнга, “ давайте убьем их”. “Нет, ” воскликнул Тане Махута, “ давайте лучше разделим их. Пусть один поднимется наверх и станет для нас чужаком; пусть другой останется внизу и будет нам родителем”. Только Таухири Матеа (ветер) сжалился над своими собственными отцом и матерью. Тогда боги фруктов, бог войны и бог моря (ибо все дети Папы и Ранги были богами) попытались разорвать своих родителей на части. Последним восстал лесной бог, жестокий Тутенганахау. Он перерезал сухожилия, соединявшие Небо и Землю, Ранги и Папу. Затем он сильно толкнулся головой и ногами. Тогда взвыли Небеса и воскликнула Земля: “Зачем это убийство? Зачем этот великий грех? Зачем уничтожать нас? Зачем разделять нас?” Но Тейн все толкал и толкал: Ранги унесло далеко в воздух. “*Стали видны те, кто до сих пор был скрыт между ложбинками грудей их родителей.*” Только бог бури отличался от своих собратьев: он восстал и последовал за своим отцом, Ранги, и обитал с ним на просторах неба.

Это история маори о разделении супружеских Небес и Земли. Разрезание их на части было работой Тутенгенахау и его братьев, и поведение Тутенгенахау до сих пор рассматривается как пример сыновнего нечестия.^[31] История сохранилась в священных гимнах очень глубокой древности, и многие мифы являются общими для других народов Тихого океана.^[32]

Теперь давайте перейдем от Новой Зеландии к Афинам, какими они были во времена Перикла. Сократ сидит на крыльце царя архонта, когда подходит Евтифроний и вступает с философом в беседу. После недолгого разговора Евтифрон говорит: "Вы сочтете меня сумасшедшим, когда я скажу вам, кого я преследую!" 'А что, у беглеца есть крылья?' - спрашивает Сократ. 'Нет, он не очень летуч в свои годы!' 'Кто он?' 'Мой отец'. 'Боже мой! ты же не это имел в виду. В чем его обвиняют?' 'В убийстве, Сократ. Затем Евтифрон объясняет случай, который причудливо иллюстрирует греческую цивилизацию. Отец Евтифрона был сельскохозяйственным рабочим на Наксосе. Однажды этот человек в пьяном угаре убил раба. Отец Евтифрона схватил рабочего, связал его, бросил в канаву, "а затем послал в Афины спросить прорицателя, что с ним делать'. Прежде чем прорицатель получил ответ, рабочий буквально 'умер в канаве' от голода и холода. За это преступление Евтифрон преследовал своего собственного отца. Сократ показывает, что он этого не одобряет, и Евтифрон таким образом защищает благочестие своего собственного поведения: 'Нечестивый, кем бы он ни был, не должен оставаться безнаказанным. Ибо разве люди не считают Зевса лучшим и праведнейшим из богов? Тем не менее, даже они признают, что Зевс связал своего собственного отца Крона, потому что тот нечестиво пожирал своих сыновей; и что Кронос тоже наказал своего собственного отца, Урана, по аналогичной причине, неизвестным способом. И все же, когда я выступаю против своего отца, люди злятся на меня. Это их непоследовательная манера говорить, когда речь идет о богах и когда речь идет обо мне.

Тут вмешивается Сократ. Он 'не может оставить без внимания эти истории о богах", и поэтому его только что обвинили в нечестии, за что он и умер. Сократ не может поверить, что бог Кронос искалечил его отца Урана, но Евтифрон верит во все это: "Я могу рассказать вам много других вещей о богах, которые вас весьма удивили бы".^[33]

Перед нами типичный пример того, как мифология ставила в тупик ранних философов Греции. Сократ стремился быть благочестивым и уважать древнейшие традиции богов. Однако в самом начале священной истории он познакомился с рассказами о богах, которые калечили и связывали своих собственных родителей. Подобные истории были не только ненавистны ему, но и служили дурным примером для таких людей, как Евтифрон. Оставалась проблема: как отцы афинян вообще дошли до того, чтобы рассказывать подобные мифы?

Давайте теперь рассмотрим миф о Кроносе и объяснения, которые были даны учеными. Согласно Гесиоду (чья космогония была принята в Греции), незадолго до сотворения мира Земля породила Небеса. Позже Небеса, Уран, стали мужем Геи, Земли. Точно так же, как у Ранги и Папы в Новой Зеландии было много детей, у Урана и Геи тоже. Как и в Новой Зеландии, некоторые из этих детей были богами различных стихий. Среди них были Океан, бездна, и Гиперион, солнце, — как среди детей Земли и Неба в Новой Зеландии были Ветер и Море. Самым младшим отпрыском греческих Небес и Земли был 'Кронос с нечестивыми советами, который всегда ненавидел своего могущественного отца'. Теперь, как дети маори Небо и Земля были "скрыты во впадинах груди своих родителей", так и греческие Небеса 'прятали своих детей от света во впадинах Земли'. И Землю, и ее детей это возмутило, и, как и в Новой Зеландии, дети устроили заговор против Небес, однако посвятив Землю в свои советы. После

этого Земля произвела железо и повелела своим детям отомстить за причиненные им обиды.[34] Теперь страх охватил их всех, кроме Крона, который, как и Тутенг-Ахау, был полностью за действие. Кронос решил положить конец объятиям Неба и Земли. Но, в то время как миф маори представляет Небо и Землю как два существа, которые никогда прежде не были разделены, Гесиод заставляет Небеса влюбленно приблизиться к его жене на расстоянии. Затем Кронос протянул руку, вооруженную серпом из железа или стали, и изувечил Урана. Таким образом, Небо и Земля практически развелись. Но как в мифе маори один из детей Неба прилепился к своему отцу, так и в греческом языке Океан остался верен своему отцу.[35]

Это первая часть мифа о Кроносе. Можно ли отрицать, что история хорошо иллюстрируется и объясняется новозеландской параллелью, мифом о жестокости Тутенг-Анахау? С помощью этого сравнения смысл мифа становится достаточно ясным. Точно так же, как новозеландцы когда-то считали Небо и Землю едиными в ущерб своим детям, так и предки греков верили в древний союз Неба и Земли. И греки, и маори считали Небо и Землю живыми существами, с человеческими частями тела и страстями. Их союз наносил ущерб их детям, и поэтому дети насильно разлучили родителей. У пау маори такое поведение считается нечестивым и ужасным примером, которого следует избегать. С другой стороны, на Наксосе Евтифрон счел, что поведение Крона заслуживает подражания. Если бы когда-либо маори достигли высокой цивилизации, они, вероятно, были бы возмущены, подобно Сократу, мифом, сохранившимся со времен их дикости. М-р Тайлор Уэлл говорит,[36] "Точно так же, как тесла из полированного нефрита и плащи из связанного льняного волокна, которые эти новозеландцы носили еще вчера, стали старше на своем месте в истории". история, чем бронзовые боевые топоры и льняные одеяния для мумий древнего Египта, так что превращение природы поэтом-маори в природный миф принадлежит этапу интеллектуальной истории, который в Греции заканчивался двадцать пять веков назад. Представление мифотворца о Небе и Земле как отце и матери всего сущего, естественно, навело на мысль легенду о том, что в древние времена они жили вместе, но с тех пор были разорваны на части".

То, что такой взгляд на Небо и Землю естествен для ранних умов, мистер Тайлор доказывает наличием мифа о союзе и насильственном разводе пары в Китае.[37] Пуанг-ку - китайский Кронос, или Тутенг-Ахау. В Индии[38] Дьяус и Притхиви, Небо и Земля, когда-то были объединены и были разлучены Индрой, их собственным ребенком.

Таким образом, такова наша интерпретация подвига Крона. Это древний сохранившийся природный миф о разделении Неба и Земли, миф, распространенный в Китае, Индии, Новой Зеландии, а также в Греции. Конечно, никто не претендует на то, что китайцы и маори заимствовали у индийцев и греков или происходили из одного племени. Аналогичные явления, которые могут быть объяснены человеческим разумом на аналогичной стадии фантазии и невежества, объяснят параллельные мифы.

Вторая часть мифа о Кроносе, как и первая, была камнем преткновения для православных в Греции. Что касается второй части, то мы не предлагаем никаких объяснений, кроме того факта, что эпизоды, описанные в мифе, почти повсеместно встречаются среди дикарей, и что, следовательно, в Греции они, вероятно, являются пережитками дикости. Продолжение мифа, по-видимому, ни о чем не говорит, поскольку первая часть повествует о разделении Неба и Земли. В дальнейшем всемирная история, кажется, была связана с Кроносом или привлечена в цикл, центром которого он является, без какой-либо особой причины, вне закона, который

заставляет отдельные мифы выкристаллизовываться вокруг любого знаменитого имени. Возможно, в том, чтобы заглянуть дальше, *больше смысла, чем в Нью-Йорке*.

Завершение истории Крона звучит так: он женился на своей сестре Рее и родил детей — Деметру, Геру, Аиду, Посейдона и, наконец, Зевса. "И могущественный Кронос проглотил каждого из них, каждого, кто припал к коленям своей матери из ее священного лона, с таким намерением, чтобы никто другой из гордых детей Урана не имел царственной власти среди Бессмертных". Кронос продемонстрировал обычную для правящего отца ревность к своим наследникам. Это был случай с Фридрихом Вильгельмом и Фридрихом Фридрихом. Но Кронос (действуя естественным образом в истории, возможно, впервые придуманной каннибалами) проглотил своих детей вместо того, чтобы просто заключить их в тюрьму. Небо и Земля предупреждали его остерегаться своих наследников, и он не мог придумать более безопасного плана, чем тот, который он принял. Когда Рея собиралась стать матерью Зевса, она бежала на Крит. Здесь родился Зевс, и когда Кронос (следуя своей обычной политике) попросил о ребенке, ему подарили камень, завернутый в пеленки. Проглотив камень, Кронос успокоился; но Зевс вырос, ввел дозу своему отцу и вынудил его извергнуться. "Камень появился первым, так как он проглотил его последним".^[39] Появились и другие дети, все живые и невредимые. Зевс установил камень в Дельфах, где спустя много лет после христианской эры его увидел Павсаний.^[40] Павсаний рассказывает нам, что это был небольшой камень, и дельфийцы обычно смазывали его маслом и заворачивали в шерсть по праздникам. У всех греческих храмов были свои камни-фетиши, и у каждого камня была своя легенда. Это была история дельфийского камня и фетишизма, который пережил первые годы христианства. Это очень красивая история. Дикари чаще мажут свои фетишные камни красной краской, чем намазывают их маслом, но последнее, как мы узнаем из рассказа Теофраста о "суеверном человеке", было греческим ритуалом.

Этот анекдот о Кроносе был камнем преткновения для ортодоксальных греков, насмешкой для скептиков и прикладом для раннехристианских полемистов. Это повествование, встречающееся у бушменов или австралийцев, может показаться довольно диким, но оно поражает нас еще больше, когда встречается в священных легендах Греции. Наше объяснение его присутствия там достаточно простое. Подобно беспорядочным глыбам на современной равнине, подобно кремневым головкам на лугу, эта история - пережиток очень далекого прошлого. Ледниковый период оставил валуны на равнине, дикие племена давних времен оставили наконечники стрел, период дикой фантазии оставил историю о Кроносе и ритуалы с фетиш-камнем. Подобные обряды, как известно, до сих пор практикуются дикарями на островах Южного моря, в Сибири, Индии, Африке и Меланезии. И дикари до сих пор рассказывают подобные истории.

Мы не можем опуститься намного ниже бушменов, и среди божественных мифов бушменов есть место для "трюка с глотанием", приписываемого Кроносу Гесиодом. Главным божественным персонажем в мифах бушменов является насекомое-богомол. Его приемная дочь - дочь Квай Хемма, сверхъестественного персонажа, 'всепожирателя'. Богомол уговаривает свою приемную дочь позвать глотателя к себе на помощь; но Квай Хемм проглатывает Богомола, божественное насекомое. Поскольку Зевс заставил свою собственную жену превратиться в насекомое, чтобы удобнее было ее проглотить, между бушменской и ранней греческой мифологиями нет большой разницы. Квай Хемм убит хитростью, и все животные, которых он добыл за пределами своей долгой и прожорливой карьеры, покидают его живыми и здоровыми,

подобно проглоченным богам из пасти Крона.[41] Теперь, история за историей, версия бушмена гораздо менее оскорбительна, чем версия Гесиода. Но история бушменов - это именно та история, которую мы ожидаем от бушменов, тогда как история Гесиода - это совсем не та история, которую мы ожидаем от греков. Объяснение состоит в том, что греки вышли из дикого состояния ума и общества, но сохранили свои старые мифы, мифы, возникшие на стадии дикости и гармонизировавшие с этим состоянием фантазии. Среди кафиров[42] мы находим тот же самый "миф о ласточке". Игонконго глотает всех подряд; женщина режет глотателя ножом, и 'оттуда вышли люди, и скот, и собаки'. В Австралии проглатывают бога. Как и в мифе, сохраненном Аристофаном в "Птицах", австралийцы верят, что птицы были изначальными богами, и особенно орел - великая созидательная сила. Луна была озорным существом, которое бродило по миру, творя все возможное зло. Однажды он проглотил бога-орла. Подошли жены орла, и Луна спросила их, где он может найти колодец. Они указали на колодец, и, пока он пил, они ударили по Луне каменным томагавком, и оттуда вылетел орел.[43] Это странно похоже на сказку братьев Гримм 'Волк и дети'. Волк проглотил детей, их мать прорезала в волке дыру, выпустила детей, набила волка камнями и снова зашила его. Волк пошел к колодцу напиться, тяжесть камней затянула его внутрь, и он утонул. Подобные истории распространены среди краснокожих индейцев, и мистер Им Турн нашел их в Гвиане. Трудно сказать, как дикарям во всем мире пришла в голову идея, что людей и зверей можно проглатывать и извергать живьем, и почему они превратили эту идею в божественный миф. Мистер Тайлор, в "*Первобытной культуре*", [44] добавляет множество примеров повествования. Это есть у басуто; это встречается около пяти раз в "*Детских сказках Зулы*" Кэллауэя. В Гренландии эскимосы имеют представление об этом инциденте, и мы все слышали о побеге Ионы.

Было высказано предположение, что ночь, накрывшая мир, дала первое представление о мифе о проглатывании. В некоторых рассказах ночь, очевидно, представлена как большой зверь, который поглощает все сущее. Представление о том, что ночь - это животное, полностью согласуется с метафизикой дикарей. По мнению дикаря-спекулянта, все сущее - это люди и животные. 'Ils se persuadent que non seulement les hommes et les autres animaux, mais aussi que toutes les autres choses sont animées,' says one of the old Jesuit missionaries in Canada.[45] 'Ветер раньше был человеком; он стал птицей', - говорят бушмены. *G' oö ka! Куу* (очень уважаемый бушмен, чье имя, кажется, немного труднопроизносимо) однажды видел человека-ветер в Харфонтейне.

Таким образом, дикари убеждены, что ночь, небо, облако, огонь и так далее - это всего лишь *schein*, или чувственная видимость вещей, которые, по сути, являются людьми или животными. Хорошим примером является принесение ночи в Вануа Лаву Катом, 'культурным героем' Меланезии. Сначала всегда был день, и люди устали от этого. Кат услышал, что эта Ночь была на островах Торреса, и отправился за ними. Кун (Ночь) хорошо принял Ката, подкрасил ему брови, показал ему Поспать и отправил его с птицами, чтобы принести Рассвет, поскольку с приходом Ночи Рассвет должен стать необходимостью. На следующий день братья Кат увидели, как солнце уплывает на запад, и вскоре с моря наплзла Ночь. "Что это?" - закричали братья. 'Сейчас ночь', - сказала Кат. - "Сядь, и когда почувствуешь что-нибудь в глазах, ложись и молчи". И они отправились спать. "Когда Ночь продлилась достаточно долго, Кат взяла кусок красного обсидиана и разорвала тьму, и наступил Рассвет".[46]

Ночь в этой сказке более или менее личная и достаточно плотная, чтобы ее можно было разрезать и выпустить наружу Рассвет. Это дикарское представление о Ночи, как о глотателе и

извергающем, могло бы дать начало представлению о других глотающих и извергающих существах. Опять же, бушмены и другие дикие народы объясняют определенные небесные явления тем, что 'большая звезда проглотила свою дочь и снова выплюнула ее'. Хотя природные явления, объясненные на принципах дикости, могут дать данные мифа о ласточке, мы не должны делать вывод, что все существа, с которыми связана эта история, являются, следовательно, ночными. Исходя из этого принципа, Кронос был бы Ночью, как и волк из "Братьев Гримм". Для наших целей достаточно того, что подвиг Крона - это подвиг, близкий воображению дикарей и вызывающий отвращение у цивилизованных греков, оказавшихся обладателями этого мифа. Помимо этого и вывода о том, что миф о Кроносе был впервые развит людьми, которым он казался вполне естественным, то есть дикарями, мы не претендуем на то, чтобы идти дальше в нашей интерпретации.

Завершая наше исследование мифа о Кроносе, мы можем сравнить решения, предложенные учеными. Как правило, эти решения основаны на филологическом анализе имен в рассказе. Будет видно, что филологи самого высокого авторитета предлагают очень различные и абсолютно противоречивые этимологии и значения Cronus. Эти противоречия, к сожалению, являются скорее правилом, чем исключением в этимологической интерпретации мифов.

Мнение мистера Макса Мюллера всегда имеет право быть услышанным английскими исследователями первым. Мистер Мюллер, естественно, сначала рассматривает имя бога, легенду о котором он исследует. Он пишет: 'В санскрите нет такого существа, как Кронос. Кронос появился в Греции намного позже Зевса. Греки называли Зевса сыном Времени (κρόνος). Это очень простая и очень распространенная форма мифологического выражения. Первоначально это означало не то, что время было источником Зевса, но Κρονίῳ или κρονίδης использовалось в смысле "связанный со временем, представляющий время, существующий на протяжении всего времени". Производные от -ωνυ и -ίδης, в более поздние времена приобрели более исключительное значение отчеств.... При этом (значение Κρονίδης как эквивалент Древнего дней) перестала быть понятным, ... люди задавали себе вопрос, почему Ζεύς звонил Κρονίδης? И естественным и почти неизбежным ответом было: Потому что он сын, отпрыск более древнего бога, κρόνος. Возможно, это очень старый греческий миф, но недоразумение, породившее его, могло произойти только в Греции. Следовательно, мы не можем ожидать, что в Ведах есть бог κρόνος.' Ожидать от Вед греческого языка, безусловно, было бы оптимистично. "Когда этот миф о κρόνος когда-то был начат, он неудержимо развивался. Если Ζεύς однажды отец позвал Κρόνος, Κρόνος должен иметь жены. В качестве подтверждения добавляется, что "имя κρονίδης первоначально принадлежит только Зевсу, а не его более поздним" (у Гесиода старшего) "братьям, Посейдону и Гадесу".[47]

Г—н Мюллер говорит в своем знаменитом эссе "Сравнительная мифология"[48]: "Как мы можем представить, что за несколько поколений до этого времени" (эпоха Солона) "высочайшие представления греков о Божестве были адекватно выражены историей об Уране, искалеченном Кроносом, - о том, как Кронос съел своих детей, проглотил камень и его вырвало оставить в живых все его потомство? Среди низших племен Африки и Америки мы едва ли найдем что-либо более отвратительное.' Мы нашли много подобного в Африке и Америке, где это, кажется, не так уж неуместно.

Одно из возражений против теории мистера Мюллера состоит в том, что она не делает тайну более ясной. Когда греки были настолько продвинуты в эллинизм, что их собственные ранние

языка устарели и непонятны, они придумали бога Κρόνος, с учетом отчества (как они считали) Κρονίδης, сын Κρόνος. Но почему они рассказывали такие дикие и отвратительные истории о боге, которого они изобрели? Г-н Мюллер только говорит, что миф "будет неудержимо распространяться". Но почему "перекатывающийся миф" оброс таким очень странным мхом? В этом проблема; и хотя гипотеза мистера Мюллера объясняет существование бога по имени κρόνος, она даже не пытается показать, как полноправные греки поверили в такие отвратительные истории о боге.

Таким образом, эта теория не имеет никакой практической пользы. Теория Адальберта Куна, одного из самых известных ученых-санскритологов и автора книги "*Смерть героев*", прямо противоположна идеям г-на Мюллера. В Кроноса, г-н Мюллер признает Бога, который только и мог возникнуть у греков, когда греки начали забывать изначальный смысл производных в -ων и -ιδης. Кун, с другой стороны, происходит от κρόνος того же корня, что и санскритское *Krāna*. [49] *Крана*, по-видимому, означает *der für sich schaffende*, тот, кто творит для себя, и Крона сравнивают с индийским Прагapati, о котором рассказывают даже более отвратительные истории, чем мифы, которые распространяются в ущерб Кроносу. Согласно Куну, "миф о проглатывании" означает, что Кронос, повелитель светлых и темных сил, проглатывает божества света. Но вместо Зевса (то есть, согласно Куну, дневного неба) он проглатывает камень, то есть солнце. Когда он извергает камень (солнце), он также извергает богов света, которых он проглотил.

Я признаюсь, что не могу понять этих различий между отцом и владыкой света и тьмы (Кроносом) и существами, которых он проглотил. Мне также нелегко поверить, что мифотворческий человек принимал все эти различия или придерживался таких взглядов на Творца. Однако главное, что следует отметить, это то, что этимология мистера Мюллера и этимология Крона Куна вряд ли обе могут быть верными, что, поскольку обе их системы зависят от этимологического анализа, несколько сбивает с толку.

Следующая этимологическая теория - это смелое предположение мистера Брауна. В "*Великом дионисийском мифе*" [50] Мистер Браун пишет: "Я рассматриваю Кроноса как эквивалент Карноса, Карнайоса, Карнаивиса, Рогатого Бога; ассирийского, KaPHy; еврейского, KePeH, рога; эллинского, Кроноса или Карноса". Мистер Браун, кажется, думает, что Кронос - это "самый созревающая сила урожая", а также "коварный дикий бог", и с этим мнением можно вполне согласиться. Трудно сказать, почему имя Крона должно означать 'рогатый', если у него никогда не бывает рогов. Но среди различных чужеземных богов, в которых греки узнавали своего Крона, один Хеа, "которого Беросос называл Кроносом", по-видимому, "носил рога". [51] В Seb и Il отсутствуют рога, если не в Baal Hamon, хотя мистер Браун хотел бы их иметь.

Теперь обратимся к Преллеру. [52] Согласно Преллеру, κρόνος связано с κράινω, выполнять, доводить до завершения. Месяц урожая, месяц созревания и свершения, назывался κρονίω в некоторых частях Греции, а веселый праздник урожая, посвященный золотым дням Сатурна, получил название κρόνια. Серп Крона, серп времени сбора урожая, хорошо согласуется с этим объяснением, и у Гомера мы имеем своего рода каламбур, который указывает на происхождение Преллера от κράινω:-

οὐδ' ὅρα πῶ οἱ ἐπεκράϊαινε Κρονίω,

и у Софокла ('Tr.' 126):—

ὁ πάντα κραίνων βασιλεὺς Κρονίδας.

Преллер иллюстрирует увечье Урана сказкой маори о Тутенганахау. Проглатывание детей он связывает с пуническим и финикийским влиянием, а также с семитскими жертвоприношениями мужчин и детей. Порфирий[53] говорится о человеческих жертвоприношениях Кроносу на Родосе, и греки узнали Крона в карфагенском боге, которому приносились в жертву дети.

Хартунг[54] принимает Крона, когда он калечит Уран, за огонь солнца, опаляющий весеннее небо. Это, опять же, несколько не согласуется с идеей Шварца о том, что Кронос - бог бури, божество, поглощающее тучи, его серп - радуга, а кровь Урана - молния.[55] Согласно профессору. Повторюсь,[56] капли крови Урана - это капли дождя. Кронос - бог солнца, пронзающий темное облако, что прямо противоположно идее Шварца. Проф. Сэйс видит много общего между легендой о Молохе, или о Ваале под именем Молоха, и мифом о Кроносе. Но Молох, по его мнению, не бог финикийского происхождения, а божество, заимствованное у 'примитивного аккадского населения Вавилонии'. М-р Исаак Тейлор, опять же, объясняет Крона как небо, которое поглощает и воспроизводит звезды. История о серпе может происходить от полумесяца, 'серебряного серпа', или от куска метеоритного железа в форме полумесяца, поскольку, согласно этой теории, дельфийский фетический камень является куском этого вещества.

Следует заметить, что любая из этих теорий, если ее принять, гораздо более "детализирована", чем наше скромное предложение. Тот, кто усыновляет любого из них, знает об этом все. Он знает, что Кронос - чисто греческий бог, или что он связан с санскритским *Krāna*, которое Тиле,[57], к сожалению, называет 'очень сомнительным словом'. Или же мифолог может быть совершенно уверен, что Кронос - не грек и ни в каком смысле не санскрит, а финикиец. Не менее адекватная интерпретация в конечном счете относит его к Аккадии. В то время как исследователь, который может выбрать систему и придерживаться ее, знает точную национальность Крона, он также хорошо знаком с его характером бога природы. Он может быть Временем, или, возможно, Летней Жарой и рогатым богом; или он бог урожая, или бог бури и тьмы, или полуночного неба, — выбор широк; или он повелитель тьмы и света, и его дети - звезды, облака, летние месяцы, силы света, или что вам угодно. Мифологу остается только сделать свой выбор.

Система, согласно которой мы пытались интерпретировать миф, менее *сложна и разнообразна*. Мы даже не претендуем на объяснение всего. Мы не догадываемся о значении и корне слова *Cronus*. Мы находим параллели с мифом только у дикарей, чье психическое состояние изобилует подобными легендами. И мы только предполагаем, что миф о Кроносе изначально был создан людьми, также находившимися в диком интеллектуальном состоянии. Выживание мы объясняем так же, как в предыдущем эссе мы объясняли выживание быка-ревуна, консерватизмом религиозного инстинкта.

СНОСКИ:

[31] Новая Зеландия, Тейлор, стр. 119-121. *Die heilige Sage der Polynesier*, Bastian, pp. 36-39.

- [32] Множество похожих мифов, в одном из которых змей разделяет Небо и Землю, напечатано в издании Тернера *Самоа*.
- [33] Использованный перевод принадлежит Джоуэтту.
- [34] *Theog.*, 166.
- [35] Аполлодор, i. 15.
- [36] *Первобытная культура*, глава 325.
- [37] Паутье, *Священные книги Востока*, стр. 19.
- [38] Санскритские тексты *Мьюира*, т. 23. Айтарея Брахман.
- [39] Гесиод, *Богословие.*, 497.
- [40] Пауза., x. 24.
- [41] Блик, *Фольклор бушменов*, стр. 6-8.
- [42] Тил, *Кафрский фольклор*, стр. 161-167.
- [43] Броу Смит, i. 432-433.
- [44] i. 338.
- [45] *Закон Новой Франции* (1636), стр. 114.
- [46] Кодрингтон, в журнале *Anthrop. Инст.*, февраль 1881 г. Есть такой бретонский *город*, где люди должны были ежедневно 'встречать Рассвет' на повозках и лошадях. Мальчик, чьей единственной собственностью был петух, продал его жителям этой страны за большую сумму, и теперь петух приносит Рассвет, значительно сэкономив хлопоты и расходы. *Мархен* - это пережиток душевного состояния жителей Соломоновых островов.
- [47] *Избранные очерки*, i. 460.
- [48] *Там же.*, i. 311.
- [49] *Ueber Entwicklungsstufen der Mythenbildung* (1874), l. 148.
- [50] ii. 127.
- [51] *G. D. M.*, ii. 127, 129.
- [52] *Gr. My.*, i. 144.
- [53] *De Abst.*, ii. 202, 197.
- [54] *Отн. и миф.*, ii. 3.
- [55] *Источник мифа.*, стр. 133, 1, 5, 139, 149.
- [56] *Современное обозрение*, сентябрь 1883г.

КУПИДОН, ПСИХЕЯ И "ЛЯГУШКА-СОЛНЦЕ".

‘Давным-давно жили-были король и королева’, - говорит пожилая женщина у Апулея, начиная сказку о Купидоне и Психее той древней формулой, которая была дорога многим поколениям детей. В той или иной форме сказка о Купидоне и Психее, о женщине, которой запрещено видеть своего мужа или называть его по имени, о мужчине с исчезнувшей невестой-феей известна в большинстве стран, ‘даже среди варваров’. Согласно этой истории, мистический запрет всегда нарушается: созерцается скрытое лицо; свет проникает во тьму; произносится запретное имя; к невесте прикасаются табуированным металлом, железом, и союз расторгается. Иногда пара воссоединяется после долгих поисков и скитаний; иногда они разлучены навсегда. Таковы центральные ситуации в сказках, подобных сказке о Купидоне и Психее.

В попытке выяснить, как возникли идеи, на которых основан этот миф, мы можем выбрать один из двух методов. Мы можем ограничить наши исследования арийскими народами, у которых эта история встречается как в форме мифа, так и в виде бытовой сказки. И снова мы можем искать образы легенды, которые скрываются, подобно переодетому горожанину, среди грубых краалей и вигвамов, а также в странных и скудных одеяниях дикарей. Если у дикарей мы найдем оба повествования, подобные "Купидону" и "Психее", а также обычаи и законы, из которых мог возникнуть миф, мы можем предварительно заключить, что подобные обычаи когда-то существовали у цивилизованных рас, которым принадлежит этот рассказ, и что от них произошли ранние формы мифа.

В соответствии с принятым до сих пор методом мы предпочтем второй план и продолжим наши поиски за пределами арийских народов.

Древнейшая литературная форма сказания о Психее и ее возлюбленном содержится в "Ригведе" (х. 95). Персонажей необычного и циничного диалога в этом стихотворении зовут Урваши и Пуруравас. Первая - это Апсара, своего рода фея или сильфида, любовница (*итакже folle maîtresse*) Пурураваса, смертного человека.^[58] В стихотворении Урваси замечает, что, когда она жила среди мужчин, она "съедала раз в день маленький кусочек масла и, вполне удовлетворенная, уходила". Это немного напоминает распространенную идею о том, что живые не могут есть в стране мертвых, и о том, как Персефона отведала гранат в Аиде.

О диалоге в "Ригведе" можно сказать словами мистера Тутса, что "язык груб, а смысл неясен". Мы лишь заключаем, что Урваши, хотя и признает свое чувственное удовлетворение в обществе Пуруравас, покидает его "как первая из зорь"; что она "возвращается домой, которую трудно поймать, как ветер". Однако она дает своему возлюбленному некоторую надежду на то, что боги обещают бессмертие даже ему, такому "родственнику Смерти", каков он есть. "Пусть твое потомство совершит жертвоприношение богам; на Небесах ты тоже получишь радость от праздника".

Таким образом, в Ригведе мы смутно различаем расставание между смертным мужчиной и бессмертной невестой и обещание примирения.

История, частичной инсценировкой которой является эта ведическая поэма, приведена в "Брахмане Яджур Веды". Г-н Макс Мюллер перевел этот отрывок.^[59] Согласно Брахману, "Урваши, своего рода фея, влюбилась в Пурураваса, и когда она встретила его, она сказала: "Обнимай меня три раза в день, но никогда против моей воли, и позволь мне никогда не видеть тебя без твоих королевских одежд, *ибо таковы манеры женщин*".^[60] Гандхарвы, духовная раса, родственники Урваши, думали, что она слишком долго пробыла среди людей. Поэтому они придумали какой-то способ разлучить ее с Пуруравасом. Ее завет со своим господом гласил, что она никогда не должна видеть его обнаженным. Если бы этот договор был нарушен, она была бы вынуждена покинуть его. Чтобы заставить Пурураваса нарушить этот договор, гандхарвы украли ягненка из-под кровати Урваши: Пуруравас вскочил, чтобы спасти ягненка, и во вспышке молнии Урваши увидела его обнаженным, вопреки *обычаям женщин*. Она исчезла. Он долго искал ее и, наконец, пришел к озеру, где она и ее друзья-феи играли *в облике птиц*. Урваши увидела Пурураваса, открылась ему, и, по словам Брахмана, теперь была произнесена часть странного ведического диалога. Урваши пообещала встретиться с ним в последнюю ночь уходящего года: результатом собеседования должен был стать сын. На следующий день ее родственники, гандхарвы, предложили Пуруравасу исполнить желание его сердца. Он хотел быть одним из них. Затем они посвятили его в способ возжигания определенного священного огня, после чего он стал бессмертным и обитал среди гандхарвов.

Для индийского сознания в высшей степени характерно, что история должна быть таким образом соотнесена с ритуалом. Точно так же в "Бхагавата-пуране" есть длинное, глупое и довольно непристойное повествование о жертвоприношении, совершаемом Пуруравами, и о новом виде священного огня. Почти такой же ритуальный рассказ содержится в "Вишну-пуране" (iv. 6, 19).

Прежде чем пытаться предложить нашу собственную теорию легенды, мы должны изучить объяснения, представленные учеными. Филологический метод работы с мифами хорошо известен. Гипотеза состоит в том, что имена в мифе - "упрямые вещи", и что, поскольку все повествование, вероятно, возникло из-за забвения значения языка, секрет мифа следует искать в анализе собственных имен персонажей. Исходя из этого принципа, г-н Макс Мюллер интерпретирует миф об Урваши и Пуруравах, их любви, разлуке и воссоединении. Г-н Мюллер говорит, что эта история "выражает идентичность утренней зари и вечерних сумерек".^[61] Чтобы доказать это, проанализированы имена. Цель м-ра Мюллера - показать, что, хотя даже в Ведах Урваши и Пуруравас являются именами людей, первоначально они были "наименованиями"; и что Урваши означало 'рассвет', а Пуруравас - 'солнце'. Мнение м-ра Мюллера относительно этимологического смысла этого имени, естественно, было бы сочтено решающим для непрофессиональных читателей, если бы противоположного мнения не придерживался другой великий филолог и сравнительный мифолог, Адальберт Кун. Признавая, что "этимология Urvasi сложна", г-н Мюллер выводит его из "*uri*, широкий (*εὐρύς*), и корня *as* = пронизывать". Теперь рассвет означает "широко распространяющийся" и имеет на санскрите эпитет *urûkî*, "далеко идущий". Г-н Мюллер затем предполагает, что "Эврикида", "Эвринома", "Эвридика" и другие героические греческие женские имена являются "именами рассвет"; но это, надо сказать, всего лишь предположение его школы. Главный смысл этого аргумента заключается в том, что Урваши означает "далеко идущий" и что в Ведах часто говорится о "далеком и необъятном

великолепии зари". "Однако лучшим доказательством того, что Урваши была зарей, является легенда, рассказанная о ней и о ее любви к Пуруравасу, история, правдивая только о солнце и заре" (i. 407).

Вскоре мы увидим, что похожую историю рассказывают о людях, в которых едва можно распознать рассвет, так что "лучшее доказательство" не очень хорошо.

Имя Пуруравас, опять же, является 'подходящим именем для солнечного героя'. ... Пуруравас означал то же самое, что и *πολυδευκης*, "наделенный большим количеством света", поскольку хотя *рава* обычно используется для обозначения звука, корень *ru*, который изначально означает "плакать", также применяется к цвету в смысле громкого или кричащего цвета, то есть красного.[62] Интересно узнать, что наши арийские отцы говорили о 'ярких цветах' и были настолько чувствительны, что считали фиолетовый 'громким'. Кроме того, Пуруравас называет себя Васиштхой, что, как мы знаем, является именем солнца; и если его зовут Айдо, сын Иды, то это же имя дано в другом месте[63] к Агни, огню. Вывод из этого аргумента таков: античность говорила о обнаженном солнце и о целомудренной заре, скрывающей свое лицо, когда она видела своего мужа. И все же она говорит, что придет снова. И после того, как солнце путешествует по миру в поисках своей возлюбленной, когда оно подходит к порогу Смерти и собирается закончить свою одинокую жизнь, она появляется снова, в сумерках, так же, как заря, как Эос у Гомера, начинает и заканчивает день, и она уносит его к золотым тронам Бессмертных.[64]

Кун возражает против всех этих объяснений, частично на том, что мы считаем неадекватным, основании, что нет необходимой связи между историей об Урваши (интерпретированной таким образом) и ритуалом зажигания священного огня. Соединения такого рода были легко изобретены наугад составителями "Брахманов" в их существующем виде. Переходя к анализу имен, Кун находит в *Urvasi* 'ослабление *Urvank* ' (*uru* + *anc*), как *uvāṣa* от *юванки*, латинского *juvencus*; ... акцент не имеет решающего значения.' Кун не будет убежден в том, что Пуруравас - это солнце, и его не тронет остроумная теория "плачущего цвета", обозначаемая его именем, и вывод, подтверждаемый такими словами, как *руфус*, что цвета плача - красные, и, следовательно, соответствующие названия красного солнца. Связь между Пуруравами и Агни, огнем, — вот что привлекает Куна, и, короче говоря, там, где г-н Мюллер видит миф о солнце и заре, Кун распознает миф об огне. Рот, опять же (чье собственное имя означает *красный*), далек от мысли, что Урваши - это "целомудренная заря", интерпретирует ее имя как *die geile*, то есть 'развратный, похотливый, похотливый, распутный, непристойный'; в то время как Пуруравас, как 'Ревущий', предполагает 'Быка на гоне'. В соответствии с этими взглядами Рот объясняет миф по-своему.[65]

Итак, как говорит Кун, "у нас есть три принципиально разных способа интерпретации мифа", [66] все три основаны на филологическом анализе имен в рассказе. Нельзя привести лучшего примера, иллюстрирующего слабость филологического метода. Во-первых, этот метод опирается на имена как на примитивные пережитки и зародыши сказки, хотя история может происходить там, где имена никогда не были услышаны, и хотя имена, по-видимому, являются поздними дополнениями к истории, в которой персонажи изначально были анонимными. Опять же, самые выдающиеся этимологи абсолютно расходятся во мнениях относительно истинного смысла названий. Кун склонен видеть огонь повсюду, и мифы о пожаре; г-н Мюллер видит рассвет и мифы о рассвете; Шварц видит бурю и мифы о буре и так далее. Поскольку

православные учителя, таким образом, расходятся во мнениях, так что в православии нет безопасности, мы можем попытаться использовать наш неортодоксальный метод.

Никто из трех ученых, взгляды которых мы рассмотрели, — ни Рот, ни Кун, ни г—н Мюллер - не подчеркивает высказывание Урваши: "Никогда не позволяй мне видеть тебя без твоих королевских одежд, *ибо таков обычай женщин*".[67] На наш взгляд, в этих словах заключена суть мифа. Должно быть, когда-то существовал обычай, запрещавший женщинам видеться со своими мужьями без одежды, иначе эти слова не имеют никакого значения. Если бы существовал какой-либо обычай такого рода, вполне могла бы быть придумана история, санкционирующая закон. 'Ты никогда не должна видеть своего мужа обнаженным: подумай, что случилось с Урваси — она бесследно исчезла!' Это своего рода предупреждение, которое может быть дано. Если бы традиционный запрет устарел, наказание вполне могло быть назначено существу другой, духовной расы, в котором сохранились старые человеческие представления, подобно тому как неолитический страх перед железом сохранился в валлийских феях.

Наш метод будет заключаться в том, чтобы доказать существование особых правил этикета, соответствующих этикету, случайно нарушенному Пуруравами. Затем мы рассмотрим истории того же характера, что и об Урваши и Пуруравасе, в которых наказывается нарушение этикета. Будет видно, что в большинстве случаев невеста принадлежит к особой и, возможно, сверхъестественной расе. Наконец, история об Урваши будет рассмотрена снова, будет показано, что она соответствует по характеру другим рассмотренным историям, и будет объяснена как миф, рассказанный для иллюстрации или утверждения брачного этикета.

Жизнь дикарей связана самыми прочными узами обычая. Самые простые действия "табуированы", строгий кодекс регулирует все половые сношения. Супружеская жизнь, особенно в самых странных оковах. Не будет ничего примечательного в широком распространении мифа, обращенного к брачному этикету, если окажется, что этот закон брачного этикета также широко распространен. То, что он широко распространен, мы сейчас предлагаем продемонстрировать на примерах.

Обычай африканского народа королевства Фута является или был даже более строгим, чем ведический *женский* обычай: "жены никогда не позволяют своим мужьям видеть их обнаженными в течение трех лет после свадьбы".[68]

В своих *путешествиях в Тимбукту* (i. 94) Кайе говорит, что жениху 'не разрешается видеться со своей суженой в течение дня'. У него есть отдельно стоящая запретная хижина, и "если он вынужден выйти, он закрывает лицо". Он 'остаётся со своей женой только до рассвета' — как Купидон — и убегает, как Купидон, до рассвета. У австралийцев главное божество, если таковое можно назвать, Пунджел, "имеет жену, лица которой он никогда не видел", вероятно, в соответствии с каким-то первобытным этикетом или табу.[69]

Традиционная скромность йоруба запрещает женщине разговаривать со своим мужем или даже видеться с ним, если этого можно избежать.[70] Of the Iroquois Lafitau says: 'Ils n'oscent aller dans les cabanes particulières où habitent leurs épouses que durant l'obscurité de la nuit.'^[71] Черкесские женщины живут на расстоянии со своими господами, пока не станут матерями.[72] Сообщается, что подобные примеры сдержанности являются обычными среди фиджийцев.

В отсталых частях Европы странный обычай запрещает невесте разговаривать со своим мужем, словно в память о тех временах, когда муж и жена всегда принадлежали к чужим племенам и, как у карибов, говорили на разных языках.

В болгарском 'народном' Солнце женится на Грозданке, смертной девушке. Ее мать обращается к ней так:—

Грозданка, сокровище матери моей,
Девять долгих лет я лелеяла тебя,
Девять месяцев смотри, чтобы ты не заговорила
Со своей первой любовью, которая выходит за тебя замуж.

М. Дозон, который собрал болгарские песни, говорит, что этот обычай длительного молчания со стороны невесты очень распространен в Болгарии, хотя он начинает казаться нелепым.^[73] В Спарте и на Крите, как хорошо известно, жених долгое время был жертвой несколько схожего табу, и ему разрешалось искать общества своей жены только тайно и в темноте, подобно ирокезам, описанным Лафито.

Геродот сообщает нам (i. 146), что некоторые из старых ионийских колонистов "не привезли с собой женщин, но взяли в жены женщин карийцев, отцов которых они убили". Поэтому женщины установили для себя закон и передали его своим дочерям, что они никогда не должны сидеть за столом со своими мужьями и *что никто никогда не должен называть своего мужа по имени*. Точно так же в Стране Зулусов жена не может упоминать имя своего мужа, точно так же, как в валлийской сказке муж может даже не знать имени своей невесты-феи под страхом потерять ее навсегда. Эти идеи об именах и причудливые способы избежать использования имен отмечают детство языков, по словам г-на Макса Мюллера,^[74] и, следовательно, детство общества. Кафры называют этот этикет 'Хлонипа'. Он применим как к женщинам, так и к мужчинам. Кафрскую невесту не называют ее собственным именем в деревне ее мужа, но о ней говорят как о "матери такого-то" еще до того, как она родит ребенка. В основе этого обычая лежит всеобщее суеверие относительно имен. Жители алеутских островов, по словам Далла, весьма огорчаются, когда вынуждены разговаривать со своими женами в присутствии других людей. Фиджийцы не знали, куда деваться, когда миссионеры намекнули, что мужчина может жить под одной крышей со своей женой.^[75] Среди туркмен в течение шести месяцев, года или двух мужу разрешается навещать свою жену только тайком.

Число этих случаев, вероятно, можно было бы увеличить с помощью небольшого исследования. Наш аргумент заключается в том, что широко распространенные мифы, в которых муж или жена нарушают какой-то 'обычай' - видят лицо или тело другого или произносят запрещенное имя, — вполне могли возникнуть как сказки, иллюстрирующие наказание за нарушение правила. По очень любопытному совпадению, рассказ бретонского моряка о "Купидоне и Психее", по общему признанию, основан на существовании правил брачного этикета.^[76]

В этой истории сын пилота из Булони женится на дочери короля Наза - где бы это ни находилось. В Наз мужчине никогда не разрешается видеть лицо своей жены, пока она не родит ему ребенка — модификация правила Фута. Любопытный французский муж раздевает свою жену и, подобно Психее у Апулея, капает ей на щеку воском со свечи. Когда пара возвращается

в Наз, король этой страны обнаруживает проступок мужа и с помощью своих волшебников превращает француза в чудовище. Здесь мы имеем старую формулу — нарушение ‘табу’ и магическое наказание, — адаптированную к представлениям бретонских крестьян. Для нашей цели существенным моментом этой истории является то, что надевание вуали на невесту - это ‘женский обычай’ в таинственной стране Наз. ‘C’est l’usage du pays: les maris ne voient leurs femmes sans voile que lorsqu’elles sont devenues mères.’ Итак, наша теория мифа об Урваши проста: "обычай женщин", который нарушает Пурурава, вероятно, является традиционным арийским законом брачного этикета, *законом об оплате*, некогда распространенным среди жителей Индии.

Если наша точка зрения верна, то несколько правил этикета, а не одно в отдельности, будут проиллюстрированы в историях, которые, как мы предполагаем, были предложены правилами. В случае с Урваши и Пуруравасом правилом было не видеть мужа обнаженным. В ‘Купидоне и Психее’ на мужа вообще нельзя было смотреть. В хорошо известном мифе о Мелюзине невесту нельзя видеть обнаженной. Мелюзина говорит своему возлюбленному, что останется только с ним *dum ipsam nudam non viderit*.^[77] Такое же табу встречается у голландского *мэрчена*.^[78]

Теперь мы должны рассмотреть особую форму мифа, в котором странная невеста - не фея или духовное существо, а животное. В историях такого рода мужу обычно запрещается совершать какое-либо действие, которое вызовет у невесты ассоциации с ее прежним животным существованием. Обратная сторона сказки - хорошо известная легенда об отрешенном водяном. Морской царь разрешает своей жене-человеку ходить в церковь. Древние священные ассоциации возрождаются, и женщина больше не возвращается.

Она не придет, хотя ты зовешь ее весь день
Уходи, уходи.

Теперь, в рассказах о невесте-животном, именно ее ассоциации с ее прежней жизнью среди зверей не подлежат возрождению, и когда они пробуждаются вновь из-за совершения какого-либо действия, которое она запретила, или из-за пренебрежения какой-либо предосторожностью, которую она предписала, она, подобно Урваши, исчезает.

Наиболее известным примером этого варианта сказки является история Беки на санскрите. Мистер Макс Мюллер интерпретировал миф в соответствии со своим собственным методом.^[79] Его трудность заключается в объяснении веры в то, что король может жениться на лягушке. Наши предки, замечает он, ‘не были идиотами’, как же тогда они могли рассказать такую историю? Мы могли бы ответить, что наши предки, если заглянуть достаточно далеко в прошлое, были дикарями и что подобные истории являются основой диких мифов. Г-н Мюллер, однако, считает, что случайное искажение языка низвело арийскую фантазию до дикарского уровня. Он объясняет это искажение так: ‘На санскрите мы находим, что Беки, лягушка, была красивой девушкой, и что однажды, когда она сидела у колодца, ее обнаружил царь, который попросил ее стать его женой. Она согласилась, *при условии, что он никогда не покажет ей ни капли воды*. Однажды, устав, она попросила у царя воды; царь забыл о своем обещании, принес воду, и Беки исчезла.’ Этот миф, утверждает г-н Мюллер, ‘начинался с короткого высказывания, например, что “Беки, солнце, умрет при виде воды”, поскольку мы должны были бы сказать, что солнце сядет, когда приблизится к воде, из которой оно поднялось утром’. Но как случилось, что солнце стало называться Беки, ‘лягушка’? Г-н Мюллер предполагает, что это название дал

солнцу какой-то поэт или рыбак. Он не приводит никаких доказательств следующего утверждения: 'Можно показать, что "лягушка" использовалась как название солнца. Теперь на восходе и на закате, когда солнце садилось на воду, его называли "лягушкой"'. "В какой исторический период раса, говорящая на санскрите, была расселена в местах, где солнце восходило и заходило в воде, мы не знаем, и "глава и стих" необходимы для утверждения, что "лягушка" на самом деле было именем солнца. Аргумент г-на Мюллера, однако, заключается в том, что солнце называлось "лягушкой", что люди забыли, что лягушка и солнце были идентичны, и что Лягушка, или Беки, была ошибочно принята за имя девушки, которой было дано имя "лягушка". применил старую пилу о смерти при виде воды. 'Итак, ' говорит мистер Мюллер, ' превращение солнца в лягушку и лягушки в человека, которое поначалу было вызвано простым волшебством языка, в наших детских сказках было бы приписано чудесным чарам, более знакомым более позднему возрасту'. На самом деле, магические метаморфозы бесконечно более знакомы низшим дикарям, чем людям "более поздней эпохи". Магия, как замечает Кастрен, 'принадлежит к низшим известным стадиям цивилизации'. Теория м-ра Мюллера, однако, такова: говорящий на санскрите народ, живущий там, где солнце восходит из какого-то океана и садится в нем, назвал солнце, когда оно коснулось воды, беки, лягушкой, и сказал, что умрет при виде воды. Они перестали называть солнце лягушкой, или Беки, но сохранили поговорку: 'Беки умрут при виде воды'. Не зная, кем или чем может быть Беки, они приняли ее за лягушку, которая к тому же была симпатичной девушкой. Наконец, они сочинили историю о выдающейся свадьбе Беки и таинственном исчезновении. Для такой интерпретации не предлагается исторических и лингвистических свидетельств. Когда раса, говорящая на санскрите, жила у великого моря? Откуда мы знаем, что "лягушка" использовалось как название "солнца"?

Мы уже дали свое объяснение. Для дикарского интеллекта человек и животное находятся на одном уровне, и все дикарские мифы делают людей потомками зверей; в то время как истории о любви богов в зверином обличье или союзах людей и животных встречаются постоянно. Какими бы "неестественными" ни казались нам эти представления, нет идей, более знакомых дикарям, и ни одна из них не встречается чаще в индоарийской, скандинавской и греческой мифологии. Сохранившееся племя на Северо-Западе Америки до сих пор утверждает, что произошло от лягушки. Свадьба Беки и короля - это продолжение на санскритесказки такого рода. Наконец, Беки исчезает, когда ее ассоциации с прежней жизнью амфибии возобновляются способом, который она категорически запретила.

Нашу интерпретацию можно подкрепить параллелью с оджибвеями. Охотник по имени сердце Выдры, разбивший лагерь неподалеку от бобровой хижины, обнаружил хорошенькую девушку, слоняющуюся вокруг его костра. Она содержит в порядке его вигвам и кладет его одеяло рядом с оленьей шкурой, которую постелила для себя. "Хорошо, - пробормотал он, - это моя жена". "Она отказывается есть бобров, которых он подстрелил, но ночью он слышит шум", *крч, крч*, как будто бобры грызут дерево.' В отблесках костра он видит, как его жена грызет березовые веточки. На самом деле, хорошая маленькая жена - это бобриха, как хорошенькая индианка была лягушкой. Пара жила счастливо, пока не пришла весна, снег не растаял и ручьи не наполнились водой. Тогда его жена стала умолять охотника построить для нее мост через каждый ручей и реку, чтобы она могла перейти их сухими ногами. 'Ибо, ' сказала она, ' если мои ноги коснутся воды, это сразу же причинит тебе великую печаль'. Охотник сделал, как она ему велела, но оставил незапертым один аккуратный ручеек. Жена оступилась в воде, и, как только ее нога намочила, она немедленно приняла свой прежний облик бобра, ее сын превратился в

бобренка, а ручеек, превратившись в ревущую реку, понес их к озеру. Однажды охотник снова увидел свою жену среди ее звериной родни. 'Тебе я пожертвовала всем, - сказала она, ' и я только просила тебя помочь мне пересечь воды сухими ногами. Ты жестоко пренебрег этим. Теперь я должен навсегда остаться со своим народом".

Эту историю рассказала Колю "старая, ничем не примечательная скво среди оджибвеев".[80] Здесь мы имеем точную параллель со сказкой о Беки, невесте-лягушке, и здесь причина запрета прикасаться к воде становится совершенно очевидной. Это прикосновение волшебным образом возродило старую животную жизнь невесты с бобрами. Или индейское название бобра (*темаксе*) когда-то было названием солнца?

Любопытный вариант этого широко распространенного *символа* невесты-животного встречается в мифической генеалогии раджи Чутия Нагпура, вождя нага, или змеиной расы. Говорят, что Раджа Джанамеджа приготовил *ягью*, или великое злобно-магическое заклинание, чтобы уничтожить всех представителей змеиной расы. Чтобы предотвратить это уничтожение, сверхъестественное существо, Пундарика Наг, приняло человеческий облик, и стало мужем прекрасной Парвати, дочери брахмана. Но Пундарика Наг, будучи змеей по натуре, не мог избавиться, даже в человеческом обличье, от своего раздвоенного языка и ядовитого дыхания. И точно так же, как Урваши не могла оставаться со своим смертным возлюбленным после того, как он нарушил запрет появляться перед ней обнаженным, так и Пундарика Наг был вынужден волею судьбы покинуть свою невесту, если она задаст ему какие-либо вопросы о его неприятных особенностях. Она, наконец, задала вопросы при обстоятельствах, которые заставили Пундарика поверить, что он обязан ответить ей. Теперь на него снизошло проклятие, он нырнул в пруд, подобно бобру, и исчез. Его жена стала матерью змея Раджаса из Чутия Нагпура. Пундарика Наг, в своем надлежащем обличье огромной змеи в капюшоне, охранял своего первенца. Герб дома изображает змею в капюшоне с человеческим лицом.[81]

Итак, здесь мы имеем множество примеров исчезновения невесты или жениха вследствие нарушения различных мистических правил. Иногда любимого человека видят тогда, когда его или ее видеть не следует. Иногда, как в сказке маори, невеста исчезает просто потому, что у нее плохое настроение.[82] Среди краснокожих, как и на санскрите, табу на воду нарушено с обычными результатами. Теперь рассмотрим пример, в котором нарушено правило против использования *имен*.[83]

Эта формула постоянно встречается в валлийских сказках, опубликованных профессором Рисом.[84] Так наследник Корвриона влюбился в фею: 'Они поженились при четком понимании, что муж не должен знать ее имени ... и не должен бить ее железом под страхом того, что она немедленно покинет его'. К несчастью, однажды мужчина бросил ей уздечку, железные удила задела жену, и "она тут же взлетела в воздух и с головой нырнула в озеро Корврион".

Несколько историй, рассказывающих об одном и том же инциденте, опубликованы в "*Киммродоре*", v в. н.э. В них мы имеем либо табу на имя, либо табу на прикосновение железа. Согласно широко распространенному суеверию, железо "отгоняет дьяволов и привидения", согласно Схолиасту из одиннадцатой книги *Одиссеи*, и восточные джинны также убегают от железа.[85] Подобно тому, как вода смертельна для арийской лягушки-невесты и краснокожей индийской бобрехи-жены, возвращая им прежний животный облик, волшебное прикосновение железа разрушает любовь между валлийцем и его волшебной хозяйкой, представительницей каменного века.

Во многих сказках о феях-невестах их завоевывают с помощью некой силы. Влюбленный в знакомом валлийском и немецком *Märchen* видит, как девы-лебеди сбрасывают свое лебединое оперение и танцуют обнаженными. Он крадет одеяние из перьев одной из них и таким образом принуждает ее к своей любви. В конце концов, она уходит от него в гнев или потому, что он нарушил какое-то табу. Эта легенда далека от того, чтобы быть характерной для арийской мифологии, она встречается, как показал мистер Фаррер, [86] в традиции алгонкинов и борноэ. История краснокожих индейцев, рассказанная Скулкрафтом в его *алгических исследованиях*, больше всего похожа на арийскую версию, но имеет некоторые местные особенности. Вампи был великим охотником, который однажды в пустынной прерии услышал звуки музыки. Посмотрев вверх, он увидел в небе пятнышко; пятнышко становилось все ближе и ближе и оказалось корзиной с двенадцатью небесными девами. Они достигли земли и начали танцевать, воспламеняя сердце Вампи любовью. Но Вампи не мог приблизиться к девушкам-феям в своем надлежащем обличье, не встревожив их. Подобно Зевсу в его любовных приключениях, Вампи воспользовался способностью шамана изменять себя. Он принял облик мыши, незаметно приблизился и поймал одну из танцующих девушек. Прожив некоторое время с Вампи, она устала от земли и, благодаря 'мистической цепи стихов', снова вознеслась в свой небесный дом.

Итак, есть ли какие-либо основания полагать, что этот инцидент когда-то был частью мифа о Пуруравасе и Урваши? Была ли фея любви, Урваши, изначально поймана и удерживалась Пуруравасом среди своих обнаженных и борющихся товарищей? Хотя это, по-видимому, не было особо замечено, это, по-видимому, следует из речи Пурураваса в "Ведическом диалоге" [87] (х. 95, 8, 9). Мистер Макс Мюллер переводит так: "Когда я, смертный, обнял этих непостоянных бессмертных, они отшатнулись от меня, как дрожащие лани, как лошади, которые брыкаются о землю". тележка". [88] Перевод Людвига соответствует нашему мнению — что Пуруравас рассказывает, как он впервые поймал Урваши — еще лучше: "Когда я, смертный, беседовал с бессмертными, которые сбросили свои одежды, подобно скользким змеям, они ускользнули от меня, как лошади, запряженные в повозку". Эти слова хорошо бы описали приключение влюбленного среди обнаженных парящих дев-лебедей, приключение, знакомое краснокожим людям по персидским легендам о пери.

Завершая наше сравнение мифов, подобных сказке о "Купидоне и Психее", мы находим пример среди зулусов. Вот [89] любовник-мистик вошел, когда уже совсем стемнело, и потрогал лицо девицы. После определенных ритуалов 'утром он ушел, не переставая говорить, девушка его не видела. В течение всех этих дней он не позволял девушке (*так в оригинале*), когда она говорила, что разожжет огонь. Наконец, после магической церемонии, он сказал: "Зажги огонь!" - и предстал перед ней, явленный, сияющей фигурой.' Это имеет любопытное сходство с мифом о Купидоне и Психее, но остается еще более любопытная деталь. В зулусской истории об Уккомбеккансини друзья невесты нарушают табу и убивают запретное животное. Мгновенно, подобно Урваши и ее спутницам из Яджур Веды, невеста и ее служанки исчезают *и превращаются в птиц!* [90] Впоследствии их застают врасплох в человеческом обличье, и невеста возвращается к своему возлюбленному.

На этом мы заканчиваем, проследив параллели с Купидоном и Психеей во многих неарийских странах. Наша теория мифа не основывается на этимологии. Мы видели, что самые известные ученые, Макс Мюллер, Кун, Рот, по-разному анализируют имена Урваши и Пуруравас и извлекают различные интерпретации. Мы нашли историю, в которой об этих именах, вероятно,

никогда не слышали. Мы интерпретируем это как историю о совокуплении между смертными мужчинами и бессмертными девушками или между мужчинами и преобразенными животными, как в Индии и Северной Америке. Мы объясняем разлуку влюбленных как результат нарушения табу, или закона этикета, обязательного для мужчин и женщин, а также между мужчинами и феями.

Табу заключаются в том, чтобы видеть возлюбленного обнаженным, произносить его или ее имя, прикасаться к ней металлическим предметом, "ужасным для призраков и духов", или совершать какие-либо действия, которые оживят ассоциации с прошлой жизнью. Мы показали, что правила брачного этикета, сходные по своему характеру с этими, существуют даже среди греков — например, у милезийцев, как и у зулусов, женщины издали закон, запрещающий произносить имена своих мужей. Наконец, мы считаем разумной гипотезу о том, что сказки по образцу 'Купидона и Психеи' могли возникнуть там, где любопытное брачное табу требовало подтверждения или объяснения с помощью мифа. Согласно этой гипотезе, истории, возможно, были придуманы по отдельности в разных странах; но есть также вероятность, что они передавались от народа к народу в неизвестном прошлом нашей рассеянной и кочующей расы. Эта теория кажется по меньшей мере столь же вероятной, как и гипотеза о том, что значение арийской поговорки о солнце и заре было забыто и бессознательно преобразовано в сказку, которая встречается у различных неарийских племен. И снова этой гипотезе, какой бы ученой и остроумной она ни была, к несчастью, противостоят другие научные гипотезы, не менее остроумные и изученные.

Что касается солнечной лягушки, мы можем надеяться, что она навсегда погрузилась под западную волну.

СНОСКИ:

[58] То, что Пуруравас рассматривается как смертный мужчина, находящийся в отношениях с какой-то духовной госпожой, явствует из самого стихотворения (ст. 8, 9, 18). Человеческий характер Пурураваса также упоминается в R. V., i. 31, 4.

[59] *Избранные очерки*, i. 408.

[60] Апсара - идеально красивая женщина-фея, нечто 'среднее между высшими богами и низшими гротескными существами', с "глазами-лотосами" и другими приятными характеристиками. Список апсар, известных по имени, приведен в книге Мейера "*Гандхарвен-Кентаурен*", стр. 28. Мифологи часто считают их облачными девами.

[61] *Избранные очерки*, i. 405.

[62] Ср. *рубера*, *руфус*, О.Х.Г. *рут*, *рудира*, ῥυθρός; также санскрит, *рави*, вс.

[63] R. V., iii. 29, 3.

[64] Отрывок, упомянутый у Гомера, означает не то, что рассвет "заканчивает" день, но "когда белокурая заря принесла полный свет третьего дня" (*Од.*, ст. 390).

[65] Либрехту (*Zur Volkskunde*, 241) Пуруравас напоминает (в смысле Рота о Брюллере) громкоголосого Зевса, ῥιγδοῦπος.

[66] *Herabkunft des Feuers*, стр. 86-89.

[67] Либрехт (*Zur Volkskunde*, стр. 241) обращает внимание на ссылку на 'женский обычай'. Но он считает этот пункт всего лишь временной поправкой, введенной с опозданием для объяснения запрета, истинное значение которого было забыто. На неправдоподобность этой точки зрения указывает частота подобных запретов в действующих обычаях.

[68] Эстли, *Сборник путешествий*, ii. 24. Это дано Блутом и Муром по свидетельству некоего Иова Бен Соломона, уроженца Бунда в Футе. 'Хотя у Иова была дочь от его последней жены, все же он никогда не видел ее без покрывала, поскольку был женат на ней всего два года'. Этот запрет прекрасно согласуется с моей теорией, но, признаюсь, мне не нравится уверенность Иова.

[69] Brough Smyth, i. 423.

[70] Боуэн, *Центральная Африка*, стр. 303.

[71] Лафитау, i. 576.

[72] Лаббок, *Происхождение цивилизации* (1875), стр. 75.

[73] Шансон Поп. Булг., с. 172.

[74] *Лекции по языку*, Вторая серия, стр. 41.

[75] Дж. А. Фаррер, *Примитивные нравы*, стр. 202, цитирует Симана.

[76] Себийо, *автор песен. de la Haute-Bretagne*, p. 183.

[77] Жерваз из Тилбери.

[78] Кун, *Herabkunft*, стр. 92. См. Также *Южноафриканский фольклорный журнал*, май 1879 г., стр. 46: "Как правило, жених никогда не видит свою невесту".

[79] Чипы, ii. 251.

[80] *Кичи-гами*, стр. 105.

[81] Этнол.Далтона. о Бенгалии, стр. 165, 166.

[82] Тейлор, *Новая Зеландия*, стр. 143.

[83] Либрехт приводит пример из Индии, *Zur Volkskunde*, стр. 239.

[84] *Киммродор*, iv. часть ii.

[85] *Прим. Культ.*, i. 140.

[86] *Примитивные нравы*, стр. 256.

[87] См. Мейер, *Гандхарвен-Кентаурен*, Бенфей, *Pantsch.*, i. 263.

[88] *Избранные очерки*, i. 411.

[89] *Callaway*, стр. 63.

ПОВЕСТЬ О ДАЛЕКИХ ПУТЕШЕСТВИЯХ.

Одна современная романистка похвасталась, что ее книги читают 'от Тобольска до Танжера'. Это широкий тираж, но самого широкого распространения в мире, вероятно, добился рассказ, автор которого, в отличие от Уиды, никогда не прославится. История, которую мы собираемся рассмотреть, является, пожалуй, из всех мифов наиболее распространенной, однако нет готового способа объяснить ее необычайную популярность. Любой истинный 'миф о природе', любой миф, описывающий природные процессы или аспекты природных явлений, предположительно мог быть изобретен отдельно, везде, где люди на раннем этапе развития мысли наблюдали одни и те же факты и пытались объяснить их, рассказывая историю. Таким образом, мы видели, что более ранняя часть мифа о Кроносе - это миф о природе, излагающий причину разделения Неба и Земли. Мифы о звездах, опять же, везде одинаковы, потому что люди, которые верили, что вся природа одушевлена и индивидуальна, объясняли группировку созвездий в соответствии с этими примитивными верованиями. [91] Еще раз, если историю, подобную "Купидону и Психее", можно найти среди самых разных рас, то распространение становится понятным, если миф был придуман для иллюстрации или навязывания широко распространенного обычая. Но в следующей истории такое объяснение не является даже условно приемлемым.

Суть сказки (у которой много разных "вступлений" и выводов в разных местах) можно изложить так: молодого человека приводят в дом враждебного животного, великана, каннибала, волшебника или злобного короля. Недружелюбный хозяин подвергает его различным суровым испытаниям, в которых, как надеются, он погибнет. В каждом испытании ему помогает дочь хозяина. Добившись приключений, он сбегает с девушкой, и его преследует ее отец. Сбежавшая пара бросает за собой различные обычные предметы, которые превращаются в магические препятствия и препятствуют преследованию отца. Миф имеет разные концовки, обычно счастливые, в разных местах. Известна другая форма повествования, в которой посетителями дома враждебного существа являются не женихи его дочери, а братья его жены. [92] Инциденты, связанные с полетом, в этом варианте по-прежнему носят тот же характер. Наконец, когда речь идет о бегстве брата от злобного призрака его сестры в Аиде (Япония) или двух сестер от матери-каннибалки или мачехи (зулусы и самоедки), события бегства и магические средства для побега остаются практически неизменными. Впоследствии мы увидим, что предпринимались попытки интерпретировать одно из этих повествований как миф о природе; но попытки кажутся безуспешными. Поэтому мы затрудняемся объяснить широкое распространение этой истории, если только она не передавалась медленно от народа к народу в огромном неизвестном доисторическом прошлом человеческой расы.

Прежде чем сравнить различные формы мифа в его первой форме — той, в которой рассказывается о смертном возлюбленном и дочери великана или волшебника, — давайте приведем шотландскую версию этой истории. Эта версия была записана для меня много лет назад одной пожилой леди из Морейшира. Я опубликовал это в *кельтском ревю*; но, вероятно, для любителей сравнивать рассказы это в новинку в широком шотландском варианте.

Ничего Особенного, Ничего особенного.

Жили-были король и королева. Они долго были женаты, и у них не было детей: но наконец у королевы появился ребенок, когда король был в отъезде в дальних странах. Королева не хотела крестить ребенка до тех пор, пока не вернется король, и она сказала: "Мы будем называть его просто *Ни о Чем-Ничего*, пока его отец не вернется домой". Но это было задолго до того, как он вернулся домой, и мальчик вырос милым маленьким мальчиком. Наконец король был на обратном пути, но ему предстояло пересечь большую реку, а там был разлив, и он не мог перебраться через воду. Но к нему подошел великан и сказал: 'Если ты ничего мне не дашь, я перенесу тебя через воду на своей спине'. Король никогда не слышал, что его сына зовут Ничтожество, и поэтому он пообещал ему. Когда король снова вернулся домой, он был очень рад снова увидеть свою жену и своего маленького сына. Она сказала ему, что не давала ребенку никакого имени, но не давала ничего, пока он сам не вернется домой. Бедный король был в ужасном положении. Он сказал: 'Что я наделал? Я обещал дать великану, который перенес меня через реку на своей спине, Ничегошеньки, Ничего.' Королю и королеве стало грустно, но они сказали: 'Когда придет великан, мы отдадим ему ребенка насадки; он никогда не заметит разницы'. На следующий день великан пришел за обещанием короля, и он послал за ребенком курицы; и великан ушел с ребенком на спине. Он шел, пока не подошел к большому камню и там сел отдохнуть. Он сказал:

-Хидж Ходж, лежи у меня на спине, какое сейчас время суток?

Бедный маленький ребенок сказал: "Это время, когда моя мать, наседка, убирает яйца для завтрака королевы".

Великан очень разозлился, швырнул ребенка на камень и убил его.

То же самое приключение повторяется и с сыном садовника.

Тогда великан вернулся в дом короля и сказал, что уничтожит их всех, если на этот раз они не дадут ему Ни Гроша. Они должны были это сделать; и когда он подошел к большому камню, великан спросил: 'Какое сейчас время суток?' Ничто Не сказала: 'Это время, когда мой отец, король, сядет ужинать'. Великан сказал: "У меня есть правильный выбор", - и ничего Не взял к себе в дом и воспитывал его, пока он не стал мужчиной.

У великана была прелестная дочь, и они с мальчиком очень полюбили друг друга. Однажды великан сказал Нихту: 'У меня есть для тебя работа на завтра. Там есть конюшня длиной в семь миль и шириной в семь миль, и ее не чистили семь лет, и ты должен почистить ее завтра, или ты будешь моим ужином.

На следующее утро дочь великана вышла с завтраком для мальчика и нашла его в ужасном состоянии, потому что, когда он немного почистился, оно снова упало. Дочь великана сказала, что поможет ему, и она позвала 'зверей полевых' и "птиц небесных", и через минуту они пришли и унесли все, что было в конюшне, и прибрались, прежде чем великан вернулся домой. Он сказал: "Стыдно за то остроумие, которое помогло тебе, но завтра у меня есть для тебя работа похуже'. Тогда он ничему не сказал, что есть озеро длиной в семь миль, глубиной в семь миль и шириной в семь миль, и он должен осушить его на следующий день, иначе он съест его себе на ужин. Ничтожество вострепнулся рано утром следующего дня и попытался лакать воду своим ведром, но озеро не убывало, и он не знал, что делать; но дочь великана призвала всех рыб в

море прийти и напиться воды, и очень скоро они выпили ее досуха. Когда великан увидел проделанную работу, он пришел в ярость и сказал: 'Завтра у меня есть для тебя работа похуже; там есть дерево высотой в семь миль, и на нем нет ни ветки, пока ты не доберешься до вершины, и там есть гнездо, и ты должен принести яйца, не разбив ни одного, иначе ты будешь моим ужином'. Сначала дочь великана не знала, как ничем помочь Ничему; но она отрезала себе сначала пальцы на руках, а потом и на ногах и сделала из них ступеньки, и он взобрался на дерево и собрал все яйца в целости, пока не добрался до дна, и тогда одно разбилось. Дочь великана посоветовала ему бежать, и она последует за ним. Так он путешествовал, пока не пришел во дворец короля, и король с королевой приняли его и были очень добры к нему. Дочь великана покинула дом своего отца, и он погнался за ней и утонул. Затем она пришла во дворец короля, где не было Ничего. И она взобралась на дерево, чтобы понаблюдать за ним. Дочь садовника, собиравшаяся набрать воды в колодец, увидела тень леди в воде, подумала, что это она сама, и сказала: 'Если я такая красивая, если я такая храбрая, ты посылаешь меня за водой?' Жена садовника вышла и сказала то же самое. Тогда садовник пошел сам, снял женщину с дерева и ввел ее внутрь. И он сказал ей, что незнакомец должен жениться на королевской дочери, и показал ей этого человека; и это было Ничтожество, спящее в кресле. И она увидела его и закричала ему: 'Проснись, проснись и поговори со мной!' Но он не просыпался, и тогда она закричала:

- Я почистил конюшню, я промыл озеро и залез на дерево,
И все из любви к тебе,
А ты не просыпаешься и не заговариваешь со мной.

Услышали это король и королева и пришли к прелестной юной леди, и она сказала:

- Я не могу добиться, чтобы со мной ни о чем поговорили, что бы я ни делал.

Тогда они были очень удивлены, когда она ни о Чем Не заговорила и спросила, где он, и она ответила: "Тот, кто сидит вон там, в кресле". Тогда они подбежали к нему, поцеловали и назвали своим дорогим сыном, и он проснулся и рассказал им обо всем, что сделала для него дочь великана, и о всей ее доброте. Затем они обняли ее, поцеловали и сказали, что теперь она должна стать их дочерью, потому что их сын должен жениться на ней.

И они прожили счастливо все свои дни.

В этом варианте истории, который мы можем использовать в качестве нашего текста, следует отметить, что существует *пробел*. В повествовании о бегстве не упоминается, что беглецы бросали за спину предметы, которые стали препятствиями на пути великана. Один из этих объектов, вероятно, превратился в озеро, в котором утонул великан.^[93] Распространенный инцидент - это выбрасывание за спину гребня, который превращается в заросли. Формула оставления препятствий позади встречается в индийском сборнике "Катасарит сагара" (vii. xxxix.). "Битва птиц" в "Сказках Западного нагорья" Кэмпбелла представляет собой очень обильный гэльский вариант. Русские параллели - "Василисса Премудрая и Водяной царь" и "Король-медведь".^[94] Эпизод с полетом и магическими препятствиями встречается в японской мифологии.^[95] 'Уродливая женщина из Аида' отправляется преследовать героя. Он сбрасывает свой черный головной убор, и он мгновенно превращается в виноград; он убежал, пока она ела их. И снова: "он бросил свой многочисленный гребень с мелкими зубьями, и он мгновенно

превратился в ростки бамбука'. В гэльской версии преследователя задерживают говорящие предметы, которые преследуемые оставляют дома, и это чудо повторяется в Зулуленде и встречается у бушменов. Зулусских версий множество.[96] Как ни странно, в последнем варианте девушка не совершает никаких магических действий, а просто бросает кунжут на землю, чтобы задержать каннибалов, поскольку каннибалы очень любят кунжут.[97]

Итак, вот замечательные подробности полета на зулусском, гэльском, норвежском и малагасийском языках,[98] Русский, итальянский, японский. Из всех эпизодов, описанных в мифе, инциденты с полетом наиболее широко известны. Но вся взаимосвязанная серия событий — приход жениха; любовь дочери враждебного существа; задачи, возложенные на жениха; помощь, оказанная дочерью; бегство пары; поражение или уничтожение враждебного существа — все это, или большинство из них, сохранилось в должной последовательности у следующих рас. Эта история есть у греков, у жителей Мадагаскара, у шотландцев низменностей, у кельтов, русских, итальянцев, алгонкинов, финнов и самоанцев. Теперь, если бы история ограничивалась арийской расой, мы могли бы объяснить ее распространение, предположив, что это общее наследие индоевропейских народов, которое они повсюду носили с собой в своих странствиях. Но когда история встречается на Мадагаскаре, в Северной Америке, на Самоа и у финнов, в то время как многие разрозненные случаи происходят у еще более разделенных рас, таких как зулусы, бушмены, японцы, эскимосы, самоеды, арийская гипотеза становится неадекватной.

Чтобы показать, насколько близки, с учетом всех обстоятельств, арийские и неарийские обладатели этой истории, давайте сначала рассмотрим миф о Ясоне.

Самое раннее литературное упоминание мифа о Ясоне содержится в *"Илиаде"* (vii. 467, xxiii. 747). Здесь мы читаем об Эвнее, сыне, которого Гипсипила родила Ясону на Лемносе. Уже даже в *"Илиаде"* легенда о путешествии "Арго" была привязана к определенным хорошо известным географическим местам. Упоминание в *"Одиссее"* (xii. 72) имеет более древний характер: нам говорят, что из всех барк "Арго" единственный избежал пасти Блуждающих Скал, которые сталкивались друг с другом и уничтожали корабли. Говорят, что "Арго" спаслась, "потому что Ясон был дорог Гере". Из различных фрагментарных заметок ясно, что Гесиод был знаком с некоторыми приключениями в легенде о Ясоне. В *Теогонии* (993-998) Гесиод упоминает основные факты легенды: как Ясон похитил у Эета его дочь, 'после многих и тяжких приключений, которые выпали на его долю'. В какой период дом Эета находился в Колхиде, определить нелегко. Мимнерм, современник Солона, называет дом Эета "на краю океана" - очень расплывчатое описание.[99] Пиндар, с другой стороны, в великолепной Четвертой Пифийской оде уже знает Колхиду как место любви и бегства Ясона и Медеи.

'Долго бы я шел проторенной дорогой, ' говорит Пиндар, - и я знаю один короткий путь'. Подобно Пиндару, мы можем сократить рассказ о Ясоне. Он ищет золотое руно в Колхиде: Эет предлагает его ему в качестве приза за успех в определенных трудах. С помощью Медеи, дочери Эета, короля-волшебника, Ясон приручает огнедышащих быков, впрягает их в плуг и проводит борозду. С помощью Медеи он побеждает детей зубов дракона, умиряет змею, охраняющую золотое руно, и убегает, но его преследует Эет. Чтобы задержать Эета, Медея бросает за спину искалеченные останки своего собственного брата Апсиртоса, иколхидцы останавливаются только на месте этого кровавого деяния. Дикость этого поступка сохранилась даже в произведении такого позднего поэта, как Аполлоний Родий (iv. 477), где мы читаем, как

Ясон совершил обряд дикой магии, изуродовав тело Апсиртос таким образом, который, как считалось, должен был умиловить мстительный дух убитого. "Трижды он пробовал кровь, трижды выплевывал ее сквозь зубы", - отрывок, который, по словам Схолиаста, содержит описание архаичного обычая, популярного среди убийц.

За пределами Томи, где популярная этимология зафиксировала "разрезание" Апсиртоса, нам нет необходимости следить за судьбами Ясона и Медеи. Мы уже видели, как ухажер приходит к враждебному существу, завоевывает любовь его дочери, с ее помощью совершает приключения и убегает в ее компании, задерживая с помощью ужасного устройства продвижение своих преследователей. На этих эпизодах рассказа мы и ограничиваем наше внимание.

Многие объяснения мифа о Ясоне были даны учеными, которые думали, что распознали в персонажах стихийные явления. Как обычно, эти объяснения сильно различаются. Всякий раз, когда требуется истолковать миф, несомненно, что одна группа Ученых откроет солнце и зарю там, где другая группа увидит грозовую тучу и молнию. Луна выброшена в море ради удовольствия.

Преллер^[100] - образованный ученый со своим собственным набором этимологий. Джейсон, по его мнению, происходит от *ἰώρᾱ*. Таков взгляд Схолиаста на Аполлония Родия (i. 554). Ясон, по мнению Преллера, является формой Асклепия, 'духа весны с ее мягкими солнцами и плодородными дождями'. Медея - это луна. Медея, с другой стороны, по мнению Шварца, является богиней молнии.^[101] Никаких филологических оснований не предлагается. Г-н Браун пишет: "Луна, как ночное светило, связанное с Идийя-Дейра, сама по себе является знающей и поэтому предстает как Медейя ("мудрая")".

По-видимому, мы должны предположить, что либо мягкие весенние дожди и луна, либо рассвет и солнце, либо молния и грозовая туча, в том или ином сочетании, неотразимо наводили древние арийские умы на мысль о женихе, который прибывает во враждебный дом, завоевывает любовь девушки, с ее помощью добивается приключений, убегает с ней от ее разгневанного отца и различными уловками задерживает его преследование. Почему весна, луна, молния, рассвет — любой из них или все они вместе — должны были подсказать такую историю, пусть ученые решат, когда они примирят свои собственные разногласия. Нашей цели больше соответствует изучение мифа самоанцев, алгонкинов и финнов. Ни одна из этих рас не говорит на арийском языке, и ни одна из них не могла быть обманута, рассказав подобную историю, из-за болезни арийской речи.

Самоа, где мы находим наш рассказ, - это название группы вулканических островов в Центральной Полинезии. Они находятся примерно в 3000 милях от Сиднея, впервые были замечены европейцами в 1722 году и так же далеки, как и большинство других мест, от прямого арийского влияния. Однако наша позиция такова, что в ходе перемещений народов сказку о Джейсоне каким-то образом, подобно куску плавучего дерева, занесло к берегам Самоа. На островах сказка имеет эпическую форму и воспевается в стихотворении из двадцати шести строф. Есть что-то греческое в свободной и счастливой жизни самоанцев - есть что-то греческое и в этом их мифе. Жил-был юноша по имени Сиати, известный своим пением, молодой тамирис с Самоа. Но как, согласно Гомеру, "музы встретили фракийца Тамириса и положили конец его пению, ибо он хвастался и говорил, что победит даже Муз, если будет петь против них", так и самоанский бог песни позавидовал Сиати. Бог и смертный устроили

поединок: дочь бога должна была стать призом смертного, если он окажется победителем. Сиати победил, и он отправился верхом на акуле, в то время как Арион верхом на дельфине, искать дом поверженного божества. Наконец он достиг божественных берегов, и туда забрела Пуапае, дочь бога, в поисках своего гребня, который она потеряла. 'Сиати, ' сказала она, ' как ты попал сюда?' 'Я пришел искать бога песни и жениться на его дочери'. 'Мой отец, ' сказала девушка, - больше бог, чем человек; не ешь ничего, что он тебе подаст, никогда не садись на высокое сиденье, чтобы не последовать за ним смерть'. Так они соединились браком. Но бог, подобно Эету, разгневался и начал поручать Сиати опасные задания: "Построй мне дом, и пусть он будет закончен сегодня же, иначе тебя ждут смерть и печь".[102]

Сиати плакала, но к вечеру дочь бога построила дом. Другими приключениями были битва со свирепой собакой и поиски кольца, потерянного в море. Точно так же, как дочь шотландского великана отрезала себе пальцы, чтобы помочь своему возлюбленному, так и дочь самоанского бога приказала Сиати разрезать ее тело на куски и бросить в море. Там она превратилась в рыбу и вернула кольцо. Они отправились в дом бога, но встретили его, преследующего их с помощью другой своей дочери. "Пуапае и Сиати бросили гребень, и он превратился в колючий куст на пути к богу и Пуанли", другая дочь. Затем они бросили бутылку с землей, которая превратилась в гору; "а затем последовала их бутылка с водой, и она превратилась в море, и бог и Пуанли утонули".[103]

Эта старинная самоанская песня содержит едва ли не самую близкую дикарскую параллель различным бытовым сказаниям, которые находят свою героическую и художественную форму в саге о Джейсоне. Еще более удивительной по своему сходству является малагасийская версия повествования. В малагасийской истории финал почти идентичен завершению шотландской сказки. Девушка прячется на дереве; ее лицо, отраженное в колодце, женщины принимают за свои собственные лица, и со временем их узнают.[104]

Как и большинство версий популярных сказок краснокожих индейцев, алгонкинская форма саги о Джейсоне сильно отличается особенностями расы. История узнаваема, и это все.

Открытие, как обычно, отличается от других открытий. Двое детей брошены в дикой местности и взрослеют. Один из них теряет стрелу в воде; старший брат, Панигвун, бросается за ней вброд. Мимо проплывает волшебное каноэ: старый волшебник, который один в каноэ, хватает Панигвуна и уносит его. Каноэ плывет вперед, подобно феакийским баркам, по воле волшебника, и достигает острова, где, подобно самоанскому богу песни, он обитает со своими двумя дочерьми. 'Вот, дочь моя, - сказал он, - молодой человек для твоего мужа'. Но дочь знала, что предполагаемый муж был всего лишь еще одной жертвой магического искусства старика. По совету дочери Панигвун сбежал на волшебной барке, утешил своего брата и вернулся на остров. На следующий день волшебник Мишоша поручил молодому человеку трудные задания и опасные приключения. Он должен был собирать чайковые яйца, но чайки набросились на него плотной толпой. Заклинанием он подчинил птиц и заставил их отнести его домой на остров. На следующий день его послали собирать камешки, чтобы царь рыб напал на него и съел. И снова молодой человек, подобно финну Ильмаринену из Похьолы, покорила могучую рыбу и вернулся с триумфом. Третье приключение, как и в 'Ничегонедлании', состояло в том, чтобы взобраться на дерево необычайной высоты в поисках птичьего гнезда. И здесь юноша снова преуспел и в конце концов вступил в сговор с дочерьми, чтобы убить старого волшебника. Наконец, юноша превратил волшебника в платан и завоевал его дочь. Другую дочь отдали

брату, который не участвовал в этих опасностях.^[105] Здесь мы пропускаем инцидент с полетом;^[106] и дочь волшебника, хотя и влюблена в героя, не помогает ему совершать подвиги. Возможно, храбрый алгонкин пренебрег бы помощью девушки. В 'Калевале' старый герой Вяйнямейнен и его друг Ильмаринен отправляются в таинственную и враждебную страну Похьола, чтобы найти невесту. Девушка Похьолы влюбляется в Ильмаринена, и с ее помощью он обузывает волка и медведя, вспахивает поле гадюк золотым плугом и побеждает гигантскую щуку, которая плавает в Стиксе из финской мифологии. После этого повествование прерывается длинным продолжением популярных свадебных песен, и в блуждающем течении довольно бесцельного эпоса о бегстве и связанных с ним происшествиях забывают или пренебрегают ими. Эти инциденты повторяются, однако, в русле несколько иных сюжетов. Мы видели, что они встречаются в Японии, у эскимосов, бушменов, самоедов и зулусов, а также в венгерских, мадьярских, кельтских и других европейских бытовых сказках.

Вывод, по-видимому, состоит в том, что центральная часть мифа о Ясоне не поддается объяснению ни как миф о природе, ни как миф, основанный на языковой болезни. Так много языков не могли бы одинаково переносить одну и ту же болезнь; мы также не можем представить себе какую-либо серию природных явлений, которые неизбежно навели бы на мысль об этой истории стольких разных рас. Следовательно, мы должны предположить, что либо все умники прыгнули и случайно изобрели один и тот же романтический ряд ситуаций, либо что все люди распространились из одного центра, где история была известна, либо что история, однажды придуманная, распространилась по всему миру. Если одобрить последнюю теорию, история будет похожа на раковину из Индийского океана, недавно найденную в польской пещере с костями,^[107] или на египетские бусы, обнаруженные в почве Дагомеи. Эту историю будут разносить туда-сюда, в самые отдаленные времена, к самым отдаленным берегам, торговцы, рабы, пленные на войне или женщины, оторванные от своего племени и насильно поселенные в качестве жен у чужих народов.

Истории такого рода повсеместно являются естественным достоянием матерей и бабушек. Когда мы вспоминаем, как широко распространен закон экзогамии, запрещающий брак между мужчиной и женщиной одного происхождения, мы поражаемся количеству чужеродных элементов, которые, должно быть, были привнесены с женами-иностранками. Там, где муж и жена, как это часто случалось, говорили на разных языках, женщина неизбежно рассказывала у домашнего очага истории о своем детстве среди людей со странным языком. Благодаря всем этим факторам, действующим в безвременье, мы можем объяснить распространение, если не сможем объяснить происхождение, историй, подобных центральному расположению событий в карьере Джейсона.

СНОСКИ:

^[91] *Примитивная культура*, глава 357: "Дикарь рассматривает отдельные звезды как одушевленные существа или объединяет звездные группы в живые небесные существа, или их части, или объекты, связанные с ними".

^[92] Эта формула встречается у бушменов и эскимосов (Блик и Ринк).

- [93] События полета правильно записаны в гэльском варианте 'Битвы птиц'. (Кэмпбелл, *Сказки Западного Нагорья*, том i, стр. 25.)
- [94] Ралстон, *Русские народные сказки*, 132; Келер, *Восток и Запад*, ii. 107, 114.
- [95] *Ко ти ки*, стр. 36.
- [96] Callaway, стр. 51, 53, 64, 145, 228.
- [97] Смотрите также "Петросинеллу" в *Пентамероне* и "Хозяйку-служанку" в "*норвежских сказках*" Дасента.
- [98] *Фольклорный журнал*, август 1883г.
- [99] *Поэт Минорес Гр.*, ii.
- [100] *Gr. My.*, ii. 318.
- [101] *Sonne, Mond und Sterne*, стр. 213, 229.
- [102] Это доказывает, что сказка относится к дохристианской эпохе каннибалов.
- [103] СамоаТернера, стр. 102. В этой сказке переведены только имена дочерей; они означают "белая рыба" и "темная рыба".
- [104] *Фольклорный журнал*, август 1883г.
- [105] Скулкрафт, *Алгические исследования*, ii. 94-104.
- [106] Версия бегства краснокожих индейцев приведена в "Красной лошади дакотов", *Журнал "Сенчури Мэгэзин"*, 1884.
- [107] *Природа*, 14 марта 1884г.
-

АПОЛЛОН И МЫШЬ.

Почему Аполлон, особенно Аполлон Троадский, тот, кто осыпал греков смертоносными стрелами, так постоянно ассоциируется с мышью? Само имя Сминтей, которым его называет любимый жрец в "*Илиаде*" (i. 39), можно перевести как "Мышиный Аполлон" или "Аполлон, Повелитель мышей". Как мы увидим позже, мыши жили под алтарем, и их кормили в святой святого бога, а изображение мыши помещалось рядом с его священным треножником или на нем самом. Древние были озадачены этими вещами и, как будет показано, объясняли их "мышинными историями", *σμινθιακοὶ λόγοι*, названными так Евстафием, средневековым толкователем Гомера. Следуя нашему обычному методу, давайте зададимся вопросом, происходят ли подобные явления где-либо еще, в странах, где они понятны. Поклонялись ли где-нибудь незначительным животным: помещали ли их изображения где-нибудь в храмах более чистой веры? Ответы мы находим в истории перуанской религии.

После испанского завоевания Перу один из европейских авантюристов, дон Гарсиласо де ла Вега, женился на принцессе инков. Их сын, также по имени Гарсиласо, родился около 1540 года. Его знаменитая книга "*Комментарии к реальным событиям*" содержит наиболее достоверный отчет о древних перуанских верованиях. Гарсиласо был сведущ во всех науках европейцев и, как инка по материнской линии, претендовал на лояльность побежденной расы. Он усердно собирал как их священнические, так и народные предания, и его рассказ о них тем более достоверен, что совпадает с тем, что, как мы знаем, было правдой в землях, с которыми Гарсиласо был мало знаком.

По мнению Гарсиласо, перуанская религия, по-видимому, делится на два периода — предшествующий и последовавший за приходом к власти инков и установлением ими культа солнца в качестве государственной веры. В более ранний период, доинкский период, он говорит нам, что "индеец не считался благородным, если он не происходил от источника, реки или озера, или даже от моря, или от дикого животного, такого как медведь, лев, тигр, орел, или птицы, которую они называют *кунтур* (кондор), или какой-либо другой хищной птицы".^[108] Этим почитаемым существам 'люди предлагали то, что, как они обычно видели, они ели' (i. 53). Но мужчины не довольствовались тем, что обожали больших и опасных животных. 'Не было ни одного животного, каким бы мерзким и грязным оно ни было, которому они не поклонялись бы как богу', включая "ящериц, жаб и лягушек'. В разгар этих суеверий появились инки. Точно так же, как племена заявляли о своем происхождении от животных, больших или малых, так и инки вели свою родословную от солнца, которому они поклонялись, подобно *роду Аврелиев* в Риме.^[109] Таким образом, у каждого индейца была своя *пакарисса*, или, как говорят североамериканские индейцы, *тотем*,^[110] природный объект, от которого он утверждал, что произошел, и которому в определенной степени поклонялся. Хотя поклонение солнцу стало общепринятой религией, поклонение животным *пакариссам* по-прежнему допускалось. Храмы солнца также содержали *уаки*, или изображения зверей, которым поклонялись индейцы.^[111] В великом храме Пачакамака, самого духовного и абстрактного бога перуанской веры, 'они поклонялись лисице и изумруду. Дьявол также явился им и говорил в образе тигра, очень свирепого'.^[112] Эта терпимость к более древней и грубой вере в подчинении более чистой вере является очень распространенной чертой религиозной эволюции. В католических странах и по сей день на Страстной неделе мы можем наблюдать праздник Адониса, описанный Феокритом,^[113] и процессию и погребение древнего бога весны.

"У инков была хорошая политика собирать всех племенных богов-животных в своих храмах в Куско и вокруг него, в которых двумя главными богами были Повелитель Жизни и Солнце". Происходил ли когда-либо подобный процесс в греческой религии, и собирались ли когда-либо более древние боги-животные в храмах таких божеств, как Аполлон?

Хотя множество разрозненных свидетельств о многих животных, посвященных греческим богам, указывают в этом направлении, пока будет достаточно рассмотреть случай со Священными Мышами. Среди рас, которые все еще находятся на тотемистической стадии, которые все еще заявляют о своем происхождении от животных и других объектов, обычно существует особый закон о браке или может быть доказано, что он существовал. Ни один мужчина не может жениться на женщине, которая происходит от того же животного-предка, носит то же тотемное имя и тот же значок или фамильный герб, что и он сам. Мужчина, произошедший от Крейна и имеющий фамилию Крейн, не может жениться на женщине с фамилией Крейн. Он должен жениться на женщине с Волчьим, или Черепашьим, или

Лебединым, или другим именем, и ее дети сохраняют ее фамильный титул, а не его. Таким образом, если мужчина-Журавль женится на женщине-Лебеде, дети будут Лебедями, и никто из них не может жениться на Лебеде; они должны жениться на Черепахах, Волках или на чем-то еще, и их дети, опять же, будут Черепахами или Волками. Таким образом, названия всех животных, известных в округе, неизбежно приходят и уходят в вечность. По мере развития цивилизации эти правила устаревают. Люди берут свои имена от отца, как и среди нас. Наконец, обитатели данной местности, объединившись в местное племя, склонны отказываться от различных титулов животных и принимать в качестве названия всего племени имя вождя или господствующей семьи. Давайте представим район протяженностью около двадцати миль, в котором обитают семейства журавлиных, волчьих, черепаших и лебединых. Долгое совместное проживание и общие интересы объединили их в местное племя. Вождь принадлежит к семейству Волков, и племя, пренебрегая семейными различиями и фамилиями, называет себя 'Волками'. Такими племенами, вероятно, вначале были жители различных египетских городов, которые по отдельности поклонялись волку, овце или крокодилу и религиозно воздерживались (за исключением определенных жертвоприношений) от мяса животного, давшего им название.[114]

Нам потребовалось много времени, чтобы добраться до Священных Мышей греческой религии, но теперь мы в состоянии приблизиться к их величественной божественности. Мы видели, что поклонение солнцу вытеснило, но не уничтожило племенные *пакариссы* в Перу и что *уаки*, или изображения священных животных, допускались под крышу храма Солнца. Теперь признано, что храмы синфийского Аполлона содержали изображения священных мышей среди других животных, и наш аргумент заключается в том, что здесь, возможно, мы имеем дело с еще одним примером религиозной эволюции Перу. Точно так же, как в Перу племена поклонялись "мерзким и грязным" животным, точно так же, как солнечное поклонение инков подчинило их, точно так же, как *уаки* животных оставались в храмах перуанского Солнца; точно так же, мы полагаем, у племен вдоль средиземноморского побережья в какой-то очень отдаленный доисторический период были свои *пакариссы* животных; они были подчинены религии (в некоторой степени солнечной) Аполлона; и *уаки*, или идола животных, сохранились в храмах Аполлона.

Если эта теория верна, мы, вероятно, обнаружим, что, например, мышь почитается как священное животное во многих местах. Это неизбежно последовало бы, если бы описанные нами брачные обычаи когда-либо преобладали на греческой земле и распространили название мыши повсюду.[115] Следы мышиных семейств и поклонения, если там было поклонение мыши, сохранялись бы в следующих формах: (1) Места были бы названы по имени мышей, и мыши сами по себе считались бы священными. (2) Имя мыши было бы дано локально богу, который заменил мышь. (3) Фигура мыши ассоциировалась бы с богом и использовалась бы как значок, или своего рода герб, или местный знак в местах, где мышь была почитаемым животным. (4) Наконец, были бы рассказаны мифы, объясняющие святость столь недостойного существа.

Давайте рассмотрим эти соображения в их порядке:—

(1) Если бы существовали местные мышиные племена, получившие свое название от почитаемой мыши, некоторые города, населенные этими племенами, сохранили бы почтение к мышам.

В Хрисе, городе в Троаде, согласно Гераклиду Понтийскому, мыши считались священными, местное название мыши - *σμίνθος*. Согласно Страбону, многие места носили это мышиное название.^[116] Это именно то, что произошло бы, если бы тотем Мыши и ее потомство были широко распространены. ^[117] Схолиаст^[118] упоминает Сминф как место в Троаде. Страбон говорит о двух местах, получивших свое название от *Sminthus*, или мышь, недалеко от *Sminthian temple*, и других недалеко от Лариссы. На Родосе и Линдусе топоним мыши встречается "и во многих других районах" (*Καὶ ἄλλόθι δε πολλαχόθι*). Страбон (х. 486) называет Каресс и Поэссу в Кеосе среди других мест, где есть сминфийские храмы и, предположительно, которые когда-то были центрами племен, названных в честь мыши.

Итак, вот несколько местностей, в которых поклонялись Мышиному Аполлону и где сохранилось старое мышиное название. То, что мыши на самом деле считались священными в их собственном обличье, мы узнаем от Элиана. 'Жители Хамакситуса в Троаде поклоняются мышам', - говорит Элиан. "В храме Аполлона Сминфея разводят мышей, и еда предлагается им за общественный счет, а под алтарем живут белые мыши".^[119] Таким же образом мы обнаружили, что перуанцы кормили своих священных животных тем, что они обычно видели, как они едят.

(2) Второй момент в нашем рассуждении уже был достаточно продемонстрирован. Мышиное имя 'Сминтей' было дано Аполлону во всех местах, упомянутых Страбоном, "и во многих других".

(3) Фигурка мыши будет ассоциироваться с богом и использоваться в качестве значка, герба или местного знака в местах, где мышь была почитаемым животным.

Уже процитированный отрывок из Элиана сообщает нам, что там стояло "изображение мыши рядом с треножником Аполлона". В Хрисе, согласно Страбону (хiii. 604), у статуи Аполлона Сминтея под ногой была мышь. Мышь на треножнике Аполлона изображена на барельефе, иллюстрирующем чуму и подношения греков Аполлону Сминтею, как описано в первой книге *Илиады*.^[120]

Мышь - не редкий местный значок или герб в Греции. Животные, фигуры которых выбиты на монетах, например, афинская сова, являются самыми древними знаками городов. Правдоподобно предположить, что точно так же, как ирокезы, когда они подписывали договоры с европейцами, использовали свои тотемы — медведя, волка и черепаху — в качестве печатей,^[121] так и животные на архаичных греческих городских монетах представляли собой гербы или значки, которые в какой-то гораздо более отдаленный период были тотемами.

Аргивяне, согласно Поллуксу,^[122] чеканили мышь на своих монетах.^[123] Поскольку на Тенедосе был храм Аполлона Сминтея, мы, естественно, слышим о мыши на монетах острова.^[124] Golzio опубликовала одну из таких монет для мыши. Жители Метапонта чеканили свои деньги с изображением мыши, грызущей кукурузный початок. Жители Кумы наняли мышь, находящуюся в состоянии покоя. Паоли предположил, что некоторые мыши на римских медалях могли быть связаны с семейством *Mus*, но это скорее предположение.^[125]

Теперь мы, по крайней мере, обнаружили следы различных способов, которыми могла быть увековечена ранняя племенная религия мыши — *пачерисса*, как говорили перуанцы. Когда мы принимаем во внимание, что вытеснение мыши Аполлоном должно было произойти, если это действительно произошло, задолго до Гомера, мы можем скорее удивиться, что мышь оставила свой след в греческой религии так надолго. Мы видели, как почитали мышей, бога с именем

мышь, которое встречается во многих местах, *уака*, или идола мыши, сохранившегося в храмах бога, и значок мыши, используемый в нескольких отдаленных друг от друга местностях. Остается (4) рассмотреть мифы о мышах. По нашему мнению, это, вероятно, объясняло присутствие *уака* мыши в храмах, а также появление животного в религии и его связь с Аполлоном.

Необычный миф о мышах, рассказанный Геродотом, заслуживает изучения по причинам, которые появятся позже, хотя события, как говорят, произошли на египетской земле.^[126] Согласно Геродоту, некто Сетос, жрец Гефеста (Птаха), был царем Египта. Он опозорил военное сословие и оказался без армии, когда Сеннахериб вторгся в его страну. Сетос заснул в храме, и бог, явившись ему в видении, сказал ему, что к египтянам придет божественная помощь.^[127] В ночь перед битвой полевые мыши обглодали колчаны и рукояти щитов противника, который бежал, обнаружив, что таким образом обезоружен. "И ныне, - говорит Геродот, - в храме Гефеста стоит каменное изображение этого царя, а в руке у изображения мышь, и есть такая надпись: "Пусть всякий, кто смотрит на меня, будет благочестив".

Проф. Сайс^[128] утверждает, что такого человека, как Сетос, не было, но что легенда "очевидно египетская, а не греческая, и имя Сеннахериба, а также факт нападения ассирийцев верны". Легенда также, хотя и египетская, является 'отголоском библейского рассказа об уничтожении ассирийской армии', рассказа, в котором мыши не упоминаются. 'Что касается мышей, то здесь, ' говорит проф. Дж. Сэйс: "Мы должны снова обратиться к греческому *dragomen* (*так в оригинале*). История Сетоса была связана со статуей какого-то божества, которое, как предполагалось, держало в руке мышь.' Должно быть, было легко проверить это предположение, но мистер Сэйс добавляет: "Мыши не были священными в Египте, и их не использовали в качестве символов и не находили на памятниках'. К этому замечанию мы можем предложить несколько исключений. По-видимому, эта мышь *была* найдена на памятниках. Уилкинсон (iii. 264) говорит, что мыши действительно встречаются в скульптурах, но они не были священными. Крысы, однако, безусловно, были священными, и в мифах между крысами и мышами проводится так же мало различий, как между кроликами и зайцами. Крыса была посвящена Ра, богу Солнца, и (как и все тотемы) ее нельзя было употреблять в пищу.^[129] Эта ассоциация крысы и Солнца не может не напоминать нам об Аполлоне и его мыши. Согласно Страбону, в одном городе Египта действительно поклонялись мышам-землеройкам. Атрибиты, или жители Крокодилополя, - это люди, которым он приписывает этот культ, которых он упоминает (xvii. 831) среди других местных культов Египта, поклоняющихся животным.^[130] Несколько фарфоровых экземпляров полевой мыши, посвященной Гору (греки обычно называют ее Аполлоном), можно увидеть в Британском музее.

В то, что крысы и полевые мыши были священными животными в Египте, мы можем поверить на основании свидетельств Ритуала Страбона и многих реликвий египетского искусства. Более того, Геродоту приписывают заслуги, когда он говорит, что у статуи 'на руке сидела мышь'. В других источниках, несомненно, часто встречается история о мышах, грызущих тетивы луков, как объяснение поклонения мышам. Одна из троянских 'мышиних историй' гласила, что эмигранты отправились в путь в доисторические времена с Крита. Оракул посоветовал им селиться 'везде, где на них нападут дети земли'. В Хамаксите в Троаде ночью на них напали мыши, которые съели все, что было съедобного из их доспехов и тетив для луков. Колонисты решили, что эти мыши были "детьми земли", поселились там и обожали мышиного Аполлона.^[131] Миф такого рода может быть либо историей, придуманной для объяснения

названия мыши; либо мышиное племя, подобное краснокожим индейским волкам или Воронам, действительно могло быть поселено на этом месте и, возможно, даже сопротивлялось вторжению.^[132] Другой миф о Троаде объясняет поклонение мышиному Аполлону на основе гипотезы, что он когда-то освободил землю от мышей, подобно Гамельнскому Крысолову, чья трубка (все еще исправная), как говорят, была найдена в его могиле людьми, которые копали шахту.^[133]

Истории, подобные этой, истории, приписывающие какое-то великое избавление мыши или какое-то избавление от мышей богу, естественно, возникли бы среди людей, озадаченных их собственным поклонением мышиному богу или мыши. Мы объяснили религиозный характер мышей как пережиток прошлой эпохи, в которую мышь была тотемом, а названия мышиных семей были широко распространены. То, что существуют и были тотемы мышей и мышиные фамильные названия среди семитских племен по всему Средиземноморью, доказано профессором. Робертсон Смит:^[134] 'Ахбор, мышь, - эдомитское имя, по-видимому, распространенное, поскольку тушканчик и другое название мыши есть у арабов. То же самое имя встречается в Иудее.' Там, где существует тотемизм, представители каждой породы либо вообще не едят животное-предка, либо употребляют его в пищу только в редких случаях жертвоприношения. Тотем враждебного племени может быть съеден в качестве оскорбления. В случае с мышью Исайя, по-видимому, ссылается на ту или иную из этих практик (lxvi.): "Освещающие себя и очищающиеся в садах за одним деревом посреди, питающиеся свиным мясом, мерзостью *имышью*, будут истреблены вместе, говорит Господь'. Это похоже на египетский запрет употреблять в пищу "отвратительную" (то есть табуированную или запрещенную) "Крысу Ра". Если нечистые животные Израиля изначально были тотемами каждого клана, то мышь была тотемом,^[135] избранному народу было запрещено есть "ласку, и мышь, и черепаху по роду их". 'Что нечистые звери, которых нельзя есть, изначально были тотемами, проф. Робертсон Смит делает вывод из Книги Пророка Иезекииля (viii. 10, 11), где "мы находим семьдесят старейшин Израиля, то есть глав домов, поклоняющихся в комнате, на стенах которой были изображены всевозможные нечистые" (табуированные) "пресмыкающиеся и четвероногие, *даже все идолы Дома Израилева*'. Некоторые слишком поспешно пришли к выводу, что мышь была священным животным у соседних филистимлян. После того, как филистимляне захватили Ковчег и поставили его в доме Дагона, народ был поражен болезнью. Поэтому они, в соответствии с хорошо известной магической практикой дикарей, сделали пять золотых изображений большой части тела и пять золотых мышей в качестве "жертвы повинности Господу Израилеву" и таким образом восстановили Ковчег.^[136] Такие жертвоприношения по обету до сих пор распространены в католических странах, и золотые мыши никоим образом не доказывают, что филистимляне когда-либо поклонялись мышам.

Обращаясь к Индии из Средиземноморского бассейна и к арийским, семитским и египетским племенам на ее побережьях, мы обнаруживаем, что мышь была священным животным Рудры. "Мышь, Рудра, - это твое животное", - говорится в "Яджур Веде", как ее передал Громанн в своем "*Аполлоне Сминтее*". Громанн признает в Рудре божество, обладающее большинством характеристик Аполлона. В более поздней индийской мифологии мышь является атрибутом Ганеши, который, подобно Аполлону Сминтею, изображен в искусстве наступающим ногой на мышь.

Таковы основные появления мыши в древней религии. Если он действительно был семитским тотемом, то, возможно, можно утверждать, что его преобладание в связи с Аполлоном является

результатом семитской закваски в эллинизме. Эллинские захватчики, возможно, нашли семитские мышинные племена у себя дома и объединили пришлое племенное божество со своим собственным поклонением Аполлону. В этом случае мышь, хотя и оставалась изначально тотемом, не была бы арийским тотемом. Но, вероятно, мифы и ритуалы о мыши и их распространение более правдоподобно объясняются нашей теорией, чем теорией Де Губернатиса: 'Языческий бог Солнца давит своей ногой Ночную Мышь. Когда кошки нет дома, мыши могут играть; ночные тени танцуют, когда нет луны.'^[137] Это один из самых причудливых фрагментов мифологической логики. Очевидно, что когда кошки (луны) нет дома, мыши (тени) *не могут* играть: нет света, который создавал бы тень. Как обычно бывает, ученые, пытающиеся свести все черты мифа к физическим явлениям, не пришли к согласию между собой по поводу мыши. В то время как мышь, по мнению М. де Губернатиса, - это ночь, по мнению Громанна, мышь - это молния. Он утверждает, что первоначально арийская раса рассматривала молнию как 'сверкающий зуб зверя', особенно мыши. Впоследствии люди стали отождествлять зверя с его зубами, и вот, молния и мышь - это трансформируемые мифические термины! Совершенно верно, что дикари считают многие стихийные явления, от затмений до радуги, результатом действий животных. Радуга - это змея;^[138] гром вызывает птица—гром, которая на самом деле была застрелена в Дакоте и которая знакома зулусам; в то время как дождь - это молоко небесной коровы - идея, повторяющаяся в *Зенд Авесте*. Но из того, что дикари верят в этих метеорологических зверей, не следует, что все животные в мифах изначально были метеорологическими. Возможно, человек поднял змею до небес, но его интерес к животному зародился на земле, а не в облаках. Крайне маловероятно и совершенно недоказано, что какая-либо раса когда-либо считала молнию вспышкой мышинных зубов. Эта гипотеза - *jeu d'esprit*, как и противоположная гипотеза о Ночной мыши. В этих и всех других современных теориях сминфийского Аполлона широко распространенное поклонение обычным мышам и таким маленьким оленям либо полностью игнорировалось, либо объяснялось первой теорией символизма, которая пришла в голову цивилизованному наблюдателю. Факты поклонения диких животных и их связь с тотемизмом, по-видимому, до сих пор неизвестны или недооцениваются учеными, за исключением мистера Сэйса, который признает тотемизм источником зооморфного элемента в египетской религии.

Наше объяснение, независимо от того, адекватно оно или нет, основано не на единичном случае. Если Аполлон вытеснил и поглотил поклонение мыши, он сделал не меньше для волка, барана, дельфина и нескольких других животных, чьи образы ассоциировались с его собственными. Греческая религия была более утонченной и антропоморфной, чем египетская. В Египте все еще поклонялись животным, а изображения богов имели головы зверей. В Греции только у нескольких богов, и в основном у очень архаичных статуй, были головы животных; но помимо других божеств скульптор изобразил сову, орла, волка, змею, черепаху, мышь или любое другое существо, которое было местным любимцем божества.^[139] Вероятно, божество в большинстве случаев вытесняло животное и наследовало ему почести. Но консервативные религиозные чувства удерживали зверя в судах, в исках антропоморфного бога и на службе ему.^[140]

Процесс, посредством которого бог изгнал зверей, возможно, можно наблюдать на Самоа. Там (как рассказывает нам доктор Тернер в своем "*Самоа*") у каждой семьи есть свое священное животное, которое она не может есть. Если этот закон нарушается, злоумышленник подвергается сверхъестественному наказанию различными способами. Но, хотя у каждой семьи, таким образом, есть свой тотем, четыре или пять разных семей признают в сове, крабе,

ящерице и так далее воплощения одного и того же бога, скажем, Тонго. Если бы у Тонго был храм среди этих семей, мы легко можем поверить, что изображения различных зверей, в которых он воплощался, хранились бы в освященных стенах. Подобные дикарские идеи, если бы их когда-либо придерживались в Греции, объясняли бы существование священных животных различных божеств. Но очевидно, что явления, которые мы изучали, могут быть объяснены иначе. Можно сказать, что синфийский Аполлон почитался только как враг мышей. У святой Гертруды (чье сердце было съедено мышами) такая же роль во Франции.^[141] Поклонение Аполлону и символу мыши, исходя из этого принципа, распространялось колониями из какого-либо центра веры. Изображения мышей в храмах Аполлона были бы не более чем подношениями по обету. Так, в церкви саксонского городка служка показывает серебряную мышь, посвященную Богоматери. 'Это величайшее из наших сокровищ', - говорит служка. 'Наш город был наводнен мышами, пока городские дамы не предложили эту серебряную мышь. Мгновенно все мыши исчезли'. 'И вы такие дураки, что верите, что эти существа ушли, потому что серебряная мышь была посвящена?' - спросил прусский офицер. "Нет, - довольно вежливо ответил служитель. - иначе мы бы давно предложили серебряную монету".

СНОСКИ:

[108] *Связь. Настоящий.*, i. 75.

[109] Смотрите *раннюю историю семьи*, ниже.

[110] Названия *Тотем* и *Тотемизм* использовались по крайней мере с 1792 года среди авторов, посвященных племенам Северной Америки. Проф. Макс Мюллер (*Академия*, январь 1884 г.) говорит, что слово должно быть не *Тотем*, а *Оте* или *Отем*. Запросы мистера Тайлора среди краснокожих подтверждают это. Лонг, переводчик среди индейцев, ввел слово *тотамизм* в 1792 году; но Лафито (1724) уже объяснил некоторые классические мифы как пережитки тотемизма.

[111] Крестовал де Молина (1570), стр. 5.

[112] Съеза де Леон, стр. 183.

[113] *Идиллия XV*.

[114] Сэйс, *Геродот*, стр. 344; Геродот, ii. 42; Книга Уилкинсона "*Древние египтяне*" (1878, ii. 475, примечание 2); Плутарх, *De Is. et Os.*, 71, 72; Афиней, vii. 299; Страбон, xvii. 813.

[115] Мышь, по словам Далтона, до сих пор является тотемом у ораонов Бенгалии. Мужчина с Мышиным 'материнством', как называют местное тотемное племя, не может есть мышей (считающихся деликатесом) или жениться на девушке-Мыши.

[116] xiii. 604. Casaub. 1620.

[117] На Родосе, Геле, Лесбосе и Крите устраивались сминтийские пиры (Де Витте, *Нумизматическое ревю*, N.S. iii. 3-11).

[118] *Илиада*, i. 39.

[119] Элиан, X. A., xii. 5.

[120] Барельеф опубликован в "*Религии Джентили*" Паоли, Неаполь, 1771, стр. 9; также Фабретти, ad Cal. Опера. *de Colum. Траян.*, стр. 315. Книга Паоли была написана после обнаружения на неаполитанской территории небольшого бронзового изображения иератического характера, изображающего человека с мышью на руке. Гравюра Паоли, изображающая это произведение искусства, к сожалению, не позволяет нам определить его дату или происхождение. Эта книга - кладезь знаний о мышах.

[121] Колден, *История пяти наций*, стр. 15 (1727).

[122] *Ономаст.*, ix. сегмент. 84.

[123] Де Витте говорит, что здесь Поллукс ошибся. В "*Нумизматическом ревю*", N.S. iii, Де Витте публикует монеты Александрии, более древнего Хамаксита, в Троаде. Синфийский Аполлон изображен с луком и мышью в руке. На других монетах изображен бог с мышью у ног или лира Аполлона, поддерживаемая мышами. Бронзовая монета в Британском музее дарит Аполлона с мышкой у его ноги.

[124] *Spanheim*, ad Fl. Joseph., vi. 1, стр. 312.

[125] *Della Rel.*, стр. 174.

[126] Геродот, ii. 141.

[127] Либрехт (*Zur Volkskunde*, стр. 13, цитируя *Азиатский журнал*, 1-я серия, 3, 307) находит тот же миф в китайских летописях. Однако это не бог, а царь крыс, который является расстроенному монарху во сне. Затем крысы перегрызают тетивы луков его врагов. Захватчиками были турки, спасенный принц - король Хотана. Король воздвиг храм и принес жертву — крысам? Та же история о крысах, грызущих тетивы луков, повторяется, прежде всего, в *Легенде о переселении греков* (Бринтон, Филадельфия, 1884).

[128] Геродот, стр. 204.

[129] Уилкинсон, iii. 249, цитирует Ритуал xxxiii.: "Ты пожираешь отвратительную крысу Ра, или Солнца".

[130] Мистер Лофти любезно показал мне зеленую мышь с тронным именем Тутмоса III. Животные, использовавшиеся таким образом в качестве заменителей скарабеев, также были священными, как рыба, носорог, муха, все представленные в коллекции мистера Лофти. См. Его *Эссе о скарабеех*, стр. 27. Можно признать, что в стране, где Кошки были богами, религия Мыши, должно быть, боролась и угнеталась.

[131] Страбон, xiii. 604.

[132] Евстафий об *Илиаде*, i. 39.

[133] *Странное и правдивое повествование о чудовищном множестве мышей*, 1670.

[134] *Филологический журнал.*, xvii. стр. 96.

[135] Левит xi. 29.

[136] Самуил i. 5, 6.

[137] *Зоол. Миф.*, ii. 68.

[138] *Мелюзин*, N.S. i.

[139] *Об Исиде и Озириде*, lxxvi.

[140] Эта гипотеза не утверждает, что тотемизм преобладал в Греции в исторические времена. Хотя Плутарх упоминает карийца *ὑένος*, иоксидея аттического происхождения, который почитал спаржу, вполне вероятно, что подлинный тотемизм вымер в Греции за много сотен лет до Гомера. Но эта точка зрения не противоречит существованию пережитков в религии и ритуалах.

[141] Роллан, *Народная фауна*.

ЗВЕЗДНЫЕ МИФЫ.

Артемус Уорд обычно говорил, что, хотя в науке астрономии есть много вещей, которые трудно понять, был один факт, который полностью озадачил его. Он мог частично понять, как мы "взвешиваем солнце", и определить составные элементы небесных тел с помощью *спектрального анализа*. 'Но что меня поражает в звездах, - жалобно заметил он, - так это то, как мы узнаем их названия'. Этот вопрос, или, скорее, несколько похожий на него: 'Как созвездия получили свои очень необычные названия?' озадачил профессора Притчарда и других астрономов, более серьезных, чем Артемус Уорд. Почему группа звезд называется *Медведицей*, или *Лебедем*, или *Близнецами*, или названа в честь *Плеяд*, прекрасных дочерей Гигантского Атласа?[142] С этими трудностями сталкиваются даже дети, когда они исследуют "небесный глобус". Там они находят фигуру медведя, очерченную линиями в промежутках между звездами созвездий, в то время как очень внушительный гигант нарисован так, что пояс Ориона как раз подходит к его талии. Но когда он начинает смотреть на небеса, начинающий спекулянт не видит среди звезд ни малейшего сходства с медведем, ни вообще чего-либо похожего на гиганта по соседству с Орионом. Самая эксцентричная современная фантазия, которая может определить любые формы облаков, неспособна найти какое-либо сходство с человеческими или животными формами в звездах, и все же мы называем великое множество звезд именами людей, зверей и богов. Некоторое сходство с земными вещами, это правда, каждый может увидеть на небесах. *Corona*, например, похожа на корону, или, как известно австралийским чернокожим парням, на бумеранг, и мы можем понять, почему они дали ей название этой любопытной изогнутой ракеты. *Млечный Путь*, опять же, действительно напоминает тропу в небе; наши английские предки называли ее *Уотлинг-стрит*- тропой уотлингов, мифических великанов, — а бушмены в Африке и краснокожие в Северной Америке называют ее 'пепельной тропой' или "тропой душ". Пепел на дорожке, конечно, должен быть горячим и светящимся, а не мертвым и черным, как пепельные дорожки современных беговых площадок. Другие, более поздние названия некоторых созвездий также понятны. В Гомера греки имели два

названия *Большой Медведицы*; они называли его *медведемили медведицей*: и какой-то причудливое сходство с каретной может быть сделано, хотя ничего общего с медведем проявляется. В Соединенных Штатах это же созвездие в народе называют *Большой Медведицей*, и каждый может заметить его сходство с ковшиком для пунша.

Но эти сходства лишь немного подводят нас к названиям. Мы знаем, что многие названия происходят непосредственно от греческого; но откуда они взялись у греков? Некоторые, как говорят, от халдеев; но откуда они пришли к халдеям? К этому мы вернемся позже, но что касается ранних греческих знаний о звездах, то Гоге, автор "*Происхождения Луазы*", довольно ученого, но слишком спекулятивного труда прошлого столетия, делает следующие характерные замечания: 'Греки получили свою астрономию от Прометея. Этот принц, насколько учит нас история, делал свои наблюдения на Кавказской горе. Таков был метод толкования мифологии восемнадцатого века. Миф, сохранившийся в 'Связанном Прометее' Эсхила, повествует нам о том, что Зевс распял Титана на горе Кавказ. Французский философ, отвергая сверхъестественные элементы этой истории, приходит к выводу, что Прометей был принцем с научными наклонностями и что он основал свою обсерваторию на морозном Кавказе. Но, даже допуская это, почему Прометей дал звездам названия животных? Гоге легко объясняет это гипотетическим описанием нравов первобытных людей. 'Древнейшие народы, ' говорит он, 'должно быть, использовали письменность для целей астрономической науки. Они удовлетворились бы обозначением созвездий, о которых они хотели говорить, иероглифическими символами своих названий; следовательно, созвездия незаметно переняли названия главных символов.' Таким образом, изображение медведя или лебедя было иероглифическим обозначением звезды или группы звезд. Но откуда взялось название, которое было представлено иероглифом? Это именно то, о чем наш автор забывает нам сказать. Но он отмечает, что значение иероглифов было забыто, и "символы дали начало всем нелепым рассказам о небесных знамениях'. Это объяснение достигается путем рассуждения по замкнутому кругу на основе гипотетических посылок, признанных ложными. Все известные дикари мира, даже те, которые едва ли владеют элементами изобразительного письма, называют созвездия именами людей и животных, и все они рассказывают "нелепые истории", объясняющие эти названия.

Поскольку истории о звездах, рассказанные греками, древними египтянами и другими цивилизованными народами старого света, в точности соответствуют по характеру, а иногда даже по происшестввиям, историям о звездах современных дикарей, у нас есть выбор из трех гипотез для объяснения этого любопытного совпадения. Возможно, сказки о звездах, о нимфах, превратившихся в медведей, и медведях, превратившихся в звезды, были придуманы древними цивилизованными расами и постепенно нашли свое распространение среди таких народов, как эскимосы, австралийцы и бушмены. Или можно настаивать на том, что предки австралийцев, эскимосов и бушменов когда-то были цивилизованными людьми, подобно грекам и египтянам, и изобрели звездные истории, которые до сих пор помнят их дегенеративные потомки. Это две формы объяснения, которые будут предложены людьми, верящими, что истории о звездах изначально были плодом воображения цивилизованных людей. Третья теория заключалась бы в том, что 'нелепые сказки' о звездах изначально были плодом воображения дикарей и что греки, халдеи и египтяне, когда они стали цивилизованными, сохранили старые мифы, которые их предки придумали, когда были дикарями. В пользу этой теории можно кратко сказать, что нет никаких доказательств того, что отцы австралийцев, эскимосов и бушменов когда-либо были цивилизованными людьми, в то время как существует множество свидетельств, позволяющих

предположить, что отцы греков когда-то были дикарями.[143] И, если мы склоняемся к теории, что звездные мифы - это порождение дикой фантазии, мы сразу узнаем, почему они во всех частях света так похожи. Точно так же, как кремневое и костяное оружие грубых рас похоже друг на друга гораздо больше, чем металлическое оружие и артиллерия развитых народов, так и продукты мышления, сказки и мифы грубых рас повсюду имеют сильное семейное сходство. Они создаются людьми в сходных психических состояниях невежества, любопытства и легковерной фантазии и предназначены для удовлетворения тех же потребностей, частично в забавном повествовании, частично в грубом объяснении знакомых явлений.

Теперь пришло время доказать истинность нашего утверждения о том, что звездные истории диких и цивилизованных рас очень похожи друг на друга. Давайте начнем с хорошо известной группы *Плеяды*. Особенность *Плеяд* заключается в том, что группа состоит из семи звезд, из которых одна настолько тусклая, что кажется, что она полностью исчезает, и многие люди могут обнаружить ее присутствие только в телескоп. У греков был миф, объясняющий исчезновение затерянной Плеяды. История приведена в *Catasterismoι* (рассказах о превращениях в звезды), приписываемых Эратосфену. Этот труд, вероятно, был написан после нашей эры; но автор почерпнул свои сведения из более старых трактатов, ныне утраченных. Итак, согласно греческому мифу, семь звезд Плеяды были семью девами, дочерьми Великана Атласа. У шести из них были боги в качестве любовников; Посейдон восхищался двумя из них, Зевсом тремя и Аресом одним; но у седьмого был только земной жених, и когда все они превратились в звезды, девушка со смертным возлюбленным скрыли свой свет от стыда.

Теперь давайте сравним австралийскую историю. По словам мистера Доусона (*Австралийские аборигены*), писателя, который хорошо понимает местных жителей, 'их знания о небесных телах значительно превосходят знания большинства белых людей', и "их обучают люди, отобранные за их интеллект и информацию. Эти знания важны для аборигенов в их ночных путешествиях; 'таким образом, мы можем быть уверены, что аборигены внимательно наблюдают за небесами и, вероятно, консервативны в отношении своих астрономических мифов. 'Потерянная плеяда' не ускользнула от них, и именно так они объясняют ее исчезновение. У племени Пирт Копан нут есть традиция, согласно которой *Плеяды* были королевой и шестью ее слугами. Давным-давно *Ворон* (наш *Канопус*) влюбился в королеву, которая отказалась стать его женой. *Ворона* обнаружила, что королева и шесть ее служанок, как и другие австралийские *джинны*, имели обыкновение охотиться на белых съедобных личинок в коре деревьев. *Ворон* тут же превратился в личинку (точно так же, как Юпитер и Индра обычно превращались в лебедей, лошадей, муравьев или что-то еще) и спрятался в коре дерева. Шесть дев попытались подцепить его своими деревянными крючьями, но он сломал кончики всех крючков. Затем появилась королева со своим красивым костяным крючком; он позволил вытащить себя, принял облик великана и убежал с ней. С тех пор в *Плеяде* было только шесть звезд, шесть дев. При самом тщательном расследовании хорошо известно, что эта история популярна среди чернокожих Западного округа и Южной Австралии.

Мистер Тайлор, мнение которого заслуживает глубочайшего уважения, считает, что это, возможно, европейский миф, рассказанный каким-нибудь поселенцем чернокожему в греческом обличье, а затем распространенный среди туземцев. Он жалуется, что история о потере *ярчайшей* звезды не соответствует фактам дела.

Мы не знаем, да и откуда австралийцам знать, что потерянная звезда когда-то была самой яркой? Мне кажется, что австралийцы, заметив исчезновение звезды, вполне естественно могли предположить, что *Ворона* выбрала себе в жены ту, которая была самой яркой в созвездии. Кроме того, широкое распространение этой истории среди туземцев и очень большие изменения в характере происшествий, по-видимому, указывают на местное происхождение. Хотя основная концепция — гибель одной из семи дев — идентична в греческом языке и у *Мурри*, манера исчезновения в высшей степени эллинская в одном случае и в высшей степени дикая в другом. Как бы то ни было, конечно, ни один пример ничего не доказывает. Давайте теперь рассмотрим звезды *Кастор* и *Поллукс*. И в Греции, и в Австралии говорят, что когда-то это были двое молодых людей. В *Catasterismoi*, о которых уже говорилось, мы читаем: "*Близнецы, или Диоскуры*".—Они были воспитаны в Лакедемонии и славились своей братской любовью, а потому Зевс, желая обессмертить их память, поместил их обоих среди звезд.' В Австралии, по словам мистера Бро Смита (*аборигены Виктории*), *Терри* (*Кастор*) и *Ванжел* (*Поллукс*) - двое молодых людей, которые преследуют *Пурру* и убивают его в начале сильной жары. *Кунар тоорунг* (мираж) - это дым костра, на котором его поджаривают. В Греции великим охотником среди звезд были не Кастор и Поллукс, а *Орион*. У бушменов Южной Африки *Кастор* и *Поллукс* - не юноши, а молодые женщины, жены канна, огромной местной антилопы. В греческих сказаниях о звездах, по словам Гомера, *Большая Медведица* следит за охотником Орионом, опасаясь внезапного нападения. Но как Медведь получил свое название в Греции? Согласно Гесиоду, старейшему греческому поэту после Гомера, Медведь когда-то был женщиной, дочерью Ликаона, царя Аркадии. Она была нимфой из свиты целомудренной Артемиды, но уступила любви Зевса и стала прародительницей всех аркадцев. Измененная Зевсом в звериную форму, она была застрелена Артемидой, а затем перенесена Зевсом к звездам (Аполлод., iii. 8; Eustath., 1156; Bachofen, *Der Bär*, p. 14).^[144] Здесь мы должны сначала заметить, что аркадийцы, подобно австралийцам, краснокожим индейцам и другим диким расам, и подобно бедуинам, считали себя потомками девушки, превратившейся в животное. То, что ранние египтяне делали то же самое, не является невероятным; поскольку имена животных встречаются среди предков в самом древнем генеалогическом папирусе,^[145] как и в генеалогиях старых английских королей. Затем аркадийцы перенесли медведя предков на небеса и, сделав это, уподобились перуанцам, о которых Акоста говорит: "Они обожали звезду *Урчучилли*, выдавая ее за *Барана*, и поклонялись двум другим, и говорили, что один из них - овца, а другой ягненок... другие поклонялись звезде, называемой *Тигр*". *Они придерживались мнения, что на земле нет ни одного зверя или птицы, чей облик или изображение не сияли бы в небесах.*'

Но вернемся к нашим медведям. У австралийцев, собственно говоря, медведей нет, хотя на животное, называемое местным медведем, аборигены смотрят с суеверным уважением. Но у североамериканских индейцев, как заметили старые миссионеры Лафито и Шарлевуа, "четыре звезды перед нашим созвездием - это медведь; те, что в хвосте, - охотники, которые преследуют его; маленькая звездочка в стороне - это котел, в котором они собираются его приготовить".

Можно утверждать, что краснокожие получили своего медведя от европейских поселенцев. Но, как мы видели, точное знание звезд всегда было полезным, если не необходимым, для дикарей; и мы осмеливаемся усомниться, стали бы они путать свою терминологию и священные традиции, заимствуя термины у трапперов и скваттеров. Но если это невероятно, то кажется почти невероятным, что все дикие расы заимствовали все свои представления о небесных телах из мифов Греции. Вот как Эгед, миссионер прошлого века, описывает эскимосскую звездную

философию: 'Представления гренландцев о происхождении небесных светил — солнца, луны и звезд — совершенно бессмысленны; они притворяются, что когда-то были такими же, как многие из их собственных предков, которые, по разным данным, были вознесены на небеса и стали такими великолепными небесными телами'. И снова он пишет: "Их представления о звездах таковы, что некоторые из них были людьми, а другие - различными видами животных и рыб'. Но каждый читатель Овидия знает, что это была та самая мифическая теория греков и римлян. Египтяне, опять же, поклонялись Осирису, Исиде и остальным как *предкам*, и есть даже современные ученые, такие как мистер Лофти в его *Эссе о скарабеях*, которые считают, что Осирис изначально был реальной исторической личностью. Но египетские жрецы, показавшие Плутарху могилу Осириса, показали ему также звезды, в которые были превращены Осирис, Исида и Гор. Итак, перед нами греки, египтяне и эскимосы, все согласные относительно происхождения небесных огней, все придерживающиеся мнения, что 'раньше они были такими же, как многие из их собственных предков".

Австралийская общая теория гласит: 'Из хороших мужчин и женщин после потопа Панджель (своего рода Зевс, или, скорее, своего рода Прометей из австралийской мифологии) создал звезды. Маги (*Бираарк*) могут сказать, какие звезды когда-то были хорошими мужчинами и женщинами.' Здесь колдуны обладают теми же знаниями, что и египетские жрецы. Опять же, как и у аркадийцев, "прародители существующих племен, будь то птицы, или звери, или люди, были помещены в небо и созданы сиять как звезды".^[146]

Мы уже приводили некоторые австралийские примеры в историях о *Плеядах*, а также о *Касторе* и *Поллуксе*. Мы можем добавить случай с *Орлом*. В Греции *Орел* был птицей Зевса, который унес Ганимеда, чтобы стать виночерпием Олимпа. У австралийцев это же созвездие называется *Тотьяргил*; это был человек, который во время купания был убит сказочным животным, разновидностью келпи; как Орион в Греции был убит *Скорпионом*. Подобно Ориону, он был помещен среди звезд. У австралийцев есть созвездие, называемое *Орел*, но это наш *Сириус*, или *Звезда-Пес*.

Индейцы Амазонки находятся в одной сказке с австралийцами и эскимосами. "Доктор Сильва де Коутиньо сообщил мне, - говорит профессор Хартт,^[147] - что индейцы Амазонии не только дают названия многим небесным телам, но и рассказывают истории о них. Говорят, что две звезды, образующие плечи Ориона, - это старик и мальчик в каноэ, преследующие *пейшбоа*, именем которого обозначено темное пятно на небе рядом с вышеупомянутым созвездием.' Индейцы также знают звезды обезьян, журавлиные звезды и пальмовые звезды.

У бушменов, почти самого низшего племени Южной Африки, те же знания о звездах и почти те же мифы, что и у греков, австралийцев, египтян и эскимосов. Согласно доктору Блику, "звезды, и даже солнце и луна, когда-то были смертными на земле, или даже животными или неорганическими субстанциями, которые случайно попали на небеса. Когда-то солнце было человеком, чья подмышка излучала ограниченное количество света вокруг его дома. Какие-то дети подбросили его в небо, и там оно сияет.' Гомеровский гимн Гелиосу, точно так же, как замечает г-н Макс Мюллер, 'смотрит на солнце как на полубога, почти героя, который когда-то жил на земле'. Указателями Южного Креста были "двое мужчин, которые были львами", точно так же, как Каллисто в Аркадии была женщиной, которая была медведицей. В таких странных философиях, как у скандинавов, вовсе не редкость обнаружить, что солнце или луна были мужчиной или женщиной. В австралийской басне луна была мужчиной, солнце - женщиной с

безразличным характером, которая появляется на рассвете в пальто из шкур красного кенгуру, подарке поклонника. В старинном мексиканском тексте луна была человеком, на лицо которого бог бросил кролика, оставив таким образом отметины на луне.^[148]

Многие отдельные расы, по-видимому, узнают фигуру зайца, где мы видим "Человека на Луне". В буддийской легенде образцовый и альтруистичный заяц был перенесен на луну. "Для простых людей в Индии пятна на луне выглядят как заячьи, а Чандрас, бог луны, носит зайца: поэтому луну называют *сасин* или *сасанка*, заячий след. Монголы также видят в этих тенях фигуру зайца.^[149] У эскимосов луна - девочка, которая всегда убегает от своего жестокого брата, солнца, потому что он изуродовал ее лицо. В другом месте солнце - это девушка, любимая своим собственным братом луной; она чернит свое лицо, чтобы отвратить его привязанность. На Рио-Бранко и среди Томунды луна - это девушка, которая любила своего брата и навещала его в темноте. Он распознал ее порочную страсть, проведя почерневшей рукой по ее лицу. Отметины выдавали ее и, как пятна на луне, остаются по сей день.^[150]

У новозеландцев и североамериканских индейцев солнце - великий зверь, которого охотники заманивали в ловушку и били дубинками. Его кровь используется в некоторых новозеландских заклинаниях; и, согласно египетскому мифу, ее замешивали в глину при создании человека. Но подобным мифам о солнце нет конца, во всех из которых солнце рассматривается как человек или даже как зверь.

Вернуться к звездам—

Краснокожие индейцы, как говорит Скулкрафт, "считают, что многие планеты должны быть преобразованы искателями приключений". Айова 'верили, что звезды - это своего рода живые существа'. Один из них спустился вниз, поговорил с охотником и показал ему, где можно найти дичь. Галлиномер из Центральной Калифорнии, по словам мистера Бэнкрофта, верят, что солнце и луну создали и зажгли Ястреб и Койот, которые однажды налетели друг другу в лицо в темноте, и были полны решимости предотвратить подобные несчастные случаи в будущем. Но самый странный пример сохранения представления о том, что звезды - это мужчины или женщины, можно найти в 'Мире' Аристофана. Тригей в этой комедии только что совершил экспедицию на небеса. Раб встречает его и спрашивает: 'Значит, не правда ли, что после смерти мы становимся звездами?' Ответ: 'Конечно'; и Тригей указывает на звезду, в которую только что превратился Иос Хиосский. Аристофан высмеивает какое-то популярное греческое суеверие. Но именно это суеверие встречается нам в Новой Зеландии. "Считалось, - говорит мистер Тайлор, - что герои становятся звездами большей или меньшей яркости в зависимости от количества их жертв, павших в бою".

Арийская раса редко оказывается далеко позади, когда появляются нелепые представления, которым можно верить, или дикие истории, которые можно рассказывать. Мы видели, что Аристофан в Греции знал эскимосское учение о том, что звезды - это души умерших. У персов была такая же вера,^[151] "все нenumерованные звезды считались призраками людей".^[152] Немецкий фольклор придерживается той же веры: "Звезды - это души; когда умирает ребенок, Бог создает новую звезду". Казги цитирует^[153] та же идея из Вед, а из "Сатапатха брахмана" следует совершенно австралийское представление о том, что "хорошие люди становятся звездами". Для представления о подлинно дикой природе в Южной Африке или на Амазонках было бы трудно превзойти следующую историю из "Айтареи Брахмана" (iii. 33). Прагапати, Повелитель Жизни, воспыал кровосмесительной страстью к собственной дочери. Подобно

Зевсу, Индре и австрийскому жениху из сказки о Плеядах, он скрылся под обликом зверя, косули, и приблизился к своей собственной дочери, принявшей облик лани. Боги, разгневанные этим ужасным преступлением, создали чудовище, чтобы наказать Прагапати. Чудовище пронзило тело бога стрелой; он взмыл на небеса, и, подобно аркадскому медведю, эта арийская косуля стала созвездием. Он находится среди звезд Ориона, и его каратель, тоже теперь звезда, является, подобно греческому Ориону, охотником. Дочь Прагапати, лань, стала другим созвездием, а стрела возмездия - это тоже набор звезд на небе. То, что следует далее о происхождении богов, называемых Адитьями, на самом деле слишком дико, чтобы цитировать его целомудренному мифологу.

Было бы легко привести множество примеров этой стадии мышления среди арийцев и дикарей. Но мы, вероятно, привели достаточно примеров для нашей цели и специально выбрали примеры из жизни наиболее разделенных народов. Возможно, следует признать, что эти примеры предполагают, если не доказывают, что греки получили из традиции точно такие же легенды о небесных телах, какие распространены среди эскимосов и бушменов, новозеландцев и жителей Айовы. То же самое, действительно, можно было бы сделать и из нашей собственной астрономической номенклатуры. Теперь мы даем вновь открытым звездам имена, полученные в честь выдающихся людей, таких как *Георгий Сидус* или *Гершель*; или, опять же, просто технические наименования, такие как *Альфа*, *Бета* и остальные. Мы никогда не должны думать, когда "в поле нашего зрения попадает какая-нибудь новая планета", о том, чтобы назвать ее *Кенгуру*, или *Кроликом*, или в честь какого-нибудь героя романа, как *Роб Рой*, или *графом Фоско*. Но названия звезд, которые мы унаследовали из греческой мифологии — *Медведица*, *Плеяды*, *Кастор* и *Поллукс*, и так далее, — такие, которые ни одному человеку с нашим ментальным состоянием не пришло бы в голову присвоить. Когда Каллимах и придворные астрономы Александрии притворились, что золотые локоны Береники были подняты до небес, это была простая лесть, построенная на унаследованной модели легенд о короне (*Согола*) Ариадны. Кажется достаточно очевидным, что древнегреческие названия звезд произошли от того времени, когда предки греков были в ментальном и образном состоянии айовы, канеки, бушменов, мурри и новозеландцев. Все эти и все другие дикие народы верят в своего рода равенство и взаимосвязь между всеми живыми и неодушевленными предметами. Предполагается, что камни на островах Тихого океана являются мужскими и женскими и служат для продолжения рода. Считается, что животные обладают человеческим или сверхчеловеческим интеллектом и речью, если они решат воспользоваться этим даром. Звезды находятся на одном и том же основании, и их движения объясняются одной и той же готовой системой универсального антропоморфизма. Звезды, рыбы, боги, герои, люди, деревья, облака и животные - все они играют равную роль в запутанных драмах дикой мысли и дикой мифологии. Даже в практической жизни превращение колдуна в животное принимается как знакомое явление, а способность парить среди звезд - это то, чем больше всего гордится австралийский Бираарк или эскимосский шаман. Неудивительно, что вещи, которые считаются возможными в повседневной практике, часто встречаются в мифологии. Отсюда легкомысленное изобретение и вера в легенды о звездах, которые, в свою очередь, фиксируют названия небесных тел. Ничего больше, кроме чрезвычайной живучести традиции и неудобств, связанных с изменением широко принятого названия, не требуется для объяснения человеческих и животных названий звезд. Греки заимствовали мифы и названия созвездий из далекого от дат прошлого дикого интеллекта, а мы взяли их, не спрашивая, у греков. Таким образом, получается, что наши небесные глобусы представляют собой такой же причудливый зверинец, каким могли бы быть

любые глобусы, нарисованные австралийцами или американскими индейцами, бушменами, перуанскими аборигенами или эскимосами. Мы можем быть с достаточной долей уверенности уверены, что именно дикари первыми передали науке названия созвездий и снабдили Грецию исходным материалом для ее астрономических мифов — как красиво говорит Бэкон, мы прислушиваемся к суровым идеям более ранних народов, 'мягко звучащим на флейтах греков'.

Эта позиция была оспорена мистером Брауном в работе под названием *Закон космического порядка*. Теория мистера Брауна заключается в том, что ранние аккадцы давали названия знакам зодиака в честь определенных мифов и праздников, связанных с месяцами. Таким образом, краб - это фигура 'силы тьмы', которая овладела аккадским солнечным героем Думузи и 'которая постоянно представлена в чудовищной и драконьей форме'. Бык, опять же, связан с ночью и тьмой 'по отношению к рогатой луне' и, по другим причинам, "ведет ночной образ жизни". По правде говоря, немногие звезды являются суточными энергиями. Объяснения мистера Брауна кажутся мне притянутыми за уши и неубедительными. Но, допуская, что знаки зодиака попали в Грецию из Халдеи, м-р Браун вряд ли станет утверждать, что австралийцы, меланезийцы, айова, индейцы Амазонки, эскимосы и остальные заимствовали свои человеческие и животные звезды из 'Аккадии'. Вера в звезды животных и людей практически универсальна среди дикарей, которые не достигли 'аккадской' ступени культуры. Вера, как показал мистер Тайлор,^[154] является естественным результатом диких идей. Поэтому мы заключаем, что "аккадцы", вероятно, тоже использовали в названиях звезд то, что они унаследовали от дикого прошлого. Если греки заимствовали определенные названия звезд у "аккадцев", то они также, подобно арийцам Индии, сохранили множество собственных диких звездных мифов, басен, основанных на самых ранних астрономических предположениях древней мысли.

Первый момент в астрономической науке наступает, когда дикарь, глядя на звезду, говорит, подобно ребенку из детского стихотворения: 'Как мне интересно, кто ты!' Следующий момент наступает, когда дикарь делает свои первые грубые практические наблюдения за движениями небесного тела. Его третий шаг - объяснить это самому себе. Теперь наука не может предложить ничего, кроме причудливого объяснения, выходящего за рамки опыта. Опыт дикаря ограничен миром его племени, а также зверями, птицами и рыбами его местности. Таким образом, его философия объясняет все явления, исходя из предположения, что законы живой природы, которые он наблюдает, действуют повсюду. Но его наблюдения, введенные в заблуждение грубыми магическими суевериями, привели его к вере в состояние равенства и родства между людьми, животными и даже неорганическими существами. Он часто поклоняется тем самым животным, которых убивает; он обращается к ним так, как будто они понимают его; он считает себя потомком животных и их сородичей. Эти смутные представления он применяет к звездам и узнает в них людей, подобных себе, или животных, подобных тем, с которыми, по его мнению, он находится в таких тесных человеческих отношениях. Вряд ли найдется птица или зверь, которого краснокожий индеец или австралиец не объяснил бы своими особенностями с помощью мифа, подобного странице из "*Метаморфоз*" Овидия. Когда-то это был мужчина или женщина, а теперь бог или волшебник превратил его в птицу или зверя. Опять же, согласно его философии, люди изначально были животными и произошли от волков, лягушек, змей или обезьян. Небесные тела имеют точно такое же происхождение; и отсюда, как мы заключаем, происходят их странные названия животных и странные мифы о них,

которые встречаются во всей древней поэзии. Эти имена, в свою очередь, странным образом повлияли на человеческие верования. Астрология основана на мнении, что характер и судьба человека определяются звездами, под которыми он родился. И природа этих звезд выводится из их названий, так что медведь должен был быть найден в гороскопе доктора Джонсона. Когда Джордано Бруно написал свою сатиру на религию, знаменитое "Триумфальное о бестии", он предложил изгнать с небес не только богов, но и зверей. Он призвал бы звезды, но не *Медведицу*, или *Лебедя*, или *Плеяды*, а Истину, Милосердие, Справедливость и так далее, чтобы люди могли рождаться не под животным, а под нравственным влиянием. Но звери слишком долго владели звездами, чтобы их можно было легко сместить, и власть *Медведя* и *Лебедя*, вероятно, продлится до тех пор, пока будет существовать наука Астрономия. Их названия вряд ли снова введут философа в заблуждение относительно мнения Аристотеля о том, что звезды одушевлены.

Этот аргумент был разработан к удовлетворению автора, когда он случайно наткнулся на объяснение мистером Максом Мюллером названия *Большой Медведицы*. Мы объяснили это название как лишь одно из бесчисленных подобных названий, которые люди всех рас дают звездам. Эти названия, опять же, мы объяснили как результат философии дикарей, которые не делают большого различия между человеком и вещами в мире и смотрят на звезды, зверей, птиц, рыб, цветы и деревья как на переодетых мужчин и женщин. Теория г-на Мюллера основана на филологических соображениях. Он считает, что название *Большой Медведицы* появилось в результате ошибки в значении слов. По его словам, в санскрите была ^[155] корень *ark*, или *арка*, означающий "быть яркой". В Ведах светила называются *рикша*, то есть яркие. "Созвездия, называемые здесь Рикшами, в смысле "яркие", на санскрите были бы омонимичны Медведям. Помните также, что, очевидно, без всякой рифмы или причины, одно и то же созвездие греки и римляне называют Медведем.... Здесь нет и тени сходства с медведем. Теперь вы почувствуете влияние слов на мысль или спонтанный рост мифологии. Имя *Рикша* было применено к медведю в значении яркого сочного животного, и в этом смысле оно стало наиболее популярным в более позднем санскрите, а также в греческом и латыни. То же самое название, "в смысле ярких", применялось ведическими поэтами к звездам вообще, и более конкретно к тому созвездию, которое в северных частях Индии было самым заметным. Этимологическое значение слова "яркие звезды" было забыто; популярное значение слова "рикша" (медведь) было известно каждому. И вот так случилось, что, когда греки покинули свою центральную родину и поселились в Европе, они сохранили название Арктос для тех же неизменных звезд; но, не зная, почему эти звезды изначально получили такое название, они перестали называть их *арктои*, или множеством медведей, и стали называть их Медведицами.

Это очень хороший пример филологического способа объяснения мифа. Если мы однажды допустим, что *арк*, или *арка*, в значении "яркий" и "медведь", существовали не только в санскрите, но и в неразделенном арийском языке, и что имя *рикша*, медведь, "стало в этом смысле самым популярным в греческом и латыни", эта теория кажется более чем правдоподобной. Но объяснение выглядит не так убедительно, если мы рассмотрим не только арийские, но и все известные мифы и названия Медведицы и других звезд. Профессор Сэйс, выдающийся филолог, говорит, что мы не можем сравнивать неарийские мифы с арийскими. Однако мы рискнули сделать это в этой статье и показали, что наиболее широко разделенные расы дают звездам названия животных, одним из примеров которых является *Медведь*. Теперь, если филологи хотят убедить нас, что именно пришедший в упадок и полузабытый язык заставил людей давать названия животных звездам, они должны доказать свою правоту на

огромном множестве примеров — на примерах айовы, канеки, мурри, маори, бразильца, перуанца, мексиканца, египтянина, эскимоса. Было бы самым удивительным совпадением в мире, если бы забвение смысла собственной речи заставило племена всех языков и рас узнавать в небесах людей и зверей, журавлей, какаду, змей, обезьян, медведей и так далее. Как получилось, что непонятые слова всегда понимаются одинаково? Объясняет ли филологическое объяснение подавляющее большинство явлений? Если это не удастся, мы можем, по крайней мере, усомниться в том, решает ли это единственный изолированный случай Большой Медведицы у греков и римлян. Следует отметить, что филологическое объяснение г-на Мюллера не проясняет аркадийскую историю об их собственном происхождении от медведицы, которая теперь стала звездой. Однако подобные истории о происхождении племен от животных настолько распространены, что было бы трудно назвать расу или четверть земного шара, где они не водятся. Все ли они происходят от неправильно понятых слов, означающих "яркий"? Эти соображения, по-видимому, являются веским аргументом для сравнения не только арийских, но и всех возможных мифов. Если мы посмотрим шире, то часто обнаружим, что филологическое объяснение, которое казалось правдоподобным в одном-единственном случае, безнадежно узко применительно к большому набору параллельных падежей в языках различных семей.

Наконец, имея дело с мифами о звездах, мы придерживаемся гипотезы м-ра Тайлора: 'От дикости к цивилизации', аккадской, греческой или английской, в мифологии о звездах можно проследить ход мысли, действительно измененный в применении, но никогда не нарушавший своей очевидной связи от начала до конца. Дикарь видит отдельные звезды как одушевленные существа или объединяет звездные группы в живые небесные существа, или их части, или объекты, связанные с ними; в то время как на другом конце шкалы цивилизации современный астроном поддерживает именно такие древние фантазии, используя их для полезного выживания, как средство составления карты небесного шара."^[156]

СНОСКИ:

^[142] Попытка состоит не в том, чтобы объяснить происхождение каждого отдельного названия, а только в общей привычке давать звездам названия животных или людей.

^[143] Мистер Герберт Спенсер считает, что австралийцы когда-то были более цивилизованными, чем в настоящее время. Но на Австралийском континенте никогда не находили следов керамики, что мало что говорит об их цивилизации в прошлом.

^[144] См. С. О. Müller (*Пролог. zur Mythol.*, Engl. перев., с. 17): 'Каллисто - это не что иное, как Артемида и ее священное животное, воплощенные в одной идее'. См. также стр. 201-4. Мюллер (К.О.) был очень близок к открытию того, что греческие боги в некоторых случаях могли иметь звериное происхождение.

^[145] Бругш, *История Египта*, i. 32.

^[146] Принес Смит.

^[147] *Мифы об амазонских черепахах*, стр. 39.

^[148] Саагун, vii. 3.

^[149] Гримм, *Д.М. Н.*, англ. пер., с. 716.

[150] Хартт, указ. соч., стр. 40. О современном человеке-солнце и его мифе на Кикладах см. Дж. Т. Бента в "Атенеуме", 17 января 1885г.

[151] Каэги, *Ригведа*, стр. 217.

[152] *Майнджо-и-Хард*, 49, 22, изд. Запад.

[153] *Указ. соч.*, стр. 98.

[154] *Прим. Культ.*, i. 357.

[155] *Лекции по языку*, стр. 359, 362.

[156] Ideler (*Untersuchungen ueber den Ursprung der Sternnamen*) may also be consulted.

МОЛИ И МАНДРАГОРА.

‘Я открыла новое средство от ревматизма’, - сказала дама, рядом с которой мне выпала честь сидеть за обедом. ‘Ты носишь картофелину в кармане!’

Кто-то написал забавный рассказ о поведении человека, который заканчивает книгу. Он повсюду носит с собой свои идеи и размышляет над ними, даже за ужином, в паузах разговора. Но здесь была леди, которая любезно внесла свой вклад в мои исследования и предложила мне фольклор и пережитки культурного Кенсингтона.

Мои мысли переключились с приготовления картофельного пюре на новозеландский обычай носить с собой на ночь печеный батат, чтобы отпугивать призраков, и на старое английское поверье, что кусочек хлеба, хранящийся в кармане, защищает от злых духов. Почему призраки должны бояться пищи смертных, когда у большинства рас смертных принято кормить призраков предков? Человеческий разум работает довольно быстро, и все это промелькнуло в моем мозгу, пока я с любопытством отвечал: ‘Картошку!’

‘Да, но подойдет не всякая картошка. Я услышала об этом лекарстве в деревне, и когда мы приехали в город и мой муж пожаловался на ревматизм, я попросила одного из слуг принести мне картофелину от ревматизма мистера Джонсона. “Да, мэм, - сказал мужчина, - но это, должно быть, *краденая* картофелина”. Я совсем забыл об этом. Ну, нельзя просить своих слуг воровать картошку. В деревне это легко, там можно сорвать картофель с любого поля. ‘И что ты сделал?’ - Спросила я. ‘О, я поехала в Ковент-Гарден и заказала много фруктов и цветов. Пока мужчина не смотрел, я стащила картофелину — совсем маленькую. Я не думаю, что в этом был какой-то вред.’ ‘А мистер Джонсон пробовал картофельное лекарство?’ ‘Да, он носил его в кармане, и сейчас он совершенно здоров. Я рассказала доктору, и он говорит, что знает о способе лечения, но не осмеливается рекомендовать его.’

Как странно, что суеверия выживают! Центральная идея этого современного безумия о картофеле заключается в том, что вы должны украсть корнеплод. Давайте рассмотрим идею исцеления волшебными травами в обратном направлении, от Кенсингтона к европейскому фольклору, а оттуда к классическим временам, к Гомеру и готтентотам. Обращаясь сначала к

Германии, мы обратим внимание на верования, связанные не с картофелем, а с другим овощем, мандрагорой. В немецких суевериях из всех корней самым известным является альраун, или мандрагора. Трава была задумана на дикий манер как живая человеческая личность, что-то вроде старой жены-ведьмы.^[157]

Опять же, корень имеет человеческую форму. 'Если потомственный вор, сохранивший свое целомудрие, будет повешен', то под виселицей, к которой он подвешен, вырастает по его подобию широколистная мандрагора с желтыми цветами. Мандрагору, как и моль, волшебную траву из "Одиссеи", "трудно копать мужчинам". Тот, кто желает обладать мандрагорой, должен заткнуть уши воском, чтобы не слышать предсмертных воплей, которые издает растение, когда его вытаскивают из земли. Затем перед восходом солнца в пятницу любитель выходит на улицу с собакой, 'полностью черной', делает три креста вокруг мандрагоры, разрыхляет почву вокруг корня, привязывает корень к хвосту собаки и предлагает животному кусок хлеба. Собака набрасывается на хлеб, вытаскивает корень мандрагоры и падает замертво, убитая ужасным воплем растения. Теперь корень собирают, омывают вином, заворачивают в шелк, кладут в шкатулку, совершают омовение каждую пятницу, 'и каждое новолуние надевают новый белый халатик'. Мандрагора, при таком внимательном обращении, действует как своего рода фамилляр. 'Каждая монета, положенная ей на ночь, утром оказывается удвоенной'. Цыганский фольклор и фольклор американских детей поддерживают веру в удвоение депозитов. Цыгане используют это понятие в том, что они называют 'Великим трюком'. Какой-нибудь глупый деревенский житель кладет свои деньги в сверток, который отдает цыгану. Последний после совершения различных церемоний возвращает сверток, который должен быть похоронен. К определенной дате сумма будет найдена удвоенной. Конечно, когда владелец закапывает посылку, он не находит в ней ничего, кроме медных пуговиц. Точно так же и с благочестивой уверенностью американский мальчик закапывает шарик в полое бревно, произнося формулу: "То, что не пришло сюда, *придет!* то, что здесь, *оставайся здесь!*" и ожидает найти все шарики, которые он когда-либо терял.^[158] Давайте проследим за верой в магические корни в древнем языческом мире.

Древние очень хорошо знали мандрагору и суеверия, связанные с ней. Диоскорид упоминает *мандрагорус*, или *антимелон*, или *диркею*, или *Цирцею*, и говорит, что египтяне называют это *апемум*, а Пифагор 'антропоморфон'. Выкапывая корень, Плиний говорит: "Соблюдаются некоторые церемонии: сначала те, кто приступает к этой работе, особенно следят за тем, чтобы ветер дул им не в лицо, а в спину. Затем острием меча они рисуют три круга вокруг растения, которое затем выкапывают лицом к западу." Плиний ничего не говорит о зловонных свойствах растения, приписываемых современной и средневековой Германии, но упоминает, что "его достаточно для некоторых тел, чтобы погрузить их в сон с запахом мандрагоры". Это похоже на шекспировский "мак, мандрагора и все сонные сиропы мира". Платон и Демосфен^[159] также говорят о мандрагоре как о снотворном. Упоминание Колумеллой "*получеловека мандрагоры*" скорее относится к цели магии. Здесь мы касаемся происхождения суеверий о мандрагоре. Корни имеют какое-то фантастическое сходство с человеческой формой; Плиний описывает их как 'мясистые и нежные'. Итак, это один из общепризнанных принципов магии, согласно которому вещи похожи друг на друга, какими бы поверхностными они ни были, воздействуют друг на друга мистическим образом и обладают идентичными свойствами. Так, в Меланезии, по словам мистера Кодрингтона,^[160] "камень в форме свиньи, хлебного плода, батата был самой ценной находкой", потому что он делал свиней плодовитыми и удобрял хлебные деревья и участки под батат. В Шотландии камни тоже называли по названиям конечностей, на которые

они походили, например, "глаз-стейн", "голова-стейн". Пациент вымыл пораженную часть своего тела и хорошенько растер ее соответствующим камнем".[161] Точно таким же образом корню мандрагоры, который, как считалось, напоминает человеческое тело, приписывались человеческие и сверхчеловеческие силы. Иосиф Флавий упоминает[162] растение, "которое нелегко поймать, которое ускользает от желающих его собрать и никогда не стоит на месте", пока не будут выполнены определенные отталкивающие обряды. Эти обряды не могут быть подробно описаны здесь, но они хорошо знакомы краснокожим индейцам и магии бушменов. Другой способ выкопать растение, о котором упоминает Иосиф Флавий, - это с помощью собаки, как в немецком суеверии, цитируемом Гриммом. Элиан также рекомендует использовать собаку для сбора травы аглафотис, которая светится ночью.[163] Когда собака вытащит корень и умрет от ужаса, ее тело должно быть похоронено на месте с религиозными почестями и тайными священными обрядами.

Вот и все о мандрагоре, которую, как и целебный картофель, приходится добывать тайком и с риском. Теперь давайте рассмотрим гомеровскую травяную моль. Таким образом, растение введено Гомером: в десятой книге *Одиссеи* Цирцея превратила людей Одиссея в свиней. Он отправляется спасать их, полагаясь только на свой меч. Бог Гермес встречает его и предлагает ему "зачарованную траву", "эту траву благодати" (*φάρμακον ἐσθλόν*), с помощью которой он может победить магические уловки Цирцеи.

Растение описано Гомером довольно подробно. 'У корня оно было черным, но цветок напоминал молоко. Боги называют это "Плесенью", но смертным людям трудно копать, тем не менее, с богами все возможно.' Приведенные этимологии 'моли' почти столь же многочисленны, как и этимологи. Одно из производных от старого 'туранского' языка Аккадии будет рассмотрено позже. Схолиаст предлагает производное *μωλύειν*, чтобы сделать бесполезными чары"; но это в точности похоже на этимологическое открытие профессора Блэки о том, что Эриния происходит от *ἐρίνυειν*: "с таким же успехом он мог бы вывести *критиковать* от *критиковать*".[164] Схолиаст добавляет, что плесень стала причиной смерти человека, который вытащил ее из земли. Это отождествление моли с мандрагорой, вероятно, основано на замечании Гомера о том, что моль 'трудно копать'. Черный корень и белый цветок моли совершенно не похожи на желтый цветок и белый мясистый корень, приписываемые Плинием мандрагоре. Единственная путаница возникает из-за того, что эти две волшебные травы считаются идентичными.

Но почему любые травы или корни обладают магией? В то время как некоторые ученые, такие как Де Губернатис, ищут объяснение в предполагаемых мифах об облаках и звездах, для нашей цели достаточно заметить, что травы действительно обладают лечебными свойствами и что необразованные люди неизменно путают медицину с магией. Считается, что растение или корень обладают целебными свойствами не только при проглатывании в виде порошка или отвара, но и при ношении в руке. Зверобой и ягоды рябины, подобно гомеровской плесени, до сих пор 'бесполезны злые чары';

Рябина, ясеня и рыжая тройка
Заставляют ведьм сдерживать свою скорость,

гласит шотландский стишок. Любое причудливое сходство листа, цветка или корня с частью человеческого тела, любая аналогия, основанная на цвете, придаст растению репутацию

магического растения. Этот склад ума сохранился со времен дикости. Готтентоты - великие травники. Как и греки, как и немцы, они ожидают сверхъестественной помощи от растений и корней. Г—н Хан в своей книге "*Цуй Гоам, Высшее Существо Кой-кой*" (стр. 82) приводит следующие примеры:-

Дэппер в своем описании Африки, стр. 621, сообщает нам: 'Некоторые из них носят на шее корешки, которые находят далеко в глубине страны, в реках, и, отправляясь в путешествие, разжигают их в костре или жуют, если им приходится ночевать в поле. Они верят, что эти корни отпугивают диких животных. Корни, которые они жуют, разбрасываются вокруг места, где они устраиваются лагерем на ночь; и аналогичным образом, если они поджигают корни, они рассеивают дым и пепел, полагая, что запах отпугнет диких животных.

Мне часто доводилось наблюдать за соблюдением этих суеверных церемоний, особенно когда мы находились в той части страны, где слышали рычание львов или днем ранее натыкались на следы царя зверей.

'Кораны также содержат эти корни в качестве гарантий. Если отправляется командос (военная экспедиция), каждый мужчина кладет такие корешки в свои карманы и в под сумки, где он хранит свои патроны, полагая, что стрелы или пули врага не возымеют действия, но что его собственные пули наверняка убьют врага. А также, прежде чем лечь спать, они поджигают эти корни и бормочут: "Корень моего дедушки, наведи сон на глаза льва, леопарда и гиены. Сделай их слепыми, чтобы они не могли нас найти, и заткни им носы, чтобы они не могли нас учуять". Кроме того, если они утащили большую добычу или угнали скот врага, они поджигают эти корни и говорят: "Мы благодарим тебя, корень нашего дедушки, за то, что ты дал нам в пищу скот. Дай врагу уснуть и направь его по ложному следу, чтобы он не последовал за нами, пока мы благополучно не сбежим".

- Другой сорт кустарника называется *абиб*. Особенно пастухи носят куски его дерева в качестве талисманов, и если крупный рогатый скот или овцы заблудились, они сжигают их в огне, чтобы дикие животные не уничтожили их. И они верят, что скот останется в безопасности до тех пор, пока его не найдут на следующее утро.^[165]

Швайнфурт обнаружил ту же веру в волшебные травы и корни у бонго и Ниама Ниама в 'Сердце Африки'. Бонго верят, подобно гомеровским грекам, что 'определенные корни отгоняют злое влияние духов'. Подобно немецким любителям мандрагоры, они утверждают, что "нет другого средства для установления общения с духами, кроме как с помощью определенных корней" (i. 306).

Наша позиция такова, что английский волшебный картофель, немецкая мандрагора, греческий моли - все это пережитки состояния ума, подобного тому, в котором готтентоты все еще молятся корням.

Теперь, когда мы связали мандрагору и молибден с обычными магическими суевериями диких народов, давайте посмотрим, что можно сделать с этим предметом другим методом. Мистер Р. Браун, ученый и трудолюбивый автор *Великого дионисийского мифа*, исследовал предания о гомеровском моли. Первая^[166] 'обращается к арийской филологии'. Было высказано много предположений об этимологии слова 'молибден'. Курциус предлагает *mollis, molvis, μῶλυς*, сродни *μᾶλακός*, "мягкий". Это не устраивает мистера Брауна, который, для начала, убежден, что это растение не является волшебным, без слов, как те, которые используют готтентоты, но что в

основе мифа 'просто влияние ночи на мир дня'. Теперь, поскольку моли - это имя, используемое среди богов, мистер Браун считает, что 'мы можем справедливо рассмотреть гипотезу об иностранном происхождении этого термина'. Любому, кто считает, что определенные греческие боги были заимствованы из-за границы, может быть позволено поверить, что боги использовали иностранные слова, и, как указывает м-р Браун, в различных гомеровских названиях импортированных предметов, народов, личностей и так далее присутствуют иностранные элементы. Откуда же тогда такое иностранное слово, как *moly*, которое могло дойти до Гомера? В результате длительного процесса исследований мистер Браун находит это слово в древнем 'аккадском языке'. У профессора Сэйса он заимствует ссылку на Апулея Барбаруса, о жизни которого ничего не известно и дата которого расплывчата. Апулей Барбарус, возможно, жил примерно через четыре столетия после нашей эры, ион говорит, что 'каппадокийцы называли дикую руту моли'. Рута, как и розмарин, да и вообще, как большинство трав, имеет свою магическую репутацию, и если бы мы предположили, что моль Гомера - это рута, то это знание вызвало бы определенный интерес. По-английски руту называли "траву благодати", ею окропляли святой водой, а название является переводом гомеровского *φάρμακον ἑσθλόν*. Возможно, руту использовали для окропления, потому что в дохристианские времена рута сама по себе обладала силой против духов и сил зла. Возможно, наши предки сочли за благо объединить старое очарование руты и новую христианскую силу святой воды. Таким образом, прослеживалась бы четкая аналогия между гомеровской плесенью и английским "травой благодати".

"Евфразия и рута" использовались для очищения глаз смертных. Плиний очень хорошо осведомлен о магических свойствах руты. Точно так же, как украденный картофель эффективен при ревматизме, так и "украденная рута приносит лучшие плоды". Самоанцы думают, что их самые ценные овощи были украдены с небес посетителем Самоа.^[167] Примечательно, что рута, согласно Плинию, погибает от прикосновения женщины точно так же, как, согласно Иосифу Флавию, приручается мандрагора.^[168] Эти отрывки доказывают, что у народов классической эпохи были такие же необычные суеверия относительно женщин, как у бушменов и краснокожих индейцев. Действительно, Плиний^[169] описывает магический способ защиты посевов от фитофтороза с помощью женщин, который на самом деле практикуется в Америке краснокожими.^[170]

Итак, вот достаточно доказательств того, что рута была волшебной за пределами Каппадокии. Но это не аргумент в пользу мистера Брауна. Каппадокийцы называли руту 'моли'; на каком языке, спрашивает он, говорили каппадокийцы? Проф. Сэйс (знающий так много языков) говорит, что 'мы почти ничего не знаем о языке каппадокийцев или мосхов, которые жили в той же местности'. Но где проф. Дело в том, что хетты, если можно так выразиться со всем уважением, не так уж далеки от истины. В данном случае он считает, что мосхи (хотя и признает, что мы об этом почти ничего не знаем) "похоже, говорили на языке, близком к языку каппадокийцев и хеттов". То есть не исключено, что язык мосхов, о котором почти ничего не известно, мог быть родственен языку каппадокийцев, о котором мы почти ничего не знаем. Все, что мы действительно знаем в данном случае, это то, что через четыреста лет после Рождества Христова жители Каппадокии употребляли слово 'молибден', которое было греческим по меньшей мере тысячу двести лет. Но м-р Браун продолжает цитировать, что один из языков, о котором мы почти ничего не знаем, хеттский, был "вероятно, родствен протоармянскому и, возможно, ликийскому, и, прежде всего, не был семитским". В любом случае 'клинописный способ письма использовался в Каппадокии в ранний период'. Поскольку даже профессор

Сэйс отказывается дать более чем предварительное прочтение каппадокийской клинописи, кажется крайне опрометчивым искать в этом направлении интерпретацию гомеровского слова "молибден", использовавшегося в Каппадокии спустя много веков после того, как на табличках были нацарапаны надписи. Но, основываясь на доказательствах вавилонского характера клинописи на каппадокийских табличках, м-р Браун устанавливает связь между жителями Аккадии (которые, вероятно, ввели клинописный стиль) и жителями Каппадокии. Связь сводится к следующему. Говорят, что через тысячу двести лет после Гомера жители Каппадокии называли улицу 'моли'. В какой-то неизвестный период аккадцы, по-видимому, оказали влияние на искусство письма в Каппадокии. Очевидно, мистер Браун считает не слишком опрометчивым вывод о том, что каппадокийское употребление слова 'молибден' происходит не от греков, а от аккадцев. В переводе с аккадского, по словам мистера Брауна, *mul* означает 'звезда'. "Отсюда улу или мулу = mulu, таинственный гомеровский контраргумент чарам Кирке" (стр. 60). Следовательно, теория мистера Брауна заключается в том, что моли первоначально означал "звезда". Цирцея - это луна, Одиссей - солнце, и "что *охраняет* солнечного героя ночью, когда он подвергается воздействию враждебной лунной силы, как не звезды?" особенно звезда-пес.

Правда в том, что моль Гомера, какое бы растение он ни имел в виду под этим названием, является лишь одной из волшебных трав, в которые верит или во что верило большинство народов. Подобно шотландской рябине или зверобою, он эффективен против злых влияний. У людей есть свои простые причины верить в эти растения, и им не нужно было сводить их скромную раннюю ботанику с облаков и звезд. С другой стороны, мы должны представить (если следовать за м-ром Брауном), что в каком-то неизвестном прошлом каппадокийцы превратили аккадское слово, обозначающее звезду, в местное название растения, что это слово дошло до Гомера, что предполагаемый древнеаккадийский миф о звезде, наблюдающей за солнечным героем, сохранил свою жизнеспособность в греческом, и, оставив звезду цепляться за траву, что Гомер использовал "аккадо-каппадокийский" миф, и что много веков спустя аккадское название звезды в его извращенном значении "рута" сохранилось в греческом языке.

Каппадокия. Эта структура аргументации основана на табличках, которые не может прочитать даже профессор. Сэйс, и на возможностях о союзе языков, о которых мы 'почти ничего не знаем'. Метод, оставляющий в стороне обычные, естественные, широко распространенные верования о магических свойствах трав (верования, которые мы видели в действии в Кенсингтоне и в Центральной Африке), поиск плесени среди звезд и нерасшифрованных каппадокийских надписей, кажется сомнительным методом. Мы подробно рассмотрели его, потому что это образец эрудированного, но, как мы думаем, ошибочного подхода к фольклору. Предупреждения М. Халеви против меняющихся мифологических теорий, основанных на таких новых науках, как знания Ассирии и Аккадии, ни в коем случае не излишни. "Аккадский" быстро становится таким же готовым ключом ко всем замкам, каким был "арийский" несколько лет назад.[171]

СНОСКИ:

[157] Гримм, Д.М. н., англ. пер., с. 1202.

[158] Том Соьер, стр. 87.

[159] Rep., vi. 488. Dem., 10, 6.

[160] Антропологический журнал. Inst., февраль 1881 г.

[161] Грегор, *Фольклор Северо-восточных графств*, стр. 40.

[162] *Войны евреев*, vii. 6, 3.

[163] *Вар. История.*, 14, 27.

[164] Макс Мюллер, *Избранные очерки*, ii. 622.

[165] Нет конца арийским параллелям с дикарскими практиками. Знаменитая сома из Вед, по-видимому, теперь используется как готтентотский корень. Зороастрийцы 'используют его при заклинаниях и жертвоприношениях, а также бросают в огонь'. См. Мистер Хутум Шиндлер, *Академия*, 31 января 1885 г., стр. 83.

[166] *Миф о Кирке*, стр. 80.

[167] Тернерс *Самоа*.

[168] Иосиф Флавий, *местный житель*. *цит. по* За это и многие другие ссылки я в долгу перед *Историко-антропологическим исследованием* Шварца. В большинстве волшебных трав ученый автор распознает гром и молнию — теория не менее правдоподобная, чем теория мистера Брауна.

[169] Библиотека. xxviii.

[170] Скулкрафт, против

[171] Мистер Браун (*Академия*, 3 января 1885 г.) говорит, что он свободно признает, что его 'предположение может быть совершенно неверным' — что кажется возможным - и что 'если Одиссей и Кирке были солнцем и луной, то это хорошая отправная точка для теории о том, что молибден был звездой'. Это напоминает одного проповедника, который так доказал существование Троицы: "Ибо разве нет, братья мои, одного солнца и одной луны — и одного множества звезд?"

"КАЛЕВАЛА", ИЛИ ФИНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЭПОС.

Трудно объяснить тот факт, что научная любознательность, которая сейчас так занята изучением всех памятников первобытного состояния нашей расы, должна была, по крайней мере в Англии, почти полностью пренебречь популяризацией 'Калевалы', или национальной поэмы финнов. Помимо свежести и простоты стиля, ценности как хранилища всех видов первобытного фольклора, поскольку это произведение *Urvalk*, нации, которая не претерпела насильственной революции в языке или институтах, "Калевала" особенно интересна тем, что занимает позицию между двумя видами первобытной поэзии, балладой и эпосом. В изучение первых этапов развития песенного искусства было внесено столько трудностей из-за смешения этих различных видов сочинения под названием популярной поэзии, что при написании поэмы, занимающей среднее место между эпосом и балладой, было бы неплохо определить, что мы подразумеваем под каждой из них.

Автор "Нашего древнеанглийского *искусства поэзии*" начинает свой труд с утверждения, которое может служить текстом: "Поэзия, - говорит Путтенхэм в 1589 году, - более древняя, чем *искусственная* музыка греков и латиноамериканцев, созданная инстинктом природы и используемая дикарями и нецивилизованными людьми, которые были до всякой науки и цивилизации. Это подтверждается свидетельствами купцов и путешественников, которые в ходе последних мореплаваний обследовали весь мир и открыли большие страны и странных людей, диких и необузданных, подтверждающих, что американец, перузинец и сам каннибол действительно поют и также произносят свои самые высокие и святыя слова в определенных романсах." Паттенхэм имеет здесь в виду тот инстинкт первобытных людей, который заставляет их во все моменты возвышенных чувств и по всем торжественным поводам произносить нечто вроде песнопения.^[172] Таким песнопением является песнь Ламеха, когда он "убил человека, ранив его". Так, в скандинавских сагах Греттир и Гуннар *поют*, когда им есть что сказать особенно; так и в *Märchen*- примитивных сказках всех народов — обрывки стихов вставляются там, где требуется подчеркнуть. Эта тяга к выражению страсти принимает более формальную форму в песнях, которые у всех примитивных народов, как и у современных греков в наши дни,^[173] поются при помолвках, похоронах и отъездах в дальние страны. Эти песни были собраны в Шотландии Скоттом и Мазервеллом; их датские аналоги были переведены мистером Прайором. В Греции М. Фориэль и д-р Ульрихс; в Провансе Дамаз Арбо; в Италии М. Нигра; в Сербии Талви; во Франции Жерар де Нерваль — сделали для своих отдельных стран то, что Скотт сделал для Границы. Профессор Чайлд из Гарварда публикует прекрасную критическую подборку английских *народных сказок* со всеми известными вариантами из каждой страны.

Сравнение коллекций доказывает, что во всех европейских странах примитивные 'стихи' людей идентичны по тону, форме и происшествиям. Именно такой вид раннего выражения народной жизни — небрежный, резкий, краткий, как это было вызвано тем фактом, что они исполнялись под аккомпанемент танца, — мы называем балладами. Это явно и во всех смыслах популярные стихи, и ничто не может вызвать большей путаницы, чем применение того же названия 'популярный' к ранней эпической поэзии. Баллады коротки; длинная баллада, как сказал мистер Мэтью Арнольд, ползет по телу и останавливается. С другой стороны, настоящий эпос длинен, и его тон величествен, благороден и выдержан. Баллады не художественны; в то время как форма эпоса, независимо от того, берем ли мы гекзаметр или более грубую *непринужденность* французских *chansons de geste*, полна сознательного и достойного восхищения искусства. Наконец, популярные баллады имеют дело с неопределенными персонажами, действующими и живущими в неопределенных местах; в то время как персонажи эпоса - это герои определенного положения, *потомки которых все еще живут на земле*, чей дом - узнаваемое место, Итака или Аргос. Итак, хотя эти два вида ранней поэзии — баллада, народная песня; эпос, песня вождей народа, правящей расы — различны по своему характеру, из этого не следует, что у них нет связи, что более благородная не могла развиваться из материалов низшей формы выражения. И ценность "Калевалы" отчасти в том, что она сочетает в себе непрерывность и унисон эпоса с простотой и популярностью баллады, и таким образом образует своего рода связующее звено в истории развития поэзии. Это может стать яснее, когда мы перейдем к изложению литературной истории финской национальной поэмы.

Можно сказать, что шестьдесят лет назад никто вообще не знал, что в Финляндии есть национальная поэма. Ее народ, претендующий на родство с венгерскими мадьярами, но, возможно, являющийся обратной волной более раннего прилива населения, оставался незатронутым иностранным влиянием со времен их завоевания Швецией и их несколько вялого

и массового обращения в христианство: событий, которые происходили постепенно между серединой двенадцатого и концом тринадцатого веков. Под властью Швеции финны были предоставлены своей тихой жизни и безмятежным фантазиям среди лесов и озер региона, который они метко называли Похья, 'край вещей'; в то время как их образованные классы не проявляли особого интереса к местной поэзии и мифологии своей расы. Наконец, аннексия Финляндии Россией в 1809 году пробудила национальные чувства и стимулировала изучение песен и обычаев, которые были семейными реликвиями народа.

Политика России заключалась в том, чтобы поощрять, а не сдерживать это возвращение к далекому прошлому; и от севера Норвегии до склонов Алтая пылкие исследователи искали фрагменты ненаписанной ранней поэзии. Эти руны, или *руноты*, в основном пели старики по имени *Рунои*, чтобы развеять усталость долгих темных зим. Обычай состоял в том, что два чемпиона соревновались в памяти, пожимая друг другу руки и декламируя по очереди, пока тот, чья память первой уступит, не ослабит хватку. В 'Калевале' есть пример такой практики, где говорится, что никто не был настолько храбр, чтобы пожать руку Вяйнэмейнену, который является одновременно Орфеем и Прометеем финской мифологии. Эти рунои, или рапсоды, жалуются, конечно, на вырождение человеческой памяти; они замечают, как любое иностранное влияние, в религии или политике, разрушительно для исконных песен расы.^[174] 'Что касается преданий старины, то тысячи их были развеяны по ветру, тысячи погребены под снегом; ... что касается тех, которые были сметены мунками (тевтонскими рыцарями) и молитва священников была подавлена, тысяча языков не смогла бы их пересказать.' Несмотря на причиненные таким образом потери и несмотря на подозрительный характер финнов, который часто делал задачу сбора опасной, осталось достаточно материалов, чтобы снабдить доктора Леннрота, самого известного исследователя, тридцатью пятью *рунотами*, или песнями. Они были опубликованы в 1835 году, но более поздние исследования привели к созданию пятнадцати песен, составляющих симметричные пятьдесят "Калевалы". В задаче упорядочивания и объединения их доктор Леннрот сыграл роль, традиционно приписываемую поручению Писистрата в отношении *Илиады* и *Одиссеи*. Доктор Леннрот вырезал и изменял по своему усмотрению материалы, которые предстают перед нами в виде одного стихотворения. Сейчас в них мало единства, да и изначально его не было.

Не подлежит сомнению, что, в какой бы период ни создавались гомеровские поэмы в Греции, считалось, что в них описываются подвиги предполагаемых предков существующих семей. Так, например, Писистрат, как потомок Нелидов, был заинтересован в том, чтобы сохранить от забвения, по крайней мере, определенные части *Илиады* и *Одиссеи*. Та же семейная гордость украсила и сохранила эпическую поэзию ранней Франции. Во Франции было всего три героических дома, или *гестес*; и три соответствующих цикла *эпопей*. Теперь, в 'Калевале', нет и следа влияния семейных чувств; никто не проявлял особой заботы и гордости, следя за хрониками славы того или иного героя. Поэма начинается с космогонии, столь же дикой, как любая индийская мечта о сотворении мира; и человеческие персонажи, действующие в этой истории, являются призрачными обитателями неопределенных земель, которых ни одна семья не считает своими предками. Само отсутствие этой идеи семьи и аристократической гордости придает 'Калевале' уникальное место среди эпосов. Это, безусловно, эпос народа, того класса, в жизни которого нет элемента прогресса, нет разрыва в преемственности; который из века в век сохраняет, в уединении и тесном общении с природой, самые ранние верования седой древности. Греческий эпос, с другой стороны, имеет, как указывает Преллер^[175], "ничего общего с естественным человеком, но с идеальным миром героев, с сыновьями богов, с

посвященными царями, героями, старейшинами, *своего рода специфической расой людей*". Люди существуют только как вспомогательные подразделения великих домов, как простой фон, на котором выделяются блистательные фигуры героев; как раса существ, только что вышедших из рук природы, которых великие дома и их барды мало заботят. ' Это чувство, столь распространенное в Греции и в феодальных странах средневековой Европы, что есть два типа людей, золотая и бронзовая раса, как назвал бы их Платон, отсутствует со всеми вытекающими отсюда последствиями в "Калевале".

Среди финнов мы не находим и следа аристократии; почти нет упоминаний о королях или священниках; герои поэмы - действительно народные герои, рыбаки, кузнецы, земледельцы, 'знахари' или волшебники; преувеличенные тени народа, героически занимающиеся не войной, а обычным повседневным делом примитивных и мирных людей. Описывая их приключения, 'Калевала", подобно щиту Ахиллеса, отражает всю жизнь расы, праздники, похороны, обряды посева и сбора урожая, брака и смерти, гимны и магические заклинания.

Хотя "Калевала" и не заинтересована в уникальном положении популярного эпоса, она очень ценна как своими литературными красотами, так и беспорядочной массой фольклора, который она содержит.

Здесь древние космогонии, попытки человека представить себе начало вещей, смешаны с теми же самыми дикими фантазиями, которые повсюду встречаются в форме волшебных сказок. Мы спешим перейти от рассказа о мистическом яйце творения к гимну, подобному гимну братьев Амбарвал, к странно знакомому обрывку детской сказки, к инциденту, который, как мы помним, происходит почти теми же словами в шотландской балладе. Мы находимся среди народа, который наделяет все человеческими характерами и жизнью, который находится в дружеских отношениях с птицами и зверями, и даже со скалами и растениями. Вороны, волки и морские рыбы, солнце, луна и звезды добры или грубы; капли крови обретают дар речи, мужчина и девушка превращаются в змею или лебедя и принимают прежний облик, корабли обладают магической силой, как корабли феаков.

Далее следует самая странная путаница на всех этапах религиозного развития: мы находим верховного Бога, наслаждающегося праведностью; Укко, владыку воздушного свода, который стоит отдельно от людей и посылает своего сына Вяйнямейнена быть их учителем музыки и сельского хозяйства.

Поперек этой веры простирается религия окаменевших абстракций, подобная религии Римского пантеона. Есть боги цвета, богиня ткачества, богиня человеческой крови, а также стихийные духи лесов и вод *игривы* мертвых. Между тем рабочей верой людей является вера в магию — как правило, признак низшей культуры. Предполагается, что знание определенных магических слов дает власть над элементарными телами, которые им повинуются; считается, что воля далекого колдуна может пересечь озера и равнины подобно дыханию фантастического мороза, обладая силой превращать врага в лед или камень. Сохранились следы поклонения животным: есть гимн медведю; танец, похожий на медвежий танец американских индейцев; и еще один гимн повествует о рождении и могуществе змеи. Поперек всего и в завершение всего идет враждебный рассказ о происхождении христианства — конце радости и музыки.

Насколько примитивным было положение авторов этой мешанины верований, лучше всего доказывается сохранением обычая, называемого экзогамией.^[176] Этот обычай, который не свойственен финнам, но, вероятно, является универсальной чертой раннего общества, запрещает браки между членами одного племени. Следовательно, основное действие "Калевалы", как оно есть, разворачивается вокруг усилий, прилагаемых мужчинами Калевы для получения невест из враждебного племени Похья.^[177]

Еще одно доказательство древнего происхождения можно найти в том, что является великой литературной красотой стихотворения — в его чистой спонтанности и простоте. Это порождение расы с богатым воображением, для которой песня стала самым естественным выражением радости и печали, ужаса или триумфа — класса, который был близок к тайне природы и не испытывал симпатии к диким обитателям лесов и вод.

‘Эти песни,’ говорится в вступлении, ‘были найдены на обочине дороги и собраны в глубине перелесков; сорваны с ветвей леса и собраны среди крон сосен. Эти слова пришли ко мне, когда я следовал за стадами в стране сладких, как мед, лугов и золотистых холмов.... Холод говорил со мной, и дождь поведал мне свои руны; ветры небес, морские волны говорили и пели со мной; дикие птицы научили меня, музыка многих вод была моим хозяином’.

Размер, в котором поется эпос, напоминает английскому уху "Гайавату" мистера Лонгфелло — здесь скорее ассонанс, чем рифма; и плавный характер языка и частые аллитерации производят очень музыкальный эффект.

Этот грубый набросок основных характеристик ‘Калевалы’ мы сейчас попытаемся дополнить кратким изложением ее содержания. Поэма длиннее, чем *"Илиада"*, и многое интересное неизбежно должно быть опущено; но только благодаря такому абстрактному изложению можно получить представление о том единстве, которое преобладает среди самого крайнего расхождения.

Во-первых, что следует понимать под словом ‘Калевала’? Аффикс *la* означает ‘обитель’. Таким образом, ‘Туонела’ - это ‘обитель Туони’, бога нижнего мира; и поскольку ‘калева” означает "героический", "великолепный’, ‘Калевала” - это ‘Дом Героев’. Эта поэма повествует о приключениях жителей Калевалы - об их борьбе с жителями Похьолы, места конца света. Мы можем представить себе двух старых руноев, или певцов, берущихся за руки в одну из первых ночей финской зимы и начинающих (чего, вероятно, никогда не было достигнуто) попытку проработать "Калевалу" до возвращения лета. Они начинаются *ab ovo*, или, скорее, до яйцеклетки. Сначала воспевается рождение Вяйнямейнена, благодетеля и учителя людей. Он сын Луоннотар, дочери Природы, которая соответствует первой женщине ирокезской космогонии. Под дуновением и прикосновением ветра и прилива она зачала ребенка; но до его рождения прошло девять человеческих эпох, пока мать плавала по ‘бесформенным и многообразным водам’. Тогда Укко, верховный Бог, послал орла, который отложил яйца в лоно девы, и из этих яиц выросли земля и небо, солнце и луна, звезда и облако. Тогда Вяйнямейнен родился на водах, и достиг бесплодной земли, и взглянул на новые небеса и новую землю. Там он посеял зерно, которое является хлебом человека, распевая гимн, используемый во время посева семян, призывая мать-землю взрастить зеленую траву, а Укко - ниспослать облака и дождь. Итак, кукуруза дала всходы, и золотая кукушка, которая в Финляндии играет роль сойки в

шотландских балладах или трех золотых птиц в греческих народных песнях, пришла с поздравлениями. Что касается эпитета "золотой", то можно заметить, что золото и серебро в финском эпосе расточаются на самые обычные предметы повседневной жизни.

Это универсальная нота примитивной поэзии, и это не специфическая финская идиома, как предполагает М. Леузон ле Дюк; и не след восточного влияния среди современных греков, как, по-видимому, думает м-р Тозер в своем изложении ромейских баллад. Это общее для всех баллад Европы, как указал М. Ампер, и может быть замечено в "Песне о Роланде" и у Гомера.

Пока созревала кукуруза, Вяйнямейнен отдохнул от своих трудов и взялся за дело Орфея. 'Он пел, - говорится в "Калевале", - о происхождении вещей, о тайнах, скрытых от младенцев, которых никто не может постичь в этой печальной жизни, в часы этих бранных дней. Слава о пении Руной возбудила ревность в груди одного из окружавших его мужчин, о происхождении которого "Калевала" ничего не сообщает. Этот человек, Йукахайнен, спровоцировал его на испытание песней, хвастаясь, подобно Эмпедоклу или одному из древних кельтских бардов, что он был всем сущим. 'Когда была сотворена земля, я был там; когда развернулось пространство, я направил солнце по его пути'. Тогда Вяйнямейнен разгневался и силой своих чар пригвоздил Йукахайнена к земле и не позволил ему выйти на свободу, не пообещав ему руки его сестры Айно. Мать была в восторге; но девушка плакала, что теперь она должна скрыть свои длинные локоны, свою славу и быть женой 'старого невозмутимого Вяйнямейнена'. Напрасно ее мать предлагает ей вкусную еду и богатые платья; она убегает из дома и скитается, пока не встречает трех купающихся девушек, присоединяется к ним и тонет, распевая печальную песню: 'Ах, никогда моя сестра не придет искупаться в морской воде, ибо капли моря - это капли моей крови'. Эта дикая идея встречается в ромейской балладе *ἡ κόρη τὰ ξιδεύτρια*, где капля крови на губах утонувшей девушки окрашивает все воды мира. Вернемся к судьбе Айно. Быстрый заяц бежит (как в зулусской легенде о происхождении Смерти) с рассказом о горе к матери девушки, и из слез матери текут реки воды, и в них находятся острова с золотыми холмами, где золотые птицы напевают песни. Что же касается старого, невозмутимого Руной, то он теряет свои права на последний титул, он полон печали и ищет во всех стихиях свою потерянную невесту. Наконец он ловит неизвестную ему рыбу, которая, подобно Атласу, 'знала глубины всех морей'. Странная рыба выскальзывает у него из рук, 'прядь волос утонувшей девушки' на мгновение всплывает на пену, и слишком поздно он осознает, что 'никогда еще лосось не сиял так ярко над сетями в море'. Его потерянная невеста была в пределах его досягаемости, а теперь потеряна для него вдвойне. Внезапно волны расходятся в стороны, и мать Природы и Вяйнямейнена появляется, чтобы утешить своего сына, подобно Фетиде из глубины. Она велит ему идти и искать в стране Похьола невесту, чуждую его расе. После множества диких приключений Вяйнямейнен добирается до Похьола, и Лутри, мать местной девы, ласково уговаривает его. Но он начинает тосковать по дому и жалуется, почти словами Данте, на горький хлеб изгнания. Лутри отдаст ему руку своей дочери только при условии, что он подарит ей *сампо*. Сампо - это таинственный механизм, который перемалывает муку, соль и деньги. На самом деле, это мельница из известной сказки "*Почему море соленое*".[178]

Вяйнямейнен не может сам изготовить эту мельницу, он должен обратиться за помощью домой к Ильмаринену, кузнецу, который выковал "железный свод полых небес". Когда герой возвращается в Калевалу, он встречает Владычицу Радуги, сидящую на небесном своде и плетущую золотую нить. Она обещает принадлежать ему, если он выполнит определенные задания, и в ходе них он ранит себя топором. Эту рану может залечить только тот, кто знает

мистические слова, в которых заключен секрет рождения железа. Легенда об этом зловещем рождении, о том, как железо выросло из молока девы и было выковано первобытным кузнецом Ильмариненом, чтобы стать проклятием воинственных мужчин, передана Вяйнямейненом старому волшебнику. Затем волшебник торжественно проклинает железо, *как живое существо*, и призывает на помощь верховного Бога Укко, таким образом объединяя в одной молитве крайности ранней религии. Затем герой исцеляется и благодарит Создателя, "в чьих руках конец дела".

Вернувшись в Калевалу, Вяйнямейнен отправляет Ильмаринена в Похьолу, чтобы тот построил сампо, "мельницу для зерна в один день, для соли в другой, для денег в следующий". Роковое сокровище спрятано Лутри и, очевидно, должно сыграть роль сказочного клада в "Нибелунгах солгали".

В одиннадцатой песни внезапно появляется новый герой, Ахти, или Лемминкайнен, и новый цикл приключений. Лемминкайнен - распутный странник, у которого любви не меньше, чем у Геркулеса. Тот факт, что его считают формой морского бога, делает странным, что его самое известное достижение - соблазнение всего женского населения его острова - должно соответствовать аналогичному подвигу Кришны. 'Шестнадцать тысяч сто, - говорится в "Вишну-пуране", - таково было число девушек; и сын Мадху принял такое множество облиций, что каждая из девушек подумала, что он женился на ней в ее единственном лице'. Возможно, Кришна - это солнце, а девушки - капли росы; остается надеяться, что связь Лемминкайнена с морской водой спасет его от солнечной гипотезы. Его первый регулярный брак оказался несчастлив, и он был убит при попытке захватить невесту из народа Похьола. Черные воды реки забвения уносят его прочь, и из его гребня, который он оставил у матери, вытекает кровь — частый случай в русских и других сказках. Во многих бытовых сказках герой, прежде чем отправиться в путешествие, сооружает палку, которая упадет, когда он окажется в бедственном положении или умрет. Аборигены Австралии используют эту форму гадания на практике, обвязывая вокруг палочки несколько волос человека, судьбу которого необходимо выяснить. Затем, подобно Деметре, ищущей Персефону, мать задает вопросы всем существам мира, и их ответы демонстрируют удивительное поэтическое сочувствие к безмолвной жизни Природы. Луна сказала: 'У меня и так достаточно своих горестей, не думая о твоём ребенке. Моя участь тяжела, мои дни полны зла. Я рожден, чтобы бродить без компании по ночам, сиять в сезон заморозков, наблюдать за бесконечной зимой, увядать, когда лето становится королем.' Солнце становится добрее и показывает место, где находится тело героя. Мать собирает разбросанные конечности, птицы приносят целебный бальзам с небесных высот, и после гимна богине человеческой крови Лемминкайнен становится здоровым, поскольку разрозненные "фрагменты, от которых больше нет человека" были объединены заклинанием Медеи, подобно "осколкам Осириса" Исиды, или "прекрасной графини" демона-кузнеца в русском *Мэрчене*, или о карибском герое, упомянутом мистером М'Леннаном, [\[179\]](#) или о быке в южноафриканской семейной сказке.

В шестнадцатой песни мы обращаемся к Вяйнямейнену, который, как и все эпические герои, посещает место мертвых, Туонелу. Девушек, играющих роль Харона, с трудом уговаривают переправиться через мужчину, на котором нет следов смерти от огня, меча или воды. Оказавшись среди мертвых, Вяйнямейнен отказывается — будучи мудрее Психеи или Персефоны — попробовать напиток. Это 'табу' встречается в рассказах японцев, меланезийцев и краснокожих индейцев о домах мертвых. Таким образом, герой может вернуться и увидеть

звезды. Прибыв в высший мир, он предупреждает людей: "остерегайтесь извращать невинность, вводить в заблуждение чистых сердцем; те, кто совершает эти поступки, будут вечно наказаны в глубинах Туони. Есть место, уготованное злодеям, ложе из горящих камней, скал огненных, червей и змей." Эта речь проливает лишь небольшой свет на вопрос о том, насколько доктрина вознаграждений и наказаний соответствует примитивным представлениям о будущем государстве. "Калевала" в том виде, в каком она у нас есть, неизбежно, хотя и слабо, окрашена христианством; и особые пороки, которым здесь грозит наказание, - это не те, которые, скорее всего, пришли бы в голову ранним языческим исполнителям этого *руно*.

Вяйнямейнен и Ильмаринен теперь вместе отправляются в Похьолу, но непостоянная девушка страны предпочитает молодого кузнеца сампо его старшему и невозмутимому спутнику. Как северная Медея, или как Горничная из *"Сказок из Норвегии" доктора Дейсента*, или как герой алгонкинской сказки и самоанской баллады, она помогает своему возлюбленному-инопланетянину выполнять возложенные на него задачи. Он вспахивает золотым плугом гадючник, или поле змей; он обуздывает волка и медведя нижнего мира и ловит щуку, плавающую в водах забвения. После этого родители не могут отказаться от своего согласия, готовится свадебный пир, и весь мир, за исключением *седуисанта* Лемминкайнена, приглашается на пир. Теперь в повествование включаются баллады, которые поются на финской свадьбе.

Сначала зять входит в дом родителей невесты, говоря: 'Да пребудет с вами мир в этом великолепном зале'. Мать отвечает: 'Да пребудет с тобой мир даже в этой скромной хижине'. Тогда Вяйнямейнен начал петь, и ни один мужчина не был настолько вынослив, чтобы взяться за руки и состязаться с ним в песне. Далее следуют прощальные песни, в которых мать рассказывает дочери о том, что ей придется вынести в чужом доме: 'Твоя жизнь была мягкой и нежной в доме твоего отца. Молоко и масло были готовы к твоим рукам; ты была подобна полевому цветку, лесной землянике; вся забота была оставлена соснам в лесу, все стонало под ветром в лесах бесплодных земель. Но теперь ты идешь в другой дом, к чужой матери, к дверям, которые странно скрипят на петлях.' 'Мои мысли,' отвечает девушка, 'как темная осенняя ночь, как пасмурный зимний день; мое сердце печальнее осенней ночи, томительнее зимнего дня'. Затем служанку и жениха в стихотворной форме инструктируют об их обязанностях: девушка должна быть долготерпеливой, муж должен пять лет проявлять нежность, прежде чем срежет ивовую палочку для исправления своей жены. Свадебный кортеж отправляется домой, накрывается новый пир, и жениха поздравляют с храбростью, которую он, должно быть, проявил, похитив девушку из враждебного племени.

Пока все веселятся, озорной Лемминкайнен, незванный гость, отправляется в Похьолу. По пути он встречает змею, которую убивает песней "Очарования змей". В этой "мистической цепочке стихов" к змею обращаются не как к кроткой рептилии, богу южных народов, а со всей ненавистью и отвращением: "Черная ползучая тварь из низменностей, чудовище, окрашенное в цвета смерти, ты, у кого на коже пятно бесплодной почвы, убери тебя с пути героя". Убив змея, Лемминкайнен достигает Похьолы, убивает одного из его воинства и насаживает его голову на один из тысячи кольев для человеческих черепов, которые стояли вокруг храма. дом, как они могли бы окружить хижину даяка на Борнео. Затем он бежит на остров Саари, откуда его изгоняют за героическое распутство и ненависть единственной девушки, которой он *не* причинил зла. Это очень милое проявление человеческой природы.

Теперь он обдумывает новое вторжение в Похьолу. Мать Похьолы (стоит только заметить, что лидерство, принятое на себя этой женщиной, указывает на состояние общества, когда семья едва сформировалась) призывает к себе на помощь "свое дитя Мороз"; но мороз посрамлен гимном захватчика, песней против холода: "Змея была его приемной матерью, змея с ее бесплодными грудями; северный ветер качал его колыбель, и ледяной ветер пел ему песни, убаюкивая его посреди диких болот, где бьют источники ледяного ветра". начинаются воды. Любопытным примером анимизма, яркой способности олицетворять все существа и силы природы, характерной для "Калевалы", является то, что Холод говорит с Лемминкайненем человеческим голосом и ищет примирения.

В этой части эпоса есть очевидный пробел. История повествует о Куллерво, невезучем человеке, который служит пастухом у Ильмаринена. Считая, что героическая жена кузнеца плохо обошлась с ним, пастух превращает свое стадо в медведей и волков, которые пожирают свою хозяйку. Затем он возвращается в свой собственный дом, где узнает, что его сестра пропала много дней назад и считается мертвой. Путешествуя в поисках нее, он встречается девушку, влюбляется в нее и невольно совершает непростительное преступление. "Затем, - говорится в "Калевале", - взошел новый рассвет, и девушка заговорила, сказав: "Что за раса твоя, отважный юноша, и кто твой отец?" Куллерво сказал: "Я несчастный сын Калервы; но скажи мне, какой ты расы и кто твой отец?" Тогда девушка сказала: "Я несчастная дочь Калервы. Ах, если бы Бог пожелал, чтобы я умерла, тогда я могла бы расти вместе с зеленой травой и цвести вместе с цветами и никогда не знать этой печали". С этими словами она прыгнула в гущу пенящихся волн и обрела мир в Туони и покой в водах забвения.' Тогда не было слова для обозначения Куллерво, но был горький стон брата в ужасной шотландской балладе о Прекрасной лани, и не было покоя, кроме как в смерти от собственного меча, где на могиле его сестры никогда не растет трава.

Эпопея подходит к концу. Ильмаринен ищет новую жену в Похье и пытается с помощью Вяйнямейнена вернуть мистическое сампо. Во время путешествия Руной мастерит арфу из костей чудовищной рыбы, такую странную арфу, что никто, кроме него самого, не может на ней играть. Когда он играл, все четвероногие существа окружали его, и белые птицы падали вниз 'подобно снежной буре'. Девы солнца и луны приостановили свое ткачество, и золотая нить выпала из их рук. Древняя из морских вод прислушалась, и нимфы колодцев забыли расчесать свои распущенные локоны золотыми гребнями. Все мужчины, и девушки, и маленькие дети плакали среди безмолвной радости природы; более того, плакал великий арфист, и из его слез были сделаны жемчужины.

В войне с Похьолой герои одержали победу, но сампо было разбито в битве и утонуло в море, и, возможно, именно поэтому 'море соленое'. Однако фрагменты были собраны, и Лутри, разъяренный успехом героев Калевалы, послал против них медведя, разрушительного, как калидонский вепрь. Но Вяйнямейнен расправился с чудовищем, и тело было принесено домой с медвежьим танцем и гимном медведя. 'О, Отсо, - восклицают певцы, - не сердись, что мы приближаемся к тебе. Медведь, медоногий медведь, родился в землях между солнцем и луной, и умер он не от рук людей, а по своей собственной воле.' Вероятно, правы финские ученые, которые находят здесь следы поклонения зверю, которое во многих странах поместило медведя в число звезд. Умиловление медведя практикуется краснокожими индейцами, японскими айно и (в случае с "местным медведем") австралийцами. У краснокожих индейцев есть миф, доказывающий, что медведь бессмертен, не умирает, но после своей кажущейся смерти

воскресает в другом теле. Однако нет никаких свидетельств того, что финны, подобно датчанам, утверждали, что происходят от медведя. Лопари, народ со смутной верой, поклонялись ему наряду с Тором, Христом, солнцем и змеем.^[180]

Но другой культ, инопланетное вероучение, приближается к Калевале. Нет более странной части поэмы, чем заключительная песнь, в которой самым диким языком и с помощью самых преувеличенных форм дикарского воображения рассказывается история о введении христианства. Марджатта была девушкой, 'чистой, как роса, святой, как звезды, которые живут незапятнанно'. Когда она кормила свои стада и слушала пение золотой кукушки, ей на грудь упала ягода. Через много дней она родила ребенка, и люди презирали и отвергли ее, и она была выброшена, и ее младенец родился в хлеву и убаюкивался в яслях. Кто должен крестить младенца? Бог пустыни отказался, и Вяйнямейнен приказал бы убить маленького ребенка. Тогда младенец упрекнул древнего Полубога, который в гневе убежал в море, и со своей волшебной песней построил волшебную барку, сел в нее и взял в руки штурвал. Прилив унес его в море, и он возвысил голос и запел: 'Времена идут, и солнца будут восходить и заходить, и тогда люди будут нуждаться во мне, и будут ждать обещания моего прихода, чтобы я мог создать новое сампо и новую арфу, и вернуть солнечный свет, и лунный свет, и радость, которая изгнана из мира'. Затем он пересек воды и достиг пределов моря и нижних пространств неба.

Здесь странная поэма заканчивается в самый странный момент, криком, который, должно быть, произносили так часто, но слышат только здесь, о народе, неохотно покидающем богов, которых он создал по своему подобию, ради веры, которая не проистекала из его потребностей или страхов. И все же он лелеет надежду, что эта тирания прекратится: "они - боги, и вот, они умрут, и волны, наконец, накроют их".

Как доказывает "Калевала" и все реликвии фольклора, все *мерчены* и баллады, низшая мифология — элементарные верования народа — действительно сохраняется под тонким покровом христианского конформизма. На самом деле в религии, как и в обществе, существуют два мира, из которых один не знает, как живет другой. Класс, литературу которого мы унаследовали, при чьих институтах живем, чьим святыням поклоняемся, сменил, как поношенную одежду, свои нравы, своих богов, свои законы; смотрел до и после, надеялся и забывал, продвинулся от более дикого и грубого к чистейшей вере. Под прогрессивным классом и под волнами этого беспокойного мира существует порядок, примитивная форма человеческой жизни которого была гораздо менее изменчивой, класс, который облачился в простое подобие новых верований, в то же время полусознательно сохраняя остатки незапамятных культов.

Очевидно, как указал М. Фориэль в случае с современными греками, жизнь такого народа не содержит элемента прогресса, не допускает разрыва в преемственности. Армии завоевателей проходят, оставляя их все еще пожинать урожай на полях и реках; появляются религии, и тысячи людей принимают крещение, но низменные верования и страхи, которые перерос прогрессивный класс, остаются неизменными.

Таким образом, если взять пример современной Греции, то высшие боги божественной расы Ахиллеса и Агамемнона забыты, но потомки пенестов, *виллены* Фессалии, все еще боятся существ популярного вероучения, Нереид, Циклопов и Ламий.^[181]

Последний урок, который мы попытались бы извлечь из "Калевалы", таков: сравнение совершенно популярных верований всех стран, верований, которые лелеют нелитературные классы, чьи баллады и волшебные сказки были собраны совсем недавно, вероятно, выявило бы общую идентичность, скрытую за разнообразием имен, среди 'низшего народа небес', эльфов, фей, циклопов, великанов, nereid, домовых, ламий. Затем можно было бы показать, что некоторые из этих духов выживают среди низших существ мифологии того, что немцы называют культурой народа, подобного грекам или римлянам. Можно также доказать, что большая часть повествовательного элемента в классических эпосах встречается в популярной или детской форме в примитивных сказках. Тогда возникает вопрос: были ли высшие мифологии созданы поэтами-художниками из материалов расы, которая оставалась сравнительно нетронутой культурой; или же низшие духи и более простые и ребяческие формы мифов являются деградацией изобретений культурного класса? В большинстве случаев первая теория верна.

СНОСКИ:

[172] Талви, *Характеристика народного вождя*, стр. 3.

[173] Фориэль, *Песнопения современной Греции*.

[174] Таким образом, Шотландия, собственно говоря, почти не создавала баллад после Реформации. Церковь запретила танцы, под движения которых пели балладу в Шотландии, а также в Греции, Провансе и Франции.

[175] L. Preller's *Ausgewählte Aufsätze*. Греческие представления о происхождении человека. Любопытно, что миф о золотой, серебряной и медной расе встречается в Южной Америке. См. *Заметки Брассера де Бурбура о Пополь Вух*.

[176] Смотрите очерк *ранней истории семьи*.

[177] Эта постоянная борьба может быть представлена, и, конечно, одной школой сравнительных мифологов будет представлена, как борьба между светом и тьмой, солнечными лучами и ночными облаками и т. Д. М. Кастрен хорошо указал, что борьба действительно имеет историческое значение. Даже если миф элементарен, его создатели должны были находиться на экзогамной стадии развития общества.

[178] Сампо может происходить от тибетского слова, означающего "источник добра", или, возможно, оно связано со шведской *маркой*, ручной мельницей. Талисман сделан из всех причудливых безделушек, которыми дорожат фетишисты, - лебяжьих перьев, пучков шерсти и так далее.

[179] *Двухнедельное обозрение*, 1869: "Поклонение растениям и животным".

[180] Мистер М'Леннан в "*Двухнедельном обзоре*", февраль 1870г.

[181] М. Шмидт, "*Фольксleben дер Нойгрихен*", находит сравнительно мало следов поклонения Зевсу, и они в основном в выражениях, вошедших в поговорку.

ЖЕЗЛ ДЛЯ ПРЕДСКАЗАНИЯ.

В периодическом возрождении суеверий есть нечто примечательное и отнюдь не лестное для человеческой проницательности. Дома, например, по-прежнему "населены привидениями" в сельской местности, и ни один образованный человек не замечает этого обстоятельства. Затем происходит случай, подобный случаю с Барабанщиком из Тедворта или Призраком с Кок-Лейн, и общество глубоко взволновано, философы вступают в полемику, а тот, кто роется в пыльных трактатах прошлого, обнаруживает мир ускользающей литературы о забытых тележках. Стулья передвигаются, не тронутые человеческими руками, а столы разгуливают по уединенным замкам Савойи, и никто не оставляет на них следов, пока не наступает день, когда мебель в каком-нибудь американском коттедже подвергается такому же воздействию, и тогда на этом явлении основана новая дрянная религия. Последнее возрождение старых верований - это вера в жезл прорицания. "Наши либеральные пастухи дают ему более name,' and so do our conservative peasants, calling the 'rod of Jacob' the 'twig.' To 'work the twig' is rural English for the craft of Dousterswivel in the *Antiquary*", и, возможно, отсюда происходит наше жаргонное выражение 'twig', или божественный, скрытое значение другого. Недавние публикации в газетах доказали, что, какой бы ни была правда о "веточке", вера в ее силу все еще очень распространена. Респектабельные люди не стыдятся подписывать свидетельства о его чудесной способности обнаруживать источники воды и секретные мины. Им обычно пользуются рудокопы в Мендипсе, как обнаружил мистер Вудворд десять лет назад; а раздвоенные палочки для гадания из орешника из Мендипса являются признанной частью этнологических коллекций. Есть два способа исследовать факты или фантазии о жезле. Первый — изучить его в действии - задача, требующая значительного труда, которая, несомненно, будет предпринята Обществом психических исследований; другой, и более простой, способ - изучить появление волшебной палочки в истории, и это то, что мы предлагаем сделать в этой статье.

Когда суеверие или вера широко распространены в Европе, как, безусловно, вера в жезл прорицания (в Германии жезлы прячут под одеждой младенцев при крещении), мы, естественно, ожидаем найти их следы в древние времена и среди дикарей по всему современному миру. Мы уже рассматривали в 'Быке-ревуне' очень похожий пример. Мы увидели, что существует волшебный инструмент — маленький кусочек тонкого плоского дерева в форме рыбки, привязанный к ремешку, - который при вращении в воздухе издает странный звук, смесь рева и жужжания. Этот инструмент является священным у аборигенов Австралии, где он используется для созыва мужчин и отпугивания женщин от религиозных мистерий мужчин. Тот же инструмент используется для аналогичных целей в Нью—Мексико, Южной Африке и Новой Зеландии - частях света, очень удаленных друг от друга и населенных очень разнообразными расами. Недавно также было обнаружено, что греки использовали эту игрушку, которую они называли *φοιβος*, в Мистериях Диониса, и, возможно, она может быть идентична *мистике ваннуса Якки* (Вергилий, *Георгики*, i. 166). Этнолог пришел к выводу, что этот предмет, который австралийцы называют *turnدون*, является очень ранним изобретением дикарей, вероятно, обнаруженным и применявшимся в религиозных целях в различных отдельных центрах и сохранившимся с эпохи дикости в мистических обрядах греков и, возможно, римлян. Ну, а находим ли мы что-нибудь аналогичное в случае с жезлом для предсказания?

Будущие исследования могут расширить наши знания, но в настоящее время о жезле предсказания в классические эпохи известно мало или вообще ничего, и не очень много (хотя

это немного важно) среди нецивилизованных рас. Это правда, что во всех странах жезлы или жезлицы, от латинского *virga*, обладают магической силой. Вергилий приобрел в средневековье репутацию волшебника, потому что его имя было ошибочно связано с *virgula*, волшебной палочкой. Но на самом деле мы не знаем, использовался ли древний жезл чародейки Цирцеи у Гомера или жезл Гермеса, подобно жезлу прорицателя, для указания местонахождения спрятанных богатств или воды. В гомеровском "Гимне Гермесу" (строка 529) Аполлон так описывает *кадуцей*, или жезл Гермеса: 'После этого я дам тебе прекрасный жезл богатства, золотой жезл с тремя листьями, который навсегда сохранит тебя невредимым'. В более поздних произведениях искусства этот жезл, или *кадуцей*, обычно обвит змеями; но, по крайней мере, на одной вазе жезл Гермеса - это просто раздвоенный прутик наших деревенских рудокопов и водолазов. Такая же форма встречается на гравированном этруском зеркале.^[182]

Итак, использовалась ли палочка такой формы в классические времена для обнаружения спрятанных ценных предметов? Несомненно, что жезлы использовались скифами и германцами при различных способах бросания жребия, но это не то же самое, что работа прутиком. Цицерон говорит о легендарном жезле, с помощью которого можно добыть богатство; но он ничего не говорит о способе его использования и, возможно, имел в виду только жезл Гермеса, описанный в уже цитированном гомеровском гимне. Была римская *сатура* Варрона под названием '*Virgula Divina*'; сохранились фрагменты, но они не проливают света на этот предмет. Отрывок, обычно цитируемый из Сенеки, имеет к жезлу для предсказания не больше отношения, чем к телефону. Плиний - писатель, чрезвычайно любящий чудеса; однако, когда он описывает различные способы нахождения источников воды, он ничего не говорит о волшебном жезле. Отдельные тексты из Священного Писания, на которые обычно ссылаются, ясно указывают на жезлы другого рода, если не считать отрывка из книги Осии iv. 12, использованного в качестве девиза автором книги "*Письма о развитии философской иллюзии в багете*" (1696). Этот текст переведен в нашей Библии так: "Народ Мой спрашивает совета у своих стад, и посох их возвещает им". Так вот, у нас здесь нет упоминания о поиске колодцев и минералов, но о форме гадания, для которой современная веточка перестала применяться. В сельской Англии люди пользуются жезлом, чтобы найти воду, но не для того, чтобы давать советы или обнаруживать воров или убийц; но, как мы увидим, жезл очень часто использовался для этих целей в течение последних трех столетий.

Это подводит нас к моральной силе прутика; и здесь мы находим некоторую помощь в нашем исследовании в практиках нецивилизованных рас. В 1719 году Джон Белл путешествовал по Азии; он встретился с русским купцом, который рассказал ему об обычае, распространенном среди монголов. Русский потерял несколько кусков ткани, которые были украдены из его палатки. Лама Кутучту приказал предпринять надлежащие шаги, чтобы найти вора. Один из лам взял скамейку с четырьмя ножками и, повернув ее в нескольких направлениях, наконец указал прямо на палатку, где были спрятаны украденные вещи. Теперь лама взобрался на скамью и вскоре отнес ее, или, как принято было считать, она отнесла его к тому самому шатру, где он приказал изготовить дамаст. Требование было немедленно выполнено, ибо в таких случаях бесполезно искать какие-либо оправдания.^[183] Здесь мы имеем дело не с волшебной палочкой, а с деревянным предметом, повернутым в направлении не воды или минералов, а человеческой вины. Лучший пример приводит преподобный Х. Роули в своем рассказе о могандже.^[184] Вор украл немного кукурузы. Знахарь, или колдун, достал две палочки, которые он раздал четверем молодым людям, по двое державшим каждую палочку. Знахарь танцевал и пел магическое заклинание, в то время как хвостом зебры и погремушкой трясли над

держателями палочек. 'Через некоторое время у людей с палками начались спазматические подергивания рук и ног; они усилились почти до конвульсий.... Согласно представлениям туземцев, именно палками владели в первую очередь, а через них и людьми, которые с трудом могли их держать. Палки крутились и тащили людей круг за кругом, как сумасшедших, через кустарник и колючие заросли, через все препятствия; ничто не останавливало их; их тела были разорваны и кровоточили. Наконец они вернулись к собранию, снова развернулись и помчались вниз по тропинке, чтобы упасть, запыхавшиеся и измученные, в хижину одной из жен вождя. Палки, валявшиеся у самых ее ног, изобличали ее как воровку. Она отрицала это; но знахарь ответил: "Дух объявил ее виновной; дух никогда не лжет". "Женщина, однако, была оправдана после судебного разбирательства по доверенности с помощью испытания: петух, которого она использовала в качестве доверенного лица, выбросил муави, или яд для испытания.

Здесь следует отметить, во-первых, сильное движение палок, которые мужчины едва могли держать; во-вторых, физическое возбуждение мужчин. Первый пункт иллюстрируется признанием инженера-строителя, опубликованным в *Times*. Этот джентльмен видел, как удочка успешно использовалась для ловли воды; его попросили попробовать это на себе, и он решил, что она не должна крутиться в его руках, 'если у него под ногами будет океан'. Однако, несмотря на все его усилия удержать ее, она закрутилась, когда он наткнулся на скрытую пружину. Другой пример приводится в *Ежеквартальном обзоре*, том. ххii. стр. 374. Рассказчик, которому редактор 'полностью доверял', упоминает, как, когда дама держала веточку прямо над скрытым колодцем, 'веточка повернулась так быстро, что хрустнула и сломалась у нее под пальцами'. Кажется, не будет нескромностью сказать, поскольку это утверждение часто печаталось ранее, что леди, о которой говорится в *Quarterly Review*, была леди Милбанкен, матерью жены Байрона. Доктор Хаттон, геолог, цитируется как свидетель ее успеха в поисках воды с помощью жезла для гадания. Он говорит, что в эксперименте в Вулвиче "веточки сами собой откручивались под ее пальцами, которые были значительно порезаны из-за того, что она с такой силой держала прутья между собой".^[185] Далее, бурное возбуждение четырех молодых людей из "Моганджи" перекликается с физическим опытом женщины, о котором говорится в *Ежеквартальном обзоре*. "Некоторая степень волнения была видна на ее лице, когда она впервые проводила эксперимент; она говорит, что это волнение было велико", когда она начала практиковать это искусство, или как бы мы его ни называли. Опять же, в *"Письмах о декультурации иллюзии"* (стр. 93) мы читаем, что Жак Эймар (который обнаружил лионского убийцу в 1692 году) *отправил за собой*— чувствует сильное волнение, — когда наталкивается на то, что ищет. На странице 97 того же тома тело человека, держащего жезл для предсказания, описано как 'сильно возбужденное'. Когда Эймар вошел в комнату, где было совершено убийство, которое будет описано позже, "его пульс участился, как будто он был в жгучей лихорадке, а палочка быстро вращалась в его руках" (*Письма*, стр. 107). Но наиболее необычную параллель с действиями африканского волшебника следует привести из любопытной брошюры, на которую уже ссылались, - перевода старофранцузского *Верджа де Жакоба*, написанного, аннотированного и опубликованного неким мистером Томасом Уэлтоном. Мистер Уэлтон, по-видимому, верил в месмеризм, животный магнетизм и подобные доктрины, но совпадение его истории с историей африканского колдуна не менее примечательно. Это совпадение, которое почти наверняка должно быть 'непреднамеренным'. Жена мистера Уэлтона была тем, кого современные оккультные философы называют 'Сенситивом'. В 1851 году он пожелал, чтобы она провела эксперимент с розгой в саду, и послал служанку принести 'определенную палку, которая стояла

за дверью гостиной. В великом ужасе она принесла его в сад, ее рука крепко сжимала палку, и она не могла ее отпустить.... 'Палку отдали миссис Уэлтон', и она с очень большой силой потащила ее почти в центр сада, к клумбе с маками, где она остановилась'. Здесь была найдена вода, и садовник, который отказался от аренды, поскольку в саду не было колодца, продлил ее.

Мы начали с того, что привели доказательства (и можно было бы привести гораздо больше) того, что вера в жезл для предсказания или аналогичные инструменты присуща не только европейским расам. Суеверие, или как бы мы его ни называли, вызывает те же эффекты физического возбуждения, и использование розги сопровождается аналогичными явлениями у монголов, англичан, французов и туземцев Центральной Африки. Одни и те же совпадения обнаруживаются почти во всех суеверных практиках и в воздействии этих практик на верующих. Китайцы используют форму *планшетки*, представляющей собой половинку жезла для гадания — ветки персикового дерева; а "спиритизм" составляет более трех четвертей религии большинства диких племен, и *спиритический сеанс* маори производит большее впечатление, чем все, что цивилизованный Отстой может предложить своим доверчивым покровителям. Из этих фактов разные люди делают разные выводы. Верующие говорят, что широкое распространение их любимых мистерий является доказательством того, что "в них что-то есть". Недоверчивый взгляд на наши современные "веточки", поворотные столы и истории о привидениях как на простые "пережитки" стадии дикой культуры или бескультурия, когда фантазия полуголодного человека была активной, а его разум не критичным.

Большим авторитетом в современной истории жезла для гадания является работа, опубликованная М. Шевреем в Париже в 1854 году. М. Шеврель, вероятно, справедливо, рассматривал жезл наравне с поворотными столами, которые в 1854 году привлекли большое внимание. Он изучал эту тему исторически, и его книга с несколькими доступными французскими трактатами и письмами семнадцатого века должна стать здесь нашим путеводителем. Следует сказать, что значительная часть знаний М. Шеврея воспроизведена в книге м-ра Бэринга Гулда "*Любопытные мифы средневековья*", но французский автор гораздо более исчерпывающе трактует тему. М. Шеврею не удалось найти более ранней книги о прутике, чем "*Завещание брата Базиля Валентина*", святого человека, который процветал (прутик) около 1413 года; но чей трактат, возможно, является апокрифическим. По словам Бэзиля Валентина, невежественные рабочие относились к этой веточке с благоговением, и это верно до сих пор. Парацельс, хотя и имел репутацию человека с магической отвагой, считал использование прутика "неопределенным и незаконным"; а Агрикола в своем "*Исследовании металла*" (1546) выражает изрядную долю скептицизма по поводу использования прута в горном деле. Путешественник 1554 года обнаружил, что жезлом не пользовались — и это, похоже, удивило его — в шахтах Македонии. Большинство писателей шестнадцатого века объясняли поворот стержня "симпатией", которая тогда была таким же излюбленным объяснением всего, как эволюция сегодня. В 1630 году барон де Бо Солей из Богемии (его имя звучит довольно богемно) приехал во Францию со своей женой и широко использовал удочку в поисках воды и минералов. Баронесса написала небольшую книгу на эту тему, впоследствии переизданную в большом хранилище этих знаний, *La Physique Occulte*, в Валлемоне. Кирхер, иезуит, проводил эксперименты, которые ни к чему не привели; но Гаспар Шотт, ученый писатель, осторожно отказался сказать, что дьявол всегда был "за всем этим", когда стержень успешно поворачивался. Проблема розги была поставлена Бойлем перед нашим Королевским обществом в 1666 году, но здесь Общество добилось не большего успеха, чем в решении философской проблемы, предложенной Карлом II. В 1679 году Де Сен-Ромен, отказавшись от

старой гипотезы о тайных "симпатиях", объяснил движение стержня (предположив, что он движется) действием *корпускул*. С этого времени этот вопрос стал игровой площадкой картезианцев и других философов. Борьба шла между теориями "атомов", магнетизма, 'корпускул', электрических выбросов и так далее, с одной стороны, и непосредственного действия дьяволов или сознательного обмана - с другой. Спор, сравнительно простой до тех пор, пока жезл указывал только на скрытую воду или минералы, осложнился возрождением дикой веры в то, что жезл может 'вынюхивать' моральные нарушения. Пока веточка переворачивала материальные объекты, вы могли в свое удовольствие представлять симпатии и "излияния". Но когда волшебная палочка вращалась над местом убийства или тащила эксперта по следам преступника, требовались новые объяснения. Лебрэн написал Мальбраншу 8 июля 1689 года, чтобы сообщить ему, что волшебная палочка раскрывает только то, что владелец имел *намерение* обнаружить.^[186] Если бы он преследовал убийцу, палочка добродушно отказалась бы отвлекать его, переворачивая скрытую воду. С другой стороны, Валлемонт говорит, что когда крестьянин использовал палочку, чтобы найти воду, она перевернулась над местом в лесу, где была похоронена убитая женщина, и привела крестьянина к дому убийцы. Эти события кажутся несовместимыми с теорией Лебрэна о *намерении*. Мальбранш, по сути, ответил, что он только слышал о вращении палочки над водой и минералами; что затем она поворачивается (если вообще поворачивается) под действием какой-то такой силы, как электричество; что, если бы такая сила существовала, палочка вращалась бы над открытой водой. Но он так не вращается; и, поскольку физические причины постоянны, из этого следует, что вращение стержня не может быть результатом физической причины. Единственное другое объяснение - разумная причина - либо воля самозванца, либо действие духа. Добрые духи не стали бы вмешиваться в такие дела; следовательно, либо дьявол, либо самозванец вызывает движение жезла, если он *вообще* движется. Эта логика Мальбранша не нравится верующим в прутик; но споры продолжались до тех пор, пока в 1692 году Жак Эймар, крестьянин из Дофине, с помощью прутика не обнаружил одного из лионских убийц.

Хотя история этого необычного события довольно хорошо известна, здесь необходимо вкратце ее повторить. Ни одно дело не может быть достовернее, и наша версия взята из "Отношений" "господина королевского прокурора, господина аббата де ла Гард, господина Панто, лионского врача и месье Обера, адвоката Селебра".

5 июля 1692 года винодел и его жена были найдены мертвыми в подвале своей лавки в Лионе. Они были убиты ударами садового ножа, а их деньги украдены. Виновных обнаружить не удалось, и сосед взялся за него, чтобы привезти в Лион крестьянина из Дофине по имени Жак Аймар, человека, известного своим мастерством обращения с жезлом для предсказаний. Лейтенант-криминалист и королевский прокурор отвели Эмара в подвал, снабдив его удочкой из первого попавшегося дерева. По словам королевского прокурора, жезл не двигался до тех пор, пока Эмар не добрался до того самого места, где было совершено преступление. Затем его пульс участился, и жезл быстро закрутился. 'Ведомый волшебной палочкой или каким-то внутренним ощущением', Аймар теперь шел по следу убийц, вошел во двор архиепископского дворца, покинул город по мосту через Рону и пошел по правому берегу реки. Он добрался до дома садовника, в который, по его словам, вошли мужчины, и несколько детей признались, что трое мужчин (*которых они описали*) зашли в дом однажды воскресным утром. Аймар пошел по следу вверх по реке, указал все места, где высадились люди, и, короче говоря, наконец остановился у дверей тюрьмы Бокер. Его пустили, он посмотрел на заключенных и выбрал в

качестве убийцы маленького горбуна (дети описали горбуна?), которого только что задержали за мелкую кражу. Горбуна отвезли в Лион, и по дороге его узнавали люди на всех остановках. В Лионе его допросили обычным образом, и он признался, что был соучастником преступления и охранял дверь. Аймар преследовал других преступников до побережья, последовал за ними по морю, высадившись там, где они высадились, и прекратил свои поиски только тогда, когда они пересекли границу. Что касается горбуна, то он был переломан на колесовании, будучи осужденным по его собственному признанию. Не похоже, что его подвергали пыткам, чтобы заставить признаться. Если бы это было сделано, его признания, конечно, были бы такими же бесполезными, как признания жертв на процессах по обвинению в колдовстве.

Такова вкратце история знаменитых лионских убийств. Следует добавить, что в Париже с Аймаром было проведено множество экспериментов, и все они оказались неудачными. Он попадался во все расставленные для него ловушки; выявлял невиновных воров, не находил виновных и изобретал абсурдные оправдания; утверждая, например, что розга не укажет на убийцу, который сознался или который был пьян, когда совершил свое преступление. Эти оправдания, кажется, опровергают дикую современную теорию Шовена и других, что тело убийцы естественным образом выделяет невидимую *материю мертриер*- особые неразрушимые атомы, которые может обнаружить эксперт с помощью жезла. Мы полагаем, что нечто похожее на ту же теорию использовалось для объяснения мнимых феноменов домов с привидениями. Но самая дикая философская доверчивость поколеблена *matière meurtrière*, которая высвобождается из тела трезвого, но не пьяного убийцы, которая переживает бури в воздухе и держится много лет, но рассеивается в тот момент, когда убийца признается. Верующие в Аймара предполагали, что его подлинная власть была подорвана волнениями в Париже и что он прибегнул к самозванству; но это попытка слишком легкого добродушия. Когда Валлемонт защищал Аймара (1693) в книге под названием "*Окультная физиология*", он заявил, что *матьер Мертриер* оказал на Аймара неприятное физическое воздействие, но не был так взволнован, когда использовал жезл для обнаружения минералов. Мы видели, что, если верить современным свидетельствам, владельцы удочки иногда бывают сильно взволнованы, даже когда они всего лишь ищут колодцы. История вызвала длительные споры, и дело остается судебной загадкой, мало проясненной признанием горбуна, который, возможно, был невменяем, или болезненным, или изводился постоянными допросами до тех пор, пока не устал от своей жизни. Ему было всего девятнадцать лет.

Следующее использование удилища было очень похоже на использование 'опрокидывающих' и переворачивающих столов. Эксперты держали ее (как это делал Ле Пер Менестриер в 1694 году), задавали вопросы, и палочка отвечала, поворачиваясь в разных направлениях. Чтобы показать непоследовательность всех теорий волшебной палочки, можно сказать, что одна девушка обнаружила, что она выдает скрытое золото, если подержать его в руке, в то время как другая обнаружила, что оно указывает на металл, если она не носила золото с собой в поисках. В поисках воды священнослужители особенно любили пользоваться жезлом. Маршал де Буффлеры вырыли много колодцев и не нашли воды, судя по жезлу, который был в руках священника де Доренака близ Гиза. В 1700 году кюре недалеко от Тулузы использовал палочку для ответов на вопросы, на которые, как и на *планшетку*, он часто отвечал неправильно. Великим *искателем* воды в восемнадцатом веке был некто Блетон. Он заявил, что жезл - это всего лишь указатель, и что физические ощущения ищущего передаются жезлу. Это противоположность африканской теории, согласно которой палка вдохновляет, в то время как мужчины, которые ее держат, находятся под влиянием только палки. В целом идея Блетона

кажется менее абсурдной, но сам Блетон часто терпел неудачу, когда за ним с научной тщательностью наблюдали недоверчивые люди. Парамелл, который писал о методах обнаружения колодцев в 1856 году, пришел к выводу, что волшебная палочка поворачивается в руках определенных людей с особым темпераментом и что наличие или отсутствие колодцев в тех местах, где она поворачивается, во многом зависит от случая.

В целом, доказательства поворота волшебной палочки немного лучше, чем доказательства волшебного поворота столов. Если феноменов такого рода вообще не существует, то замечательно, что вера в них так широко распространена. Но если явления чисто субъективны, обусловлены сознательными или бессознательными действиями нервных пациентов, тогда они именно того рода, которые наблюдает хитрый знахарь и извлекает из этого свою выгоду даже на самых ранних стадиях развития общества. Однажды внедренные, эти практики никогда не умирают среди консервативного и непрогрессивного класса крестьян; и время от времени они привлекают любопытство философов или завоевывают веру легковверных представителей образованных классов. Затем, как мы недавно видели, происходит возрождение древнего суеверия. Ибо сорвать комету с неба за хвост было бы так же легко, как искоренить суеверия из ума человека.

Пожалуй, одно доброе слово можно сказать в адрес жезла-предсказателя. Учитывая шансы, которыми он пользовался, жезл причинил меньше вреда, чем можно было ожидать. Вполне возможно, что в Европе, как и в Азии и Африке, это стало своего рода испытанием или методом поиска и предания суду злоумышленников. Такие люди, как Жак Эймар, могли бы сыграть в большем масштабе роль Хопкинса, искателя ведьм. Несколько молодых людей действительно наняли Аймара, чтобы он с помощью волшебной палочки указывал на дома дам, которые были скорее хрупкими, чем верующими. Но в конце семнадцатого века во Франции это исследование не было воспринято благосклонно и внесло последний штрих в замешательство Аймара. Насколько нам известно, лионский горбун был единственной жертвой "прутика", которая когда-либо страдала в цивилизованном обществе. Это правда, что в сельской Англии считалось, что движения Библии, подвешенной подобно маятнику, указывают на виновных. Но даже эти доказательства недостаточно веские, чтобы их можно было передать присяжным.

СНОСКИ:

[182] Preller, *Ausgewählte Aufsätze*, p. 154.

[183] Тайлор, *Прим. Культ.*, ii. 156. Пинкертон, vii. 357.

[184] *Миссия университетов в Центральную Африку*, стр. 217. *Прим. Культ.*, ii. 156, 157.

[185] Цитируется в "*Жезле Иакова*": Лондон, Нью-Йорк, перевод "*Грани Иакова*", Лион, 1693.

[186] "*Багетные письма*", стр. 106-112.

МИФОЛОГИЯ ГОТТЕНТОТОВ.

‘Мифологией в истинном смысле этого слова делает мифологию то, что совершенно непонятно, абсурдно, странно или чудесно’. Так пишет мистер Макс Мюллер в январском номере "Деятнадцатого века" за 1882 год. Внимание людей никогда не привлекло бы постоянное изучение и расспросы о мифологии, если бы она была понятной и достойной, и если бы ее изложение соответствовало разуму цивилизованных и окультуренных рас. Мифологи хотят выяснить происхождение бесчисленных отвратительных, удивительных и неуместных легенд, которые встречаются в мифах всех известных народов. По словам г-на Мюллера -

Возможны только две системы, в которых иррациональный элемент мифологии может быть объяснен. Одна школа принимает иррациональное как факт; и если бы мы прочитали, что Дафна сбежала с Феба и превратилась в лавровое дерево, эта школа сказала бы, что, вероятно, была молодая леди по имени Аврора, как, например, Аврора Кенигсмарк; что молодой человек по имени Робин или, возможно, мужчина с рыжими волосами преследовал ее, и что она спряталась за лавровым деревом, которое случайно там оказалось. Это была теория Эухемероса, восстановленная знаменитым аббатом Бернье (мистер Мюллер, несомненно, имеет в виду Банье) и не совсем исчезнувшая даже сейчас. Согласно другой школе, иррациональный элемент в мифологии неизбежен и обусловлен влиянием языка на мышление, так что многие легенды о богах и героях могут стать понятными, если только мы сможем раскрыть первоначальное значение их собственных имен. Последователи этой школы пытаются показать, что Дафна, лавровое дерево, было древним названием зари, и что Фобос был одним из многих имен солнца, которое преследовало зарю, пока она не исчезла под его лучами. Из этих двух школ первая всегда апеллировала к мифологии диких народов, доказывая, что боги и герои изначально были людьми, которым поклонялись после их смерти как предкам и как богам, в то время как вторая ограничивалась главным образом этимологическим анализом мифологических имен в греческом, латыни и санскрите, а также в других языках, которые были достаточно изучены, чтобы допускать научную, грамматическую и этимологическую трактовку.

Это длинный текст для наших замечаний о мифологии готтентотов; но необходимо доказать, что существуют не только две школы мифологов: что есть исследователи, которые не следуют ни путем аббата Банье, ни филологов, но третьим путем, неизвестным или игнорируемым г-ном Мюллером. Мы, конечно, совершенно не знали, что Банье и Эухемерос были особенно заинтересованы, как считает мистер Мюллер, мифологией дикарей; но именно с помощью мифов дикарей неизвестная мистеру Мюллеру школа исследует мифы цивилизованных людей, таких как греки. Ученики г-на Мюллера интерпретируют все нелепости греческого мифа, богов, которые иногда становятся зверями, звезды, которые были людьми, людей, которые становятся змеями или оленями, божеств, которые являются каннибалами, отцеубийцами и прелюбодеяниями, как результат влияния арийской речи на арийскую мысль. Люди, по мнению г-на Мюллера, изначально имели чистые представления о богах и выражали их языком, который мы должны были бы назвать образным. Фигуры остались, когда их значение было утрачено; тогда предполагалось, что имена были богами, *potina* стала *нуминой*, и из последовавшей за этим неразберихи в мышлении развилась вера в богов-каннибалов, звероподобных, прелюбодейных и кровосмесительных. Такова гипотеза мистера Мюллера; у него эволюция, вызванная болезнью языка, шла от ранней сравнительной чистоты к более поздним религиозным мерзостям. Ему противостоит то, что можно назвать школой мистера Герберта Спенсера: современный эвгемеризм, который признает элемент исторической правды в мифах, как если

бы персонажи были реальными персонажами, и который в большинстве богов видит призраков предков, вознесенных к высшей силе.

Остается третья система интерпретации мифов, хотя г-н Мюллер говорит, что возможны только два метода. Метод в этом третьем случае состоит в том, чтобы увидеть, встречаются ли иррациональные черты и элементы цивилизованного греческого мифа также в мифах дикарей, говорящих на языках, совершенно непохожих на те, из болезней которых г-н Мюллер выводит разложение религии. Если те же черты повторяются, согласуются ли они в такой же степени с ментальными привычками дикарей, таких как бушмены и готтентоты, в какой они расходятся с ментальными привычками цивилизованных греков? Если на этот вопрос можно ответить утвердительно, то можно предварительно предположить, что иррациональные элементы дикарского мифа являются наследием дикарского образа мышления и сохранились в религии Греции с тех времен, когда предки греков были дикарями. Но исследователи, использующие этот метод, ни в малейшей степени не верят, что греческие или дикарские боги были, по большей части, изначально реальными людьми. И греки, и дикари поклонялись призракам умерших. И греки, и дикари приписывают своим богам чудесную силу перевоплощения и магии, которую дикари также приписывают своим заклинателям или шаманам. Мантия (если у него была мантия) знахаря упала на бога; но Зевс, или Индра, когда-то не был настоящим знахарем. В представлении об Индре, или Зевсе, как о боге, фигурирующем в санскритской или греческой литературе более раннего или более позднего времени, сочетается ряд факторов. В нашей школе нет ничего более абсурдного, чем то, что Дафна была реальной девушкой, за которой ухаживал молодой человек. Но было замечено, что среди большинства диких рас метаморфозы, подобные превращению Дафны, существуют не только в мифологии, но и, как полагают, очень часто происходят в реальной жизни. Предполагается, что мужчины и женщины способны превращаться в растения (как бамбук в Сараваке), в животных, камни и звезды, и эти метаморфозы происходят в соответствии с современными событиями — например, на Самоа.^[187]

Когда мистер Лейн жил в Каире и переводил *"Тысячи и одной ночи"*, он обнаружил, что люди все еще верят в метаморфозы. В любой день, как в *"Арабских сказках"*, человек может оказаться превращенным чародеем в свинью или лошадь. Подобные верования, не заимствованные из языка, служат основой для бессмысленных происшествий в греческих мифах.

Мифология дикарей также полна метаморфоз. Поэтому мифологи, чей случай мы приводим, когда они находят идентичные метаморфозы в классических мифологиях, предполагают, что они были впервые изобретены, когда предки ариев находились в том состоянии воображения, в котором сегодня находятся десятки примитивных рас. Это объяснение они применяют ко многим другим иррациональным элементам мифологии. В них не говорится ни "Что-то подобное событиям, описанным в этих историях, когда-то происходило", ни "Языковая болезнь вызвала веру в такие события", но "Эти истории были придуманы, когда люди были способны поверить в их возникновение как в обычное происшествие".

Филологи пытаются объяснить эти метаморфозы результатом некоторого забвения и путаницы в языке. Говорят, Аполлона называли "богом-волком" (Лукейос) случайно: его имя на самом деле означало 'бог света'. Подобная путаница превратила "семь сияющих" в 'семь медведей'. Этим объяснениям не доверяют, отчасти потому, что область, которую они должны охватывать, настолько обширна. Вряд ли здесь есть звезда, дерево или зверь, но когда-то это был мужчина

или женщина, если верить цивилизованным и дикарским мифам. Два или три возможных примера мифов, возникающих из-за забвения значения слов, даже если они допущены, не объясняют неисчислимо множество метаморфоз. Мы объясняем это тем, что для дикого ума, который не проводит четкой границы между человеком и природой, все подобные вещи возможны; по крайней мере, настолько, чтобы их можно было использовать как эпизоды в истории. Опять же, как было показано в другом месте, неточность филологических рассуждений часто бывает совершенно экстраординарной; в то время как, наконец, филологи с самой высокой репутацией категорически противоречат друг другу по поводу значения имен и корней, на которых они сходятся в обосновании своей теории.^[188]

В качестве примера филологического метода, применяемого к мифологии дикарей, мы выбираем книгу доктора Хана, во многих отношениях достойную восхищения, - *"Цуни Гоам, Верховное существо кой-кой"*.^[189] К этой книге иногда обращаются как к сокрушительному аргументу против мифологов, которые используют метод, который мы только что объяснили. Давайте посмотрим, будет ли удар таким сокрушительным. Короче говоря, готтентотов обычно описывали как расу, поклонявшуюся мертвому вождю или колдуну — его зовут Цуй Гоаб, что означает "Раненое колено", что вполне вероятно для дикаря. Доктор Хан, с другой стороны, пытается показать, что первоначально готтентоты поклонялись не мертвому вождю, а (как символу Бесконечности) Красной Заре. Значение названия "Красный рассвет", по его словам, было утрачено; ошибочно предполагалось, что слова, означавшие "Красный рассвет", означают "Раненое колено", и так возникли поклонение и мифы о мертвом вожде или волшебнике Цуй Гоабе, "Раненом колене". Очевидно, что если это можно доказать, то это прекрасный пример для филологической школы, замечательный пример мифа, порожденного забвением значения слов. Наше собственное мнение таково, что, даже если Цуй Гоаб первоначально означал "Красный рассвет", существо, как его теперь представляют себе его почитатели, облачено в одежду мертвого шамана, и ему поклоняются так же, как поклоняются призракам мертвых. Таким образом, каким бы ни было его происхождение, его миф свободно окрашен дикой фантазией и дикарскими идеями, и мы не требуем ничего, кроме этой окраски, для объяснения самых диких греческих мифов. Мы не претендуем на то, чтобы знать, что такое действительно "примитивная" религия. Мы только скажем, что, независимо от того, возникла ли греческая религия из чистого источника или нет, ее ручей протекал сквозь почву дикой мысли и был окрашен ею, прежде чем она открылась нашему взору в исторические времена. Но будет показано, что логика, связывающая Цуй Гоаба с "Красным рассветом", на самом деле далека от убедительности.

Сами готтентоты считают Цуй Гоаба мертвецом, и признается, что среди готтентотов мертвецов обожают. "Пирамиды из камней по-прежнему являются объектами поклонения",^[190] а Цуй Гоаб находится под несколькими пирамидами из камней. Опять же, верят в прорицателей (стр. 24), и Цуй Гоаб считается умершим прорицателем. Еще в 1655 году свидетель, которого цитирует Хан, видел женщин, поклоняющихся у одной из пирамид Хейтси Эйбиба, еще одному предполагаемому существу-предку. Колб, старый голландский путешественник, обнаружил, что готтентоты, как и бушмены, почитали насекомое-богомол. Это существо они называли Гаунаб. У них также было несколько лунных мифов, они практиковали поклонение луне и танцевали на рассвете. Тунберг (1792) видел культ пирамиды и, спросив о его значении, получил ответ, что там похоронен готтентот.^[191] Тунберг также слышал о поклонении богомолу, или серому кузнечiku. В 1803 году Лихтенштейн обратил внимание на поклонение пирамиде, и ему сказали,

что под пирамидой покоился известный готтентотский врач старых времен. Отчет Эпплярда об "имени Бога в кой—кой, или готтентотском языке" заслуживает полного цитирования: -

Готтентот: Цоэйкоап.

Название: Цой'коап.

Коранна: Тсу'коаб, и автор добавляет: "Это слово, от которого кафиры, вероятно, получили свое и-Тихо, термин, который они повсеместно применяли, подобно готтентотам, для обозначения Божественного Существа с момента введения христианства. Любопытно его происхождение. Оно состоит из двух слов, которые вместе означают "раненое колено". Говорят, что первоначально он был применен к врачу или колдуну, пользовавшемуся значительной известностью и мастерством среди готтентотов или намакуа несколько поколений назад, вследствие того, что он получил какую-то травму колена. Поскольку при жизни он пользовался высокой репутацией за экстраординарные способности, к нему, по-видимому, обращались даже после смерти как к тому, кто все еще мог помогать и защищать; и, следовательно, со временем он стал наиболее близок по идее к их первым представлениям о Боге".

Другие миссионеры считают старого Вундед Ни хорошим существом в целом, а того, кто сражается с Гаунабом, - плохим существом. Доктор Моффат слышал, что 'Цуй Куап' был "выдающимся воином", который однажды получил рану в колено. Сэр Джеймс Александер^[192] обнаружил, что намакуа верили, что их "великий отец" лежит под пирамидами из камней, на которые они бросали ветки. Этим великим отцом был Хейци Эйбиб, и, как и другие знахари, 'он мог принимать множество форм'. Как и Цуй Гоаб, он несколько раз умирал и воскресал снова. Хан приводит (стр. 61) длинный рассказ старого вождя о раненом колене и историю битвы между Цуй Гоабом, который 'живет на прекрасных небесах', и Гаунабом, который 'живет на темных небесах'. Поскольку этот вождь очень долго прожил среди миссионеров, мы, возможно, можем не принимать во внимание его высказывания о "небесах" как заимствованные. Хан думает, что они относятся к красному небу, в котором жил Цуй Гоаб, и к черному небу, которое было домом Гаунаба. Таким образом, два персонажа этого грубого религиозного дуализма обитают соответственно в свете и тьме.

Насколько мы поняли, Цуй Гоаб, как и Хейци Эйбиб среди нама, является мертвым колдуном, могилам которого поклоняются, в то время как, с общей непоследовательностью, его также считают обитающим на небе. Даже христиане часто говорят об умерших с подобной непоследовательностью. Поклонение Цуй Гоаба достаточно понятно среди людей, настолько доверчивых, что они приняли самого Хана за фокусника (стр. 81), и настолько увлеченных поклонением предкам, что Хан видел, как они поклоняются могилам своих собственных отцов и ожидают помощи от людей, недавно умерших (стр. 112, 113). Но, хотя хой-хой и думают, что Цуй Гоаб когда-то был настоящим мужчиной, нам нет необходимости разделять их эвгемеризм. Более вероятно, что, подобно Ункулункулу среди зулусов, Цуй Гоаб - идеальный, воображаемый колдун и бог предков. Ни одному человеку не требуется много могил, и у Цуй Гоаба их больше, чем было у Осириса в Египте.

Если бы египтяне в каком-то неизмеримо далеком прошлом были когда-то на уровне Нама и готтентотов, они поклонялись бы Осирису у стольких же курганов, сколько поклоняются Хейци Эйбибу и Цуй Гоабу. В более поздние времена многочисленные могилы одного существа

потребовали бы объяснения, и объяснения были бы даны мифом о том, что тело Осириса было разорвано на части и каждый фрагмент похоронен в отдельной гробнице.

Опять же, хромые боги встречаются в греческих, австралийских и бразильских верованиях, и само совпадение хромоты Цуй Гоаба заставляет нас скептически относиться к его заявлениям о том, что он настоящий мертвец. С другой стороны, когда Хан говорит нам, что эпические мифы теперь исполняются в танцах в честь недавно убитых воинов (стр. 103), и что подобные танцы и песни исполнялись в прошлом в честь Цуй Гоаба, это больше похоже на то, что Цуй Гоаб был реальным человеком. Против этого мы должны противопоставить (стр. 105) веру в то, что Цуй Гоаб создал первых мужчину и женщину и был Прометеем готтентотов.

До сих пор доктор Хан приводил нам факты, которые полностью согласуются с нашей теорией о том, что люди, поклоняющиеся предкам, верящие в метаморфозы и колдовство, поклоняются богу, который, как предполагается, является умершим колдуном предков, обладающим силой магии и метаморфозы. Но теперь доктор Хан предлагает свое собственное объяснение. Согласно филологическому методу, он будет 'изучать имена людей, пока мы не придем к обнаженному корню и первоначальным значениям слов'. Начиная с Цуй Гоаба, которого все свидетельства объявляют мертвым хромым фокусником и воином, доктор Хан утверждает, что 'Цуй Гоаб, первоначально Цуни Гоам, было именем, которым красные люди называли Бесконечность'. Как сказал француз о происхождении *jour* от *dies*, мы можем намекнуть, что Бесконечность, превращенная таким образом в убогого готтентотского "кустарного доктора", - это *diablement changé en pumi*. Для мертвого хромого мага из Бесконечности это действительно падение. Процесс падения описан таким образом. *Цуй Гоаб* состоит из двух корней, *цу* и *гоа*. *Гоа* означает "идти дальше", "наступать". На хой-Кхой *гоа-б* означает "наступающий", рассвет, а *гоа—б* также означает "колено". Далее доктор Хан пишет (делая логический скачок необычайной ширины): "Теперь очевидно, что // *гоаб* на *цуй—Гоаб* нельзя перевести словом "колено", - почему бы и нет? - "но мы должны принять другое метафорическое значение, *приближающийся день, т.е.*, рассвет." Где же эта необходимость? В обычной филологии нам следовало бы потребовать здесь ряд подтвержденных примеров *гоаба* в смысле рассвета, но в кой-кой мы не можем ожидать таких доказательств, поскольку там, вероятно, нет текстов. Затем, после произвольного решения, что все кой-кой неправильно понимают свой собственный язык (поскольку именно к этому сводится перевод здесь *goab* словом dawn), доктор Хан исследует *цу* в *Tsui*. *Цу* означает "болящий", "раненый", "болезненный", как в 'раненом колене' — Цуй Гоаб. Это не помогает доктору Ханну, потому что 'раненый рассвет' ничего не значит. Но он размышляет о том, что рана красная, *tsu* означает "раненый": следовательно, *tsu* означает "красный", следовательно, Tsui Goab - это Красная Заря. Q.E.D.[193]

Такого рода рассуждения явно ошибочны. Точку зрения доктора Хана можно было бы выразить, только приведя примеры, в которых *цу* используется для обозначения красного цвета в хой-хой. О таком употреблении слова *цу* он не приводит ни единого примера и, фактически, приводит другое слово для обозначения 'красного' или 'кровавого'. Его этимология не подкрепляется тем фактом, что, как когда-то говорили, Цуй Гоаб жил в красном небе. Красный дом не обязательно принадлежит красному человеку. Еще меньше теории подтверждается гимном, в котором говорится, что Цуй Гоаб раскрашивает себя красной охрой. Большинство идолов, от самоедских до греческих изображений Диониса, вымазаны красным.[194] Таким рассуждением доказано, что Цуй Гоаб - Красная Заря, в то время как его пророческие дары (которыми он делится со всеми прорицателями) считаются атрибутами зари, ведического *Саранью*.

Обращаясь от Цуй Гоаба к его старому врагу Гаунабу, мы узнаем, что его имя происходит от//*gau* 'разрушать', и, согласно старым представлениям готтентотов, "никто не был разрушителем, кроме ночи' (стр. 126). Нет никакой очевидной причины, почему разрушителем должна быть ночь, и только ночь, так же как и почему 'хромой со сломанным коленом" должен быть 'красным' (стр. 126). Кроме того (стр. 85), Гаунаб в другом месте объясняется не как ночь, а как злобный призрак, который, как считается, убивает людей, умерших так называемой 'естественной' смертью. Непогребенные мужчины превращаются в такого рода вампиров, точно так же, как Эльпенор в "*Одиссее*" угрожает, что, будучи непогребенным, станет озорным. Есть еще один гаунаб, насекомое-богомол, которому поклоняются готтентоты и бушмены (стр. 92). Похоже, что два гаунаба произносятся по-разному. Как бы то ни было, раса, поклоняющаяся насекомому, вполне может поклоняться мертвому шаману.

Таким образом, вывод, который следует сделать из изучения мифологии готтентотов, сводится лишь к тому, что идеи народа будут отражены в его мифах. Народ, который поклоняется мертвым, верит в колдунов и пророков, а также в метаморфозы, будет иметь своим богом (если его можно назвать богом) существо, на которое смотрят как на мертвого пророка и колдуна. Ему будут поклоняться с такими обрядами, какие совершают мертвецы; он будет замешан в таких битвах, какие ведут живые люди, и ему будут приписывать мастерство, на которое претендуют живые маги. Все это встречается в легенде о Цуй Гоабе, 'так называемом высшем существе' готтентотов. Его связь с рассветом не подтверждается убедительными аргументами или доказательствами. Связь зари с Бесконечностью опять-таки основывается не на чем ином, как на теории мистера Макса Мюллера.^[195] Его противник, хотя и известный как ночь, в другом месте признается, что изначально был обычным вампиром. Наконец, у готтентотов, народа, не слишком далекого от дикости, мифология полна диких и даже отвратительных элементов. И это именно то, чего мы ожидаем от готтентотов. Загадка возникает, когда мы находим у греков такие низкие мифы, как история об инцесте Хейци Эйбиба. Причина этого совпадения заключается в том, что, по словам доктора Хана, 'одни и те же объекты и явления в природе порождают одни и те же идеи, социальные или мифические, у разных рас человечества', особенно когда эти расы находятся в одном и том же четко определенном состоянии дикой фантазии и дикой доверчивости.

Книга доктора Хана была расценена как своего рода триумф над исследователями, которые верят, что поклонение предкам входит в миф и что более чистый элемент в мифе - более поздний. Но где же триумф? Даже по собственному показанию доктора Хана, поклонение предкам среди готтентотов затмило поклонение Бесконечному. Можно сказать, что доктор Хан, по крайней мере, доказал, что поклонение Бесконечному существовало раньше, чем поклонение предкам. Но было показано, что его попытка установить среднюю стадию, продемонстрировать, что почитаемый предок на самом деле был Красной Зарей, не является ни логичной, ни убедительной. Даже если бы эта средняя стадия была установлена, ей далеко до поклонения Заре (которую австралийцы считают женщиной с дурным характером в плаще из кожи красного опоссума) и до поклонения Бесконечному. Наша собственная аргументация была бы успешной, если бы мы показали, что существуют не только две возможные школы мифологической интерпретации — эвгемеристская, возглавляемая м-ром Спенсером, и филологическая, возглавляемая м-ром Максом Мюллером. Мы видели, что легенду о Цуй Гоабе можно объяснить, не веря ни в то, что он был реальной исторической личностью (как, возможно, полагает м-р Спенсер), ни в то, что его миф был результатом 'языковой болезни', как предполагает м-р Мюллер. Мы объяснили легенду и поклонение предполагаемому мертвому

фокуснику как естественные для расы, которая верит в фокусников и поклоняется мертвецам. Был ли он просто идеальным предком и воином, или настоящий мужчина был наделен теми божественными качествами, которыми обладает Цуй Гоаб, сказать невозможно; но, если он когда-либо жил, он уже давно был украшен идеальными качествами и добродетелями, которыми он никогда не обладал. Концепция могущественного духа предков была усилена и украшена некоторыми новыми атрибутами власти: концепция Бесконечного не была низведена из-за забвения языка до состояния призрака предков с кривой ногой.

Если эта точка зрения верна, миф - это болезнь мышления, гораздо большая, чем болезнь языка. Сравнительная важность языка и мышления была установлена давным-давно, в нашем понимании, не кем иным, как Прагапати, санскритским Мастером Жизни.

И вот однажды произошел спор между Умом и Речью о том, кто из них лучше. И Ум, и Речь сказали: "Я превосхожден!" Разум сказал: "Воистину, я лучше тебя, ибо ты не говоришь ничего, что не было бы понято мной; и поскольку ты всего лишь имитатор того, что делаю я, и следующий за мной по пятам, я, воистину, лучше тебя!" Речь сказала: "Воистину, я лучше тебя, ибо то, что ты знаешь, я делаю известным, я сообщаю". Они отправились обжаловать решение Прагапати. Он (Прагапати) решил в пользу Разума, сказав (Речи): "Воистину, Разум лучше тебя, ибо ты подражаешь его деяниям и следуешь за ним по пятам; и ниже, несомненно, тот, кто подражает деяниям своего лучшего и следует за ним по пятам".

Так говорит "Сатапатха Брахман".[196]

СНОСКИ:

[187] СамоаТернера, стр. 77, 119.

[188] Смотрите примеры в "Рассказе о далеких путешествиях", "Купидоне и Психее" и "Мифе о Кроносе".

[189] Трюбнер, 1881.

[190] Хан, стр. 23.

[191] Там же., стр. 45.

[192] Экспедиция, i. 166.

[193] Доктор Хан (стр. 27) дает /ava или /ana как готтентотское обозначение "красный", производное от /ai, "истекать кровью".

[194] Сам Хан (стр. 91) упоминает готтентотского бога, вымазанного красной землей, и заметил его еще в 1691 году.

[195] Смотрите "Фетишизм и бесконечное".

[196] Священные книги Востока, xii. 130, 131.

ФЕТИШИЗМ И БЕСКОНЕЧНОЕ.

Каково истинное место фетишизма, если использовать распространенный, но ненаучный термин, в истории религиозной эволюции? Некоторые теоретики сделали фетишизм, то есть обожание всякой всячины (с которой они путали поклонение животным, горам и даже земле), первым моментом в развитии культа. Другие, опять же, думают, что фетишизм - это 'искажение религии в Африке, как и везде'. Последнего мнения придерживается мистер Макс Мюллер, который изложил его в своих *Лекциях Хибберта* 'Происхождение и развитие религии, особенно на примере религий Индии'. Представляется вероятным, что между этими двумя крайностями существует среднее положение. Студенты могут считать, что мы едва ли знаем достаточно, чтобы оправдать наши рассуждения *о происхождении* религии, в то же время они могут верить, что фетишизм - это одна из самых ранних прослеживаемых ступеней, по которым люди поднялись к более высоким представлениям о сверхъестественном. Тем временем мистер Макс Мюллер поддерживает свою собственную теорию о том, что фетишизм - это "паразитический нарост", "искажение" религии, аргументами, взятыми в основном из исторического изучения верований дикарей и из древних религиозных документов Индии.

Для английских исследователей, не знающих санскрита, эти документы являются 'книгой, запечатанной семью печатями'. Разные восточные ученые толкуют Веда совершенно по-разному. По-видимому, до сих пор неизвестно, означает ли определенное слово в ведической заупокойной службе 'козел' или 'душа'! Перевод мистера Макса Мюллера, несомненно, в первую очередь понравится английским читателям, и поэтому желательно изучить выводы, которые он делает из своих исследований Вед. Однако обычный антрополог должен сначала выразить протест против тенденции искать в Ведах *примитивную* материю. Это тщательно продуманные гимны специально подготовленной группы поэтов и философов, живущих в эпоху, близкую к цивилизации. Поэтому они могут содержать мало свидетельств о том, что человек, будучи все еще "примитивным", думал о Боге, мире и душе. С таким же успехом можно было бы искать первые зачатки религии, строго говоря, *примитивной* религии, в *Гимнах Древних и Современных*, как и в Ведах. Однако главным образом путем дедукции из Вед г-н Макс Мюллер приходит к идеям, которые можно кратко и широко сформулировать следующим образом: он склонен выводить религию из человеческого чувства Бесконечности, пробуждаемого природными объектами, рассчитанными на то, чтобы пробудить это чувство. С другой стороны, наша позиция такова, что зачатки религиозного чувства у древнего человека были развиты не столько видением Бесконечного, сколько идеей Власти. Короче говоря, ранние религии были эгоистичными, а не бескорыстными. Верующий не столько созерцателен, сколько стремится получить что-то в свою пользу. В фетишах он по незнанию распознает нечто, что обладает силой ненормального рода, и ход идей, который заставляет его верить в фетиши и дорожить ими, является одним из самых ранних источников религиозной веры.

Мнение г-на Мюллера прямо противоположно: он считает, что созерцательная и бескорыстная эмоция в присутствии Бесконечного или чего-либо, что предполагает бесконечность или ошибочно принимается за Бесконечное, порождает человеческую религию, в то время как фетишизм этой религии является более поздним искажением.

Рассматривая фетишизм, г-н Мюллер вынужден критиковать систему Де Броссе, который ввел этот довольно неудачный термин в науку в замечательном труде "*Культура фетишей*" (1760). Мы называем эту работу 'достойной восхищения', потому что, учитывая современное состояние

знаний и спекуляций, книга Де Броссеса блестящая, оригинальная и лишь время от времени опрометчивая или путаная. Г-н Мюллер говорит, что Де Броссес 'считает, что все нации должны были начать с фетишизма, за которым впоследствии последовали политеизм и монотеизм'. Это предложение могло бы навести некоторых читателей на мысль, что Де Броссес в своих рассуждениях искал истоки религии; но на самом деле его работа - всего лишь попытка объяснить определенный элемент древней религии и мифологии. Де Броссе хорошо понимал, что языческие религии представляли собой сложную массу, сочетание многих материалов. Он признает существование уважения к духам умерших как к одному фактору, он отводит сабеизму место как другому. Но что больше всего озадачивает его и что он больше всего пытается объяснить, так это поклонение всякому мусору, а также обожание животных, гор, деревьев, солнца и так далее. Когда он объединяет все эти культы воедино и предлагает назвать их фетишизмом (термин, производный от португальского слова, обозначающего талисман), Де Броссес явно ненаучен. Но де Броссес явно придерживается научных взглядов, когда пытается объяснить египетское поклонение животным и уважение, которое греки и римляне проявляли к бесформенным камням, как пережитки более древних обычаев дикарей.

Позиция Де Броссе такова: древняя мифология и религия - это ткань из множества нитей. Сабеизм, поклонение мертвым, мифопоэтические фантазии играют свою роль в этой ткани. Среди многих африканских племен та или иная форма теизма, исламистская, христианская или возникшая самостоятельно, накладывается на массу более ранних суеверий. Среди этих суеверий - поклонение животным и растениям, а также культ необработанных камней и всякой всячины. Каково происхождение этого элемента, столь заметного в религии Египта и присутствующего, хотя и менее заметного, в самых древних храмах Греции? Это выживание, отвечает Де Броссес, древних обычаев, подобных обычаям необразованных народов, таких как бразильцы, самоеды, негры, на которых египтяне и пеласги когда-то были похожи отсутствием культуры.

Это, вкратце, гипотеза Де Броссе. Если бы он обладал нашей более обширной информацией, он бы знал, что среди диких рас поклонение звездам, мертвым, растениям и животным переплетается со странными метафизическими процессами диких людей. Он, возможно, сохранил бы сверхъестественный элемент в магических камнях, перьях, раковинах и так далее, отдельно от тройной нити сабеизма, поклонения призракам и тотемизма, с его более поздним развитием в обычное поклонение растениям и животным. Следует, однако, признать, что де Броссе был прекрасно осведомлен о запутанном и многообразном характере ранней религии. У него было ясное представление об истине, что то, что религиозный инстинкт однажды уловил, он, как правило, не отбрасывает, а подчиняет или маскирует, когда достигает высших идей. И он снова и снова утверждает, что люди овладевали более грубыми и материальными объектами поклонения, в то время как сами они были грубыми и унылыми, и что по мере развития цивилизации они, как правило, подчиняли и маскировали более грубые факторы в своей системе. Вот чем мистер Макс Мюллер отличается от Де Броссеса. Он считает, что поклонение камням, перьям, раковинам и (насколько я его понимаю) поклонение животным даже среди африканских рас является искажением более ранней и чистой религии, "паразитическим развитием" религии.

Однако сам мистер Макс Мюллер "долгое время" придерживался того, что он называет 'теорией фетишизма де Броссе'. Что заставило его выбросить эту теорию за борт? Это был "факт, что, хотя в самых ранних доступных документах религиозной мысли мы тщетно ищем какие-либо

очень четкие следы фетишизма, они становятся все более и более частыми повсюду на более поздних стадиях религиозного развития и, безусловно, более заметны в более поздних искажениях индийской религии, начиная с Атхарвына, чем в самых ранних гимнах Ригведы". Теперь, под самыми ранними доступными документами религиозной мысли профессор Макс Мюллер подразумевает гимны Ригведы. Эти гимны сложены в самом изысканном размере мудрецами с древней репутацией, которые, я полагаю, занимали положение, мало чем отличающееся от положения певцов и провидцев Израиля. Они жили в эпоху относительно развитой культуры. Они обладали обширными географическими знаниями. У них было оседлое правительство. Они жили в государствах. У них было много золота, зерна и домашних животных. Среди металлов они были знакомы с тем, что в большинстве стран обрабатывалось по последнему слову техники — они использовали железные шесты в своих колесницах. Как же тогда гимны самых просвещенных певцов развитой на данный момент расы можно назвать 'самыми ранними религиозными документами'? Они могут быть самыми старыми, самыми старыми из доступных, но это совсем другое дело. Как мы можем утверждать, что то, чего нет в этих гимнах, отсутствует потому, что оно еще не появилось? Разве не в том состоит служение *святых и богини мести*, чтобы очистить религию, благопристойно прикрыть ее грубые формы, подобно тому, как был спрятан необработанный камень в храме Аполлона Делосского? Если раса, чьи самые благородные и древнейшие из дошедших до нас гимнов были чистыми, обнаруживает следы фетишизма в своих более поздних документах, не может ли это быть столь же легко результатом рецидива, как и порчи? Профессору Макс Мюллеру, кроме того, еще предстоит объяснить, как процесс порчи, который привел к появлению одних и тех же фетишистских практик среди самоедов, бразильцев, кафров и людей атхарванаВеде, повсюду привел к идентичным результатам.

Здесь можно кратко опровергнуть аргумент, часто выдвигаемый против антропологического метода. 'Вы изучаете дикарей, - говорят люди, - но откуда вы знаете, что эти дикари когда-то не были намного более культурными; что весь их образ жизни, религия и все остальное не деградировали по сравнению с более ранними стандартами?' Г-н Мюллер бросает взгляд на этот аргумент, который, однако, не может служить его цели. Г-н Мюллер признал, что языки дикарей, или "кочевников", представляют собой гораздо более раннее языковое состояние, чем все, что мы находим, например, в древнейших текстах на иврите или санскрите. "По этой причине", - говорит он, [\[197\]](#) "изучение того, что я называю *кочевыми* языками, в отличие от *государственных* языков, становится таким поучительным. Мы видим в них то, чего больше не можем ожидать увидеть даже в самом древнем санскрите или иврите. Мы наблюдаем детство языка со всеми его детскими причудами.' Да, добавляет антрополог, и по этой причине изучение религий дикарей, в отличие от государственных религий, становится таким поучительным. Мы видим в них то, чего больше не можем ожидать увидеть даже в самых древних религиях санскрита или иврита. Мы наблюдаем детство религии со всеми ее детскими причудами. Если это рассуждение справедливо, когда кафрский язык противопоставляется древнему санскриту, оно должно быть обоснованным, когда кафрская вера сравнивается с верой ведической. Исходя из равенства рассуждений, религиозные верования народов, настолько менее развитых, чем кафры, насколько кафры менее развиты, чем ведические народы, должны быть еще ближе к младенчеству веры, еще "ближе к началу".

Возможно, мы слишком долго были заняты Де Броссом и нашими извинениями за Де Броссеса. Давайте теперь рассмотрим, насколько это возможно вкратце, причины, по которым мистер Макс Мюллер отрицает, что фетишизм является 'примитивной формой религии'. Поскольку

отрицательная сторона его аргументации устранена таким образом, то нашим делом будет рассмотреть (1) его психологическую теорию субъективного элемента в религии и (2) его отчет о росте индийской религии. В заключении эссе будет продемонстрировано, что система г-на Макса Мюллера практически не уделяет места суевериям, без которых в других странах, кроме Индии, общество не могло бы существовать организовано.

В его полемике против фетишизма не всегда легко понять, с кем борется г-н Мюллер. Одно дело говорить, что фетишизм - это "примитивная форма религии", и совсем другое - говорить, что это 'самое начало всякой религии'. Время от времени он нападает на 'теорию Конта', которой, я думаю, сейчас придерживаются не многие люди, изучающие историю человека, и которую я не собираюсь защищать. Он говорит, что португальские мореплаватели, которые не обнаружили у негров "никаких других следов какого-либо религиозного культа", кроме того, что они называли культом *фейтисоса*, пришли к выводу, что в этом заключалась вся религия негров (стр. 61). Затем г-н Мюллер продолжает доказывать, что "ни одна религия не состоит только из фетишизма", выбирая примеры высших элементов в религии негров из коллекций Вайца. Трудно понять, какое отношение это имеет к его аргументации. Де Броссес (стр. 20) показывает, что, по крайней мере, ему было хорошо известно, что многие негритянские племена имеют более высокие представления о Божестве, чем те, которые подразумеваются при поклонении фетишу. Даже если ни одно племя в мире не посвящает себя исключительно фетишам, этот спор не продвигается вперед. Возможно, ни одно из ныне существующих племен не использовало оружие из неотшлифованного камня и никакие другие, но из этого не следует, что оружие из неотшлифованного камня не является примитивным. Утверждать, что более чистые идеи к этому времени были достигнуты с помощью ступеней более грубого, так же легко, как утверждать, что более грубое является искажением более чистого. Г-н Макс Мюллер постоянно утверждает, что 'человеческий разум продвигался маленькими и робкими шагами от того, что понятно, к тому, что на первый взгляд почти за пределами понимания' (стр. 126). Среди объектов, которые помогли человеку сделать эти маленькие и робкие шаги, он называет реки и деревья, которые возбуждали, по его словам, религиозный трепет. Чего он не допустит, так это того, что самым ранним маленьким и робким шагам не обошлось без помощи таких предметов, как фетишистские сокровища — камни, раковины и так далее, которые не предполагают идеи бесконечности. Запасы он признает, но не камни, если сможет, из тех, что негры, канеки и другие племена используют в качестве фетишей. Его причина в том, что он не понимает, как обьедки фетишиста могут апеллировать к чувству Бесконечного, которое, по его теории, является основой религии.

После утверждения (в чем охотно соглашались), что религия негров состоит из многих элементов, г-н Мюллер пытается дискредитировать свидетельства о верованиях дикарей и рассуждает о многих мельчайших проявлениях прогресса, которые существуют среди племен, слишком часто объединенных в одну кучу, как будто все они находятся в одинаковом состоянии. Здесь на его стороне будут все ученые, изучающие жизнь дикарей. Однако верно то, что определенные элементы практики дикарей, одним из которых является фетишизм, практически повсеместны. Таким образом, когда г-н Мюллер говорит о 'влиянии общественного мнения' на искажение рассказов путешественников, мы не должны забывать, что самое убедительное свидетельство о практике варваров получено из 'непреднамеренного совпадения' свидетельств самых разных людей, всех эпох и всех состояний общественного мнения. 'Неграмотные люди, не знакомые с трудами друг друга, приносят одни и те же сообщения из разных уголков земного шара', - писал Миллар из Глазго. Когда моряки,

торговцы, миссионеры описывают как беспрецедентные и неслыханные явления такие институты, как полиандрия, тотемизм и так далее, доказательства настолько убедительны, потому что свидетели так изумлены. Они не знают, что никто, кроме них самих, никогда не замечал любопытных фактов, стоящих перед их глазами. И когда г-н Мюллер пытается сделать свидетельство о вере дикарей еще более ненадежным, говоря об "отсутствии признанного авторитета среди дикарей", не давайте нам забывать, что обычай (*νόμος*) является признанным авторитетом и что за нарушение определенных правил полагается смертная казнь. Эти правила, вообще говоря, носят религиозный характер, и религия, о которой они свидетельствуют, относится к тому типу, который известен (слишком расплывчато) как "фетишистский". Давайте постоянно помнить, когда люди говорят об отсутствии доказательств, что у нас есть два самых сильных в мире доказательства того типа религии, который меньше всего соответствует аргументации г-на Мюллера: (1) непреднамеренные совпадения показаний, (2) неопровержимое свидетельство и санкция элементарного уголовного права. Собственными доказательствами г-на Мюллера являются те вызывающие много споров работы, где "все люди видят то, что они хотят видеть, как в облаках", и где многие видят систематизированный фетишизм — Веды. [198]

Первым шагом в полемике г-на Макса Мюллера было утверждение, что фетишизм нигде не смешивается. Мы видели, что факт поддается интерпретации, которая устроит любую из сторон. Стадии культуры накладываются друг на друга. Вторым шагом в его полемике была попытка исказить доказательства. Мы видели, что у нас есть настолько веские доказательства, насколько можно пожелать. В-третьих, он спрашивает, каковы предпосылки поклонения фетишу? Похоже, он воображает, что спорит с людьми (стр. 127), которые 'приняли как должное, что каждое человеческое существо чудесным образом было наделено концепцией того, что образует предикат каждого фетиша, назовите это силой, духом или богом'. Если есть такие слабые разумники, то они должны быть оставлены на усмотрение господина Мюллера. С другой стороны, от студентов, которые рассматривают рост идеи власти, являющейся предикатом любого фетиша, как медленный процесс, как результат различных впечатлений и ранних полусознательных рассуждений, нельзя избавиться обвинением в том, что они думают, что 'каждое человеческое существо было чудесным образом наделено' какой-либо концепцией вообще. Они, по крайней мере, согласятся с мистером Максом Мюллером в том, что существуют фетиши и фетиши, что одному почитание приписывается по одной причине, другому - по другой. К сожалению, не так легко признать, что г-н Макс Мюллер был счастлив в выборе древних примеров. Он пишет (стр. 99): 'Иногда столбу или камню поклонялись потому, что это был заброшенный алтарь или древнее место суда, иногда потому, что это было место великой битвы, убийства или захоронения короля'. Здесь он упоминает Павсаний, книга у меня. 28, 5 и VIII. 13, 2. [199] в обоих отрывках, Павсаний, правда, упоминает камни—при первом прохождении камней, на которых мужчины стояли ὅσοι δίκας ὑπέχουσι καὶ οἱ διώκοντες, во втором, курганы наворотил в честь павших в бою. Однако ни в том, ни в другом случае я не нахожу ничего, что указывало бы на то, что камням поклонялись. Таким образом, эти камни имеют к спору не больше отношения, чем вежи, которые, безусловно, существуют на дуврской дороге, но которые не являются объектами суеверного почитания. Нет, фетишистскими камнями Греции были те, что находились в святой святыне самых древних храмов, в таинственных святилищах в темных кедровых или кипарисовых рощах, куда людей почти не допускали. Это были камни и глыбы, на которых были выгравированы имена богов, Геры или Аполлона, имена, возможно, данные, как говорит Де Броссе, старым фетишистским объектам поклонения, *после*

того, как антропоморфные боги пришли в Элладу. По крайней мере, это естественный вывод из того факта, что Аполлон и Гера из нетронутого дерева или камня, по общему признанию, были *древнейшими*. Религия, обладающая старым фетишем, не стала рисковать прервать череду удач, выбросив его, но мудро сохранила и переименовала. Г-н Макс Мюллер говорит, что неотесанный кусок может указывать на более высокую силу абстракции, чем поклонение творчеству Фидия; но в таком случае все дикие поклонники необработанных камней *могут* находиться на стадии более абстрактного мышления, чем эти современники Фидия, которые так усердно трудились, чтобы сделать греческую мысль абстрактной.

Г-н Мюллер приводит очень любопытный аргумент по поводу того, что он называет 'повсеместным распространением фетишизма'. Подобно Де Броссу, он составляет (по Павсанию) список необработанных камней, которым поклонялись древние греки. Он упоминает различные примеры фетишистских суеверий в Риме. Он обнаруживает фетишизм популярного католицизма и русского православия среди крестьян. Здесь, восклицает он, в религиях, история которых нам известна, фетишизм вторичен: 'и почему фетиши в Африке, где мы не знаем более раннего развития религии, должны рассматриваться как первичные?' Какой странный аргумент! Согласно Павсанию, этот фетишизм (если это фетишизм) *был* первичным в Греции. В *старейших* храмах, в их самом святом месте, хранился древнейший фетиш. В Риме, по крайней мере, вероятно, что фетишизм, как и в Греции, был отчасти пережитком, отчасти новой отраслью из первобытных корней человеческих суеверий. Что касается католицизма, протоколы Соборов, оскорбления Церкви показывают нам, что с самого начала вторичная религия того времени, религия Церкви, тщетно пыталась подавить первичную религию детских суеверий и была вынуждена частично терпеть ее. Документы представлены миру. Что касается русских, то история их обращения в христианство довольно хорошо известна. Ярослав, или Владимир, или какой-нибудь другой евангелист крестил целые деревни группами, и крестьяне-язычники, естественно, сохраняли свой первоначальный полудикий образ мышления и богослужения под вторичным покровом православия. Таким образом, во всех примерах м-ра Макса Мюллера фетишизм оказывается *первичным* с точки зрения времени; только *вторичным*, поскольку подчинен какому-то более позднему развитию веры или какой-то недавно наложенной религии. Принимая его утверждение о повсеместном распространении фетишизма, мы имеем самый мощный *априорный* аргумент о том, что фетишизм примитивен. По мере того, как развиваются религии, они дифференцируются; это всего лишь фетишизм, который вы повсюду находите одинаковым. Таким образом, лук и стрелы имеют широкий диапазон распространения: мушкет - не такой широкий; винтовка Мартини-Генри - еще более узкий диапазон: это примитивное каменное оружие распространено повсеместно, его находят в земле Англии, Египта, Америки, Франции, Греции, а также в руках жителей островов Дейри и Адмиралтейства. И точно так же, как грубые каменные ножи появились раньше железных (хотя одна и та же раса часто использует и то, и другое), так и фетишизм более примитивен, чем более высокие и чистые религии, хотя одна и та же раса часто сочетает фетишизм и теизм. Никто не усомнится в истинности этого, когда речь идет об оружии; но мистер Макс Мюллер не будет смотреть на религию таким образом.

Замечания мистера Макса Мюллера о 'Зоолатрии', как называет это Де Броссес, или поклонении животным, требуют лишь самого краткого комментария. Де Броссес, к большому несчастью, спутал зоолатрию с другими суевериями под названием фетишизма. Это было ненаучно; но научно ли со стороны мистера Макса Мюллера обсуждать поклонение животным без какой-либо ссылки на тотемизм? Поклонение священным животным во всех частях земного

шара является частью самого строгого и важного из всех законов - законов о браке. Историческая истина заключается в том, что общество ашанти, чокто, австралийцев на самом деле построено на действии законов, которые санкционированы различными священными растениями и животными. [200] Едва ли найдется раса настолько варварская, чтобы в ее обществе не прослеживалось действие этих законов, или народ (особенно древний народ) настолько культурный, чтобы его законы и религия не изобиловали странными фактами, которые легче всего объяснить как пережитки тотемизма. Теперь обратите внимание, что реальный живой тотемизм всегда сочетается с самыми грубыми представлениями о браке, с почти отталкивающими представлениями о семье. Предположительно, эта грубость возникла раньше, чем культура, и поэтому эта форма поклонения животным - одна из самых ранних религий, которые мы знаем. Почти безграничное распространение явлений, их регулярное развитие, их постепенное исчезновение - все указывает на то, что все они возникли очень рано и повсеместно вызваны сходными причинами.

Из всех этих фактов г-н Макс Мюллер упоминает только один - что многие расы называли себя Змеями, и он думает, что они могли естественным образом принять змею за предка и, наконец, за бога. Он цитирует замечание Диодора о том, что "змея, возможно, сделали богом либо потому, что он был изображен на знаменах, либо потому, что он был богом"; на что Де Броссе со свойственным ему здравым смыслом отвечает: "Мы изображаем святых на наших знаменах, потому что почитаем их; мы почитаем их не потому, что мы изображаем их на наших знаменах".

В дискуссии о происхождении и искажении религии было бы неплохо учесть институты и верования, распространенные почти повсеместно. Мы знаем то, чего не знал Де Броссес, что зоолатрия неразрывно связана с законами и обычаями, которые, несомненно, должны быть древними, если не примитивными, потому что они составляют рабочую веру обществ, в которых мужское происхождение и современная семья еще не утвердились. Любой, кто хочет показать, что такое общество является поздним разложением, а не ранней стадией эволюции к лучшему, сталкивается с трудной задачей, которую, однако, он должен выполнить, прежде чем сможет доказать, что зоолатрия является искажением религии.

Что касается поклонения предкам и воплощенным человеческим духам, которое (как было так убедительно доказано) является первым моментом в религии, г-н Макс Мюллер отвергает его здесь в одиннадцати с половиной строках. В своем месте мы обратим внимание на единичную, но важную аллюзию в конце его лекций.

Конец полемики против примитивности фетишизма касается вопроса: 'Откуда берется сверхъестественный предикат фетиша?' Если негр говорит нам, что его фетиш - это бог, откуда у него идея 'бога'? Возникает множество очевидных ответов. М-р Мюллер говорит, говоря об индейцах (стр. 205): "Концепция богов, без сомнения, росла по мере того, как люди приобретали все более определенное отношение к этим полуосозаемым и нематериальным объектам" - деревьям, рекам, холмам, небу, солнцу и так далее, что, по его мнению, внушало и развивало, с помощью своего рода благоговения, религиозное чувство бесконечности. Мы бы тоже сказали, что среди людей, поклоняющихся фетишам и призракам, представление о богах, без сомнения, незаметно росло по мере того, как люди приобретали все более определенное отношение к материальным и неосозаемым объектам, которые они считали священными. Опять же, идея бога была привнесена к неграм христианами и исламистами, так что, даже если они не поднимались (как, по мнению Де Броссе, делают многие из них) к более чистым религиозным

идеям без посторонней помощи, эти идеи теперь им знакомы и вполне могут быть использованы ими, когда им придется объяснять фетиш европейцу. Г-н Макс Мюллер объясняет происхождение религии термином ('Бесконечное'), который, по его признанию, древние люди не могли понять. Негр, если он говорит белому человеку, что фетиш - это бог, таким же ненаучным образом меняет термины. Г-н Мюллер спрашивает: 'Как эти люди, взяв в руки свой камень или раковину, в то же время усваивают концепции сверхъестественной силы, духа, бога и поклонения какому-то невидимому существу?' Но кто сказал, что люди подхватили эти идеи *в одно и то же время*? Эти идеи развивались в результате длительного, медленного и сложного процесса. Вовсе не исключено, что идея своего рода "удачи", связанной с тем или иным объектом, возникла в результате размышления о простой серии счастливых случайностей. Такой-то человек, найдя такой-то предмет, преуспевал на охоте, рыбной ловле или войне. Постепенно можно было бы поверить, что подобные предметы приносят успех. Таким образом, взломщики носят в карманах кусочки угля 'на счастье'. Этот случайный способ соединения причин и следствий, которые на самом деле не имеют никакой взаимосвязи, является распространенной ошибкой ранних рассуждений. Г-н Макс Мюллер говорит, что 'этот процесс рассуждения гораздо больше соответствует современному мышлению'; если это так, то современному мышлению нечем гордиться. Геродот, однако, описывает процесс мышления как освященный обычаями египтян. Но есть много других практических способов, с помощью которых идея сверхъестественной силы связывается с фетишами. Некоторые фетиш-камни имеют поверхностное сходство с другими объектами, и таким образом (согласно магической системе рассуждений) считается, что они влияют на эти объекты. На других, опять же, указывают как на достойных уважения в снах или призраки умерших.^[201] Придерживаться этих взглядов на происхождение сверхъестественного предиката фетиша - это не значит "принимать как должное, что каждый человек был чудесным образом наделен концепцией того, что образует предикат каждого фетиша".

Таким образом, мистер Макс Мюллер не нуждается в том, чтобы нас убеждали, что фетишизм (хотя он обязательно имеет свои истоки в человеческом сознании) является 'искажением религии'. Это все еще кажется одним из самых примитивных шагов на пути к идее сверхъестественного.

Что же тогда представляет собой субъективный элемент религии в человеке? Как он стал способен воспринимать сверхъестественное? Какие внешние объекты впервые пробудили эту дремлющую способность в его груди? М-р Макс Мюллер отвечает, что человек обладает 'способностью постигать бесконечное' — что благодаря этой способности он способен к религии, и что чувственные объекты, 'осязаемые, полuosязаемые, неосязаемые', впервые пробудили способность к религиозной деятельности, по крайней мере, у коренных жителей Индии. Однако под "бесконечным", которое постигают дикари, он подразумевает не нашу метафизическую концепцию бесконечного, а простое впечатление, что существует 'нечто запредельное'. "Все, чего его чувства не могут постичь до предела, является для первобытного дикаря или для любого человека на ранней стадии интеллектуальной деятельности *неограниченным или бесконечным*'. Таким образом, во всем опыте людям навязывается идея "запредельного". Если бы м-р Макс Мюллер придерживался этой теории, то мы должны были бы предположить, что он имел в виду (что мы считаем более или менее верным), что религия дикарей, как и наука дикарей, является всего лишь причудливым объяснением того, что лежит за горизонтом опыта. Например, если австралийцы, упомянутые мистером Максом Мюллером, верят в существо, создавшее мир, существо, которому они не поклоняются и на которое не

обращают никакого внимания (ибо, действительно, он стал 'дряхлым'), их теория является научной, а не религиозной. Они искали причины вещей и были не более религиозны (при этом), чем Ньютон, когда он разрабатывал свою теорию тяготения. Термин 'бесконечный' применяется неправильно, потому что это термин передовой мысли, используемый для объяснения идей людей, которые, по словам г-на Макса Мюллера, были неспособны постичь значение такого понятия. Опять же, он применяется неправильно, потому что у него есть некоторые современные религиозные ассоциации, которые скрыто и ошибочно вводятся для объяснения предполагаемых эмоций древних людей. Так, г-н Мюллер говорит (стр. 177) — он дает свой отчет о материальных вещах, пробудивших религиозную способность, - "простого вида потока было бы достаточно, чтобы пробудить энтузиазм в сердцах первых обитателей земли ... ощущение, что они были окружены со всех сторон силами невидимыми, бесконечными или божественными'. Здесь, если я правильно понимаю мистера Мюллера, 'бесконечный' используется в нашем современном смысле. Вопрос в том, как люди вообще пришли к вере в бесконечные, невидимые, божественные силы? Если слова г-на Мюллера что-нибудь значат, то они означают, что дремлющее чувство того, что такие существа существуют, таилось в груди человека и пробудилось к активной и сознательной жизни при виде потока. Каким образом, используя собственную манеру г-на Мюллера, у этих людей, когда они видели ручей, возникало мысленно, в то же время, "ощущение *бесконечной* силы"? Если это не является выражением теории 'врожденной религии' (теории, которую г-н Мюллер отвергает), то даже внимательный читатель может принять ее за эту доктрину. Чувство "бесконечных, невидимых, божественных сил" *должно* быть в сердце, иначе простой вид реки не смог бы вызвать его. Как это чувство проникло в сердце? Вот в чем вопрос.

Обычный антрополог различает множество причин, множество процессов, которые перетекают друг в друга и постепенно порождают веру в силы невидимые, бесконечные и божественные. Какое племя не знакомо со снами, видениями, магией, явлениями мертвых? Добавьте к этому медленное движение мысли, гипотетические умозаключения, догадки грубой метафизики, теории отдельных людей религиозного и спекулятивного гения. Благодаря всем этим и другим многообразным силам развивается эмоция благоговения перед холмами, звездами, морем. Г-н Макс Мюллер сокращает тему. Первые обитатели земли видели реку, и "простой вид" этого потока вызывал чувства, которые (для нас), по-видимому, требуют веков действия причин, игнорируемых г-ном Мюллером в его рассказе о происхождении индийской религии.

Главной пружиной доктрины г-на Мюллера является его теория о "постижении бесконечного". Ранняя религия, или, по крайней мере, религия Индии, была, по его мнению, распространением идеи Необъятности, бескорыстной эмоции благоговения.^[202] В других местах, как мы думаем, ранняя религия была развитием идей Силы, заинтересованным поиском не чего-то широкого, далекого и труднопостижимого, а чего-то практически *сильного* в борьбе добра и зла. Г-н Мюллер (не считая в этом месте фетишей, призраков, снов и магии) объясняет, что чувство "изумления" вызывали только объекты. Полуосязаемые деревья, которые *выше* нас, "чьи корни находятся вне пределов нашей досягаемости и в которых есть что-то вроде жизни". "Мы имеем дело с четвертичным, это может быть троглодит третичного периода", - говорит г-н Мюллер. Если бы троглодит третичного периода был похож на современного жителя Андаманских островов, канеку, дайри, стал бы он с благоговением размышлять о том факте, что дерево было выше его или вело "какой-то образ жизни", "неизвестное и непознаваемое, но неоспоримое нечто"?^[203] Да ведь это чувство современной Германии и, возможно, индийских мудрецов культурного периода! Троглодит искал бы на дереве опоссума, он постукивал бы по стволу в

поисках меда, он рылся бы в коре в поисках личинок или поклонялся чему-нибудь странному на ветвях. Не переносит ли г-н Мюллер бессознательно своего рода современную болезнь мышления в среду людей, которые хотели найти себе обед и которые могли бы поклоняться дереву, если бы оно имело гротескную форму, которая для них имела магическое значение, или если бы *бойляс* жил в его ветвях, но чей практический способ решения проблемы его жизни состоял в том, чтобы сжечь его вокруг ствола, нарубить обугленную древесину каменными топорами и использовать кору, ветки и листья по мере того, как они попадались под руку?

У мистера Мюллера есть длинный список полуматериальных объектов, "подавляющих и внушающих благоговейный трепет", таких как дерево. Есть горы, где "даже отважное сердце трепещет перед реальным присутствием *бесконечного*"; есть реки, эти инструменты столь внезапного религиозного пробуждения; есть земля. Они служат материалом для создания полубожеств. Затем появляются небо, звезды, рассвет, солнце и луна: "в них у нас есть зачатки того, что впоследствии нам придется называть именами божеств".

Прежде чем мы сможем преобразовать, вместе с г-ном Мюллером, эти объекты несколько расплывчатого религиозного отношения в своего рода богов, мы должны принять филологические теории Нуаре и изучить влияние вспомогательных глаголов на развитие персонификации и религии. Филологические теории Нуаре, я полагаю, все еще находятся в стадии обсуждения. Однако они необходимы для доктрины м-ра Мюллера о развитии смутного "чувства бесконечности" (пробуждаемого прекрасными старыми деревьями и высокими горами) в *дэвах*, а из *дэвов* (что означает 'сияющие') - в ведических богов. Таким образом, наши предки-троглодиты и их нежное отношение к духовному аспекту пейзажа соотносятся с риши Вед, мудрецами и поэтами прекрасной цивилизации. Благоговение, испытываемое к таким сравнительно утонченным или отдаленным вещам, как огонь, солнце, ветер, гром, заря, послужило рядом ступеней к ведическому богословию, если это можно назвать богословием. Невозможно подробно описать каждый шаг; процесс должен быть изучен на лекциях г-на Мюллера. Мы также не можем обсуждать более поздние изменения веры. Что касается процессов, породивших фетишистское "разложение" (эту универсальную и везде одинаковую форму разложения), г-н Мюллер не дает даже намека. Он только говорит, что, когда индейцы обнаружили, что их старые боги - это просто имена, 'они построили из разбросанных кирпичей новый алтарь Неизвестному Богу' — утверждение, которое не проливает света на паразитическое развитие фетишизма. Но вся его теория несостоятельна, если, назвав фетишизм *разложением*, он не показывает, как возникло разложение, как оно действовало и как болезнь поразила все религии повсюду.

Мы шаг за шагом оспаривали многие положения г-на Мюллера. Если бы позволяло пространство, было бы интересно изучить действительное отношение некоторых современных дикарей, бушменов и других людей, к солнцу. Современные дикари, может быть, и деградировали, они, конечно, не примитивны, но их *легенды*, по крайней мере, самое древнее, что у них есть. Сверхъестественные элементы в их представлениях о солнце любопытным образом отличаются от тех, которые, по словам г-на Мюллера, вошли в развитие арийской религии.

Последнее замечание, которое следует сделать по поводу схемы развития арийской религии м-ра Мюллера, заключается в том, что религия, как он ее объясняет, явно не способствует росту общества и никоим образом с ним не взаимодействует. Давайте посмотрим на субварварское

общество - скажем, на общество Зулуленда, Новой Зеландии, Лиги ирокезов, или на дикое общество, подобное обществу канекасов, или на те австралийские племена, о которых у нас есть очень много интересных и обильных рассказов. Если мы начнем с австралийцев, то заметим, что общество основано на определенных законах о браке, приводимых в исполнение смертной казнью. Эти законы о браке запрещают смешение лиц, принадлежащих к племени, которое поклоняется тому или иному животному или растению. Это правило, как уже отмечалось, *сделало* 'родовую' систему (как ошибочно называет ее мистер Морган) системой, которая постепенно уменьшает межплеменную вражду, делая племена однородными. Та же система (с религиозной санкцией своего рода зоолатрии) действует и привела к тому же результату в Африке, Азии, Америке и Австралии, в то время как множество мельчайших фактов позволяют сделать разумный вывод о том, что она преобладала в Европе. Среди этих фактов наиболее заметными являются определенные особенности греческого, римского и индуистского брачного права, греческие, латинские и английские племенные названия и множество легенд.^[204] Доктрина г-на Макса Мюллера о развитии индийской религии (хотя и допускает существование племен Змей или нага) не учитывает влияние этого универсального зоолатрии на религию и общество.

После брака и после племенных институтов посмотрите на *ранг*. Разве не очевидно, что религиозные элементы (магия и некромантия), исключенные из его учета мистером Мюллером, наиболее сильны в развитии ранга? Даже среди этих демократических нищих, огнеземельцев, 'доктор-волшебник каждой партии имеет большое влияние на своих товарищей'. Среди этих других демократов эскимосы, класс волшебников, называемых ангакутами, становятся 'своего рода гражданскими судьями', потому что они могут вызывать хорошую погоду и могут магическим образом обнаруживать людей, совершающих правонарушения. Таким образом, ростки ранга в этих случаях сеются магией, которая является фетишизмом в действии. Попробуйте зулусов: 'небеса принадлежат вождю', он может вызывать тучи и бури, отсюда его авторитет. В Новой Зеландии каждый рангатира обладает сверхъестественной силой. Если он прикасается к предмету, никто другой не осмеливается присвоить его, опасаясь ужасных сверхъестественных последствий. Главный вождь 'заклеен лентой толщиной в дюйм и совершенно неприступен'. Магическая сила пребывает в нем и исходит от него. Благодаря этому суеверию формируется аристократия и обеспечивается безопасность собственности (по крайней мере, собственности аристократии). Среди краснокожих индейцев, как говорит Скулкрафт, 'священники и фокусники - это люди, развязывающие войны и имеющие право голоса при продаже земли'. М-р Э. У. Робертсон говорит почти то же самое о ранней Шотландии. Если Один не был богом с дарами знахаря и не был обязан своим главенством своему таланту обращаться с магией, то его сильно оклеветали. Ирландские брехоны также санкционировали юридические решения с помощью магических устройств, впоследствии осужденных Церковью. У зулусов "*итонго* (дух) обитает с великим человеком; тот, кто видит сны, - вождь деревни'. Только вождь может 'читать в сосуде прорицания'. Вожди канека - знахари.

Итак, здесь, в очень отдаленных регионах, в ранних европейских, американских, меланезийских, африканских обществах, мы находим те факторы в религии, от которых, как говорят, отказались первобытные арийцы, помогая создавать общество, ранг, собственность. Нужно ли добавлять, что духи предков все еще 'управляют настоящим из прошлого', требуют жертвоприношений и разговаривают с 'тем, кто видит сны', который, следовательно, является сильной силой в обществе, если не вождем? Мистер Герберт Спенсер, мистер Тайлор, месье

Фустель де Куланж и дюжина других сделали все это дело общеизвестным. Как говорит путешественник Хирн об индейцах Коппер-Ривер: 'почти необходимо, чтобы те, кто ими правит, исповедовали нечто немного сверхъестественное, чтобы иметь возможность иметь дело с народом'. Несколько примеров, которые мы привели, показывают, насколько широко и среди каких необразованных рас ощущается эта потребность. Рудиментарное правительство древних народов требует сверхъестественной санкции, и с помощью сновидений некромантия, "медицина" (т.е. фетиши), *тапуи* так далее получают ее.

Где сверхъестественная санкция, освятившая вождей расы, которая осознала смысл существования бесконечных существ перед лицом деревьев, рек, рассвета, солнца и не имела ничего от так называемого позднего и порочного фетишизма, который выполняет такую полезную социальную работу?

Тем, кто изучает другие ранние общества, теория м-ра Мюллера о росте арийской религии, кажется, оставляет общество без цемента и без самых необходимых санкций. Один человек так же хорош, как и другой, перед деревом, рекой, холмом. Дикие организаторы других обществ обнаружили фетиши и призраки, которые были 'уважающими личности'. Зоолатрия переплетена с самым ранним и наиболее распространенным законом о запрещенных степенях. Как индусы обходились без помощи этих суеверий? Ну, они не совсем обошлись без них. Г-н Макс Мюллер замечает почти на последней странице (376), что 'и в Индии тоже ... мысли и чувства о тех, кого смерть на время разлучила с нами, послужили одними из самых ранних и важных элементов религии.' Если бы это было так, то, несомненно, присутствие этих элементов и их влияние следовало бы указать наряду с замечаниями об ужасных деревьях и наводящей на размышления природе рек. Неужели в Ведах ничего не сказано о духах умерших и их культе? Конечно, сказано многое. Но, будь это иначе, тогда другие элементы религии дикарей также могли бы быть проигнорированы там, и было бы невозможно утверждать, что фетишизма не существовало, потому что он не упоминается. Также невозможно признать, что *Лекции Хибберта* дают более чем односторонний отчет о происхождении индийской религии.

При прочтении книги г-на Макса Мюллера возникает глубокое впечатление необходимости одновременного изучения ранних религий и ранних обществ. Если верно, что в религии ранних индейцев отсутствовали именно те суеверия, такие детские, такие гротескные и все же такие полезные, которые мы находим в действии у современных племен и о которых мы читаем в истории, открытие даже более замечательное и важное, чем, кажется, предполагает автор *Лекций Хибберта*. Вряд ли нужно повторять, что негативные свидетельства Вед, религиозные высказывания мудрецов, сделанные во времена того, что мы могли бы назвать "героической культурой", никогда не смогут опровергнуть существование суеверий, которые, если бы они были распространены в прежнем опыте расы, составители гимнов, как замечает Барт, намеренно игнорировали. Нашей целью было защитить 'примитивность фетишизма'. Этим мы не хотим выразить какое-либо мнение относительно того, был ли фетишизм (в самом строгом смысле этого слова) раньше тотемизма, чем поклонение мертвым или чем произвольное чувство благоговения и ужаса, с которым определенные обширные явления могли воздействовать на первых людей. Мы лишь претендуем на то, чтобы могущественные и повсеместные практики фетишизма заняли место *среди* ранних элементов религии, и

настаиваем на том, что то, что является настолько универсальным, еще не было показано как "искажение" чего-то более древнего и чистого.

Одно замечание г-на Макса Мюллера подтверждает это мнение. Если фетишизм действительно является одним из самых ранних факторов веры в сверхъестественное; если он в своих самых грубых формах наиболее силен по сравнению с другими элементами веры среди наименее культурных рас (*изто* г-н Мюллер, вероятно, допустит) — среди какого класса культурных народов он дольше всего продержится? Очевидно, среди наименее культурных слоев населения, среди рыбаков, пастухов уединенных районов, крестьян отдаленных земель — короче говоря, среди *людей*. Забытый священными поэтами в кульминационный период чистоты религии, он останется среди суеверий деревенских жителей. Реального разрыва в непрерывности крестьянской жизни нет; современный фольклор - это (во многих отношениях) дикий ритуал. Теперь г-н Мюллер, когда он преуменьшал существование фетишизма в "Ригведе" (древнейшем собрании гимнов), признал его существование в "Атхарве" в новой[205] На стр. 151 мы читаем: "Атхарва-веда-Санхита - более поздний сборник, содержащий, помимо большого количества стихов Ригведы, *некоторые любопытные реликвии популярной поэзии, связанные с чарами, проклятиями и другими суеверными обычаями*". Курсив мой, и он призван подчеркнуть этот факт: — Когда мы оставляем мудрецов, риши, и смотрим на то, что *популярно*, смотрим на то, во что верил тот класс, который так сильно сохранил дикарскую практику повсюду, мы сразу оказываемся среди чар и фетишей! Это именно то, чего можно было бы ожидать. Если мы хотим разобраться в истории религии и мифологии, мы должны изучить, что общего у непрогрессивных классов Европы с австралийцами, бушменами и жителями Андаманских островов. Функция народа состоит в том, чтобы сохранить в фольклоре эти элементы религии, которые высокий долг мудреца и поэта - очистить в огне очищающей мысли. Именно по этой причине *ритуал* представляет (хотя мистер Макс Мюллер с любопытством говорит, что он, по-видимому, не обладает) огромный научный интерес. Ритуал держится с упорством суеверия за все, что когда-либо практиковалось. И все же, когда г-н Мюллер хочет узнать о *происхождении*, о действительной древней *практике*, он намеренно обращается к тому "великому собранию древней поэзии" (Ригведе), "в котором нет особого упоминания о жертвоприношениях", а не к Брахманам, которые полны ритуалов.

Кратко подведем итог: (1) Аргументы г-на Мюллера против очевидности и примитивности фетишизма, по-видимому, демонстрируют противоположное тому, что он намеревается ими доказать. (2) Его собственные свидетельства о *примитивной* практике взяты из документов *культурного* общества. (3) Его теория лишает это общество тех самых влияний, которые в других местах помогали Племеню, Семье, Рангу и Духовенству расти и формировать основу социального существования.

СНОСКИ:

[197] Лекции по языку. Вторая серия, стр. 41.

[198] Доказательства нашего знания верований, обычаев и идей дикарей можно найти в *Примитивной культуре*, главы 9-11.

[199] Третью ссылку на Павсания я не смог подтвердить. В рассказе Теофраста о суеверном человеке есть несколько упоминаний о греческих камнях-фетишах. Возможно, стоит обратить внимание на ряд греческих священных камней, названных Павсанием. В Беотии (ix. 16) люди

верили, что Алкмена, мать Геракла, превратилась в камень. Теспианцы поклонялись под именем Эроса необработанному камню, ἄγλα παλαίότατον, 'своему самому древнему священному объекту' (ix. 27). Жители Орхомена 'с особым почтением относились к определенным камням, "которые, как говорили, упали с небес", или к определенным фигурам из камня, которые спустились с неба' (ix. 38). Говорили, что недалеко от Херонеи Рея обманула Крона, предложив ему вместо Зевса камень, завернутый в пеленки. Этот камень, который Кронос извергнул после того, как проглотил его, был замечен Павсанием в Дельфах (ix. 41). На обочине дороги, недалеко от города Панопеев, лежат камни, из которых Прометей создал людей (x. 4). Камень, проглоченный его отцом вместо Зевса, лежал у выхода из Дельфийского храма и был ежедневно помазан елеем (сравните действие Иакова, Быт. xxviii. 18). Фокейцы поклонялись тридцати квадратным камням, каждый из которых был назван в честь бога (vii. xxii.). *"У всех греков грубым камням поклонялись перед изображениями богов"*. У трзенийцев перед храмом лежал священный камень, на котором восседали трзенийские старейшины и очищали Ореста от убийства его матери. В Аттике был конический камень, которому поклонялись как Аполлону (i. xliv.). Недалеко от Аргоса был камень под названием Зевс Каппотас, на который, как говорили, сел Орест и таким образом обрел душевный покой. Таковы примеры священных камней, древнейших предметов поклонения в Греции.

[200] Смотрите Очерки "[Аполлон и мышь](#)" и "[Ранняя история семьи](#)".

[201] Здесь я могу упомянуть случай, иллюстрирующий мотивы поклоняющегося фетишу. Мой друг, мистер Дж. Дж. Аткинсон, который в течение многих лет изучал нравы жителей Новой Каледонии, спросил местного жителя, *почему* он так дорожит неким фетишным камнем. Мужчина ответил, что во время одного из бдений, которые совершаются у тел умерших друзей, он увидел ящерицу. Ящерица - это тотем, почитаемое животное в Новой Каледонии. Туземец протянул руку, чтобы прикоснуться к нему, когда он исчез и на его месте остался камень. Поэтому он считал этот камень священным в высшей степени. Таким образом, здесь на фетиш-камень указал дух в виде ящерицы.

[202] Во многом та же теория изложена в лекциях г-на Мюллера "Наука о религии".

[203] Идея выражена в известной пародии на Вордсворта, о дереве, которое...

"Вырастет в десять раз выше меня
И проживет в десять раз дольше".

[204] Смотрите Эссе "[Ранняя история семьи](#)".

[205] С "Ведической религией" *Бержена* можно ознакомиться по ведическому фетишизму.

СЕМЬЯ.

РАННЯЯ ИСТОРИЯ СЕМЬИ.

Каковы первоначальные формы человеческой семьи? Был ли человек изначально моногамным или полигамным, но в любом случае хозяином своего собственного дома и надежным центром своих семейных отношений? Или изначально союзы полов были непостоянными, так что от самого мудрого ребенка не ожидали, что он узнает собственного отца, и семейные узы считались только через мать? Опять же (оставляя в стороне вопрос о том, что было 'примитивным' и 'оригинальным'), привели ли потребности и варварские привычки древних мужчин к нехватке женщин и, следовательно, к полиандрии (то есть браку одной женщины с несколькими мужчинами) с последующей неопределенностью в отношении мужского происхождения? Еще раз, допуская, что эти свободные и странные отношения полов действительно преобладают или были преобладавшими среди дикарей, есть ли какие-либо основания предполагать, что более сильные расы, арийские и семитские племена, когда-либо проходили через эту стадию диких обычаев? Таковы основные вопросы, обсуждаемые теми, кого мы можем назвать "историческими" и "антропологическими" исследователями древних обычаев.

Когда сэр Генри Мэн заметил в 1861 году, что трудно сказать, каким *не было* изначально человеческое общество, основанное на патриархальной семье, он, конечно, вышел за рамки истории. Что происходило при самом зарождении человеческого общества - вопрос, возможно, совершенно загадочный. Конечно, история не может дать ответа. Здесь на помощь приходят антрополог и физиолог со своими методами, и даже они, как нам кажется, могут пролить лишь неопределенный свет на само "происхождение" институтов и на строго примитивного человека.

В целях настоящего обсуждения мы здесь вновь изложим основные спорные моменты между сторонниками сэра Генри Мэна и м-ра М'Леннана, между исследователями истории и антропологии.

1. *Изначально* человек жил в патриархальной семье или же он вел более или менее измененный промискуитет, с неопределенностью кровных уз, и особенно мужского происхождения?
2. Вынуждали ли обстоятельства и обычаи в какое-то время мужчину (каким бы ни было его *первоначальное* состояние) прибегать к практикам, которые делали отцовство неопределенным и, таким образом, приводили к тому, что родство считалось через женщин?
3. Допуская, что некоторые расы были таким образом сведены к матриархальным формам семьи, то есть к формам, в которых женщина является постоянным признанным центром, есть ли какие—либо основания предполагать, что более сильные народы, такие как арийцы и семиты, когда—либо проходили через стадию культуры, на которой признавалось главным образом женское, а не мужское родство, вероятно, в результате полиандрии, когда много мужей приходились одной женой?

По этому третьему вопросу необходимо будет представить множество доказательств самого разного рода: доказательств, которые, в лучшем случае, могут, возможно, лишь обосновать вывод или презумпцию в пользу того или иного мнения. На данный момент беспристрастное изучение свидетельских показаний более важно и практически осуществимо, чем выдвижение какой-либо теории.

(1) *Изначально ли мужчина жил в патриархальной семье, где мужчина был хозяином своей самки или самок и своих детей? По этому первому пункту сэр Генри Мэн в своем новом томе, [206] можно сказать, что он настолько близок к доказательству своей правоты, насколько позволяют природа и содержание вопроса. Бахофен, М'Леннан и Морган - все они исходили из гипотетического состояния более или менее измененной сексуальной распушенности. Свидетельства Бахофена (на которые можно сослаться позже) были основаны на огромном количестве легенд, мифов и рассказов путешественников, главным образом о ранних арийских обычаях. Он обнаружил, как он это назвал, *гетаризм*, или промискуитет, у лидийцев, этрусков, персов, фракийцев, киренийских кочевников, египтян, скифов, троглодитов, назамонов и так далее. Точка зрения мистера М'Леннана, возможно, менее категорична, чем полагает сэр Генри Мэн. М'Леннан говорит, [207] что в развитии человеческих рас была стадия, когда не было такого закрепления женщин за определенными мужчинами; когда, короче говоря, брак, *как он существует среди цивилизованных наций*, не практиковался. О браке, *в этом смысле*, еще и не мечтали". М-р М'Леннан добавляет (стр. 130, 131): "Как и среди других стадных животных, союзы полов, вероятно, в древнейшие времена были свободными, преходящими и, в некоторой степени, беспорядочными".*

Сэр Генри Мэн противопоставляет теории м-ра М'Леннана утверждение м-ра Дарвина: "Из всего, что мы знаем о страстях всех четвероногих самцов, беспорядочные половые сношения в естественном состоянии крайне маловероятны". [208] По этому первому вопросу давайте признаем сэра Генри Мэна, мистера Дарвина и здравый смысл в том, что если самые ранние люди имели исключительно животный характер, то их союзы, пока они длились, вероятно, были моногамными или полигамными. Сексуальная ревность самца обеспечила бы такой результат, как это происходит у многих других животных. Давайте тогда поставим первое условие сэру Генри Мэну: допустим, что если человек был создан совершенным, то до Грехопадения он жил в моногамной семье; и что, если бы он эволюционировал как животное, неконтролируемые животные инстинкты привели бы к моногамии или патриархальной полигамии в строго примитивной семье.

(2) Заставляли ли обстоятельства и обычаи когда-либо или где-либо мужчину (каким бы ни было его первоначальное состояние) прибегать к практикам, которые делали отцовство неопределенным и, таким образом, приводили к отсутствию патриархальной семьи, когда родство считалось через женщин? Если ответить на этот вопрос утвердительно и сделать сферу действия различных причин достаточно широкой, то для теории м-ра М'Леннана не будет иметь большого значения, была ли строго первобытная семья патриархальной или нет. Если произошло отпадение от первобытной семьи, и если это отпадение было чрезвычайно общим, затронув даже арийскую расу, приверженцы мистера М'Леннана будут вполне удовлетворены. Их цель - показать, что семья, даже у арийской расы, развилась на стадии свободных связей с дикарями. Если это можно показать, то они не очень заботятся о так называемом первобытном человеке в собственном смысле этого слова. Сэр Генри Мэн фактически признает, что среди определенных рас, в определенных районах обстоятельства взяли верх над сексуальной ревностью, которая обеспечивает признание мужского происхождения. Там, где женщин было мало и где была велика бедность, ревность подавлялась, даже в Венеции восемнадцатого века. Сэр Х. Мэн говорит: 'Обычай' (обычай полиандрии — много мужей у одной жены) 'кажется мне таким, который обстоятельства, подавляющие мораль и порядочность, могут в любое время вызвать к жизни. Известно, что она возникла в туземной индийской армии.' Вопрос теперь в том, какие обстоятельства берут верх над моралью и порядочностью и таким образом

порождают полиандрию с ее необходимыми последствиями, когда это признанный институт — отсутствие патриархальной семьи и признание родства через женщин? Любые обстоятельства, которые приводят к большому дефициту женщин, будут способствовать этим результатам. Мнение мистера М'Леннана состояло в том, что главной причиной нехватки женщин был обычай женского детоубийства — убийства маленьких девочек в качестве *бесполезных детей*. Сэр Генри Мэн признает, что "причина, указанная М'Леннаном, является *vera causa* — она способна производить следствия".[209] Г-н М'Леннан собрал очень большую массу свидетельств, чтобы доказать широкое существование этой причины нехватки женщин. Пока эти доказательства не опубликованы, я могу только сказать, что, по мнению мистера М'Леннана, их было достаточно, чтобы продемонстрировать широкое распространение фактора, который является главной пружиной всей его системы.[210] О том, насколько чудовищно распространилось детоубийство среди женщин в Индии, каждый может прочитать в официальных отчетах полковника Дж. Макферсона и другие английские власти. *Камиларой и Курнай* мистера Файсона содержит несколько примечательных, хотя, на мой взгляд, и не убедительных аргументов другой стороны. Сэр Генри Мэн приводит еще одну причину нехватки женщин: скитания нашей расы и морские экспедиции.[211] Однако эта причина не была бы достаточно важной, чтобы изменить формы родства, когда захватчики (подобно ранним англичанам в Британии) находили население, которое они могли завоевать и женщин которого они могли присвоить.

Помимо любых вероятных выводов, которые могут быть сделаны из предполагаемой практики детоубийства женщин, установленные факты доказывают, что многие расы сейчас не живут или что недавно они не жили в патриархальной или современной семье. Они живут или действительно жили в полианدرических ассоциациях. Тибетцы, наиры, древние жители Британии (согласно Цезарю) и многие другие расы,[212] так же, как жители Маркизских островов и ирокезы (согласно Лафито), практикуют или практиковали полиандрию.

Теперь мы подходим к третьей и действительно важной проблеме — (3) Есть ли какие-либо основания предполагать, что более сильные народы, такие как арийцы и семиты, когда-либо проходили через стадию культуры, на которой в основном признавалось женское, а не мужское родство, вероятно, в результате полиандрии?

Итак, природа свидетельств, позволяющих предположить, что все арийцы прошли через австралийские институты, такие как полиандрия, чрезвычайно разнообразна. Многое из этого, несомненно, может быть объяснено. Но сила, которой обладают эти свидетельства (которые мы не хотим преувеличивать), проистекает из их сходимости к одному пункту, а именно к предшествующему существованию полиандрии и матриархальной семьи у арийцев до и после зарождения реальной истории.

Для наглядности мы можем здесь пронумеровать главы свидетельств, относящихся к этому вопросу. У нас есть —

1. Доказательства вывода из формы захвата в свадебных церемониях.
2. Свидетельство экзогамии: закон, запрещающий брак между лицами с одной фамилией.
3. Свидетельство тотемизма, то есть происхождение фамилии и герба или значка от какого-либо природного объекта, растения или животного.[213] Лица, носящие это имя, не могут

вступать в смешанные браки и, как правило, не могут употреблять в пищу предмет, от которого они получили свою фамилию и от которого, как они утверждают, произошли.

4. Свидетельства о *роде* Рима или *ὑένος* древней Греции в связи с тотемизмом.

5. Свидетельства из мифов и легенд.

6. Прямые исторические свидетельства о преобладании матриархальной семьи и наследовании по материнской линии.

Чтобы расположить эти различные свидетельства в их порядке, давайте начнем с...

(1) Форма захвата в свадебных церемониях. То, что эта форма сохранилась в Спарте, на Крите, в индийском праве, в традициях Ирландии, в популярных деревенских обычаях Уэльса, не отрицается.

Если мы придерживаемся мнения м-ра М'Леннана, что нехватка женщин (вызванная детоубийством или иным способом) является причиной привычки захватывать жен, мы можем увидеть в пережитках этой церемонии захвата у арийцев доказательство ранней нехватки женщин и вероятной полиандрии. Но оппонент может возразить, подобно мистеру Дж. А. Фарреру в "*Примитивных манерах*", что церемония пленения - это в основном уступка девичьей скромности среди ранних рас. Здесь можно заметить, что девушки диких племен печально известны своей расточительностью и нескромностью в отношении незаконных связей. Только честный брак вызывает румянец на щеках этих молодых особ. Это странно, но при нынешнем состоянии вопроса мы не можем полагаться на свидетельства церемонии пленения. Мы не можем продемонстрировать, что это происходит из того времени, когда нехватка женщин делала необходимым захват невест. Таким образом, "почести даются легко" в этой первой сделке.

(2) Следующее указание очень любопытно и требует гораздо более длительного обсуждения. Обычай *экзогамии* был впервые отмечен и назван мистером М'Леннаном. Экзогамия - это запрет на брак в пределах предполагаемого кровного родства, обозначаемого фамилией. Такой брак у многих отсталых рас считается кровосмесительным и карается смертью. Некоторые особенности, связанные с фамилией, должны быть отмечены позже. Теперь сэр Генри Мэн признает, что экзогамия, как она определяется таким образом, существует среди индусов. "Индус не может жениться на женщине, принадлежащей к той же *готре*, поскольку теоретически предполагается, что все члены *готры* произошли от одного и того же предка". То же правило действует и в Китае. 'В Китае есть большие группы родственных кланов, каждый из которых, как правило, носит одно и то же название клана. Они экзогамны; ни один мужчина не женится на женщине, носящей то же клановое имя, что и он сам.' Сэр Генри Мэн признает, что этот широкий запрет на брак был ранним арийским правилом, в то время как развивающаяся цивилизация постепенно разрешила брак в пределах, которые когда-то были запрещены. Греческая церковь сейчас (по словам мистера М'Леннана) и католическая церковь в прошлом запрещали смешанные браки, 'насколько это было известно о родстве'. Индуистское правило, по-видимому, идет еще дальше и запрещает браки, поскольку распространенное имя *готра*, по-видимому, просто указывает на родство.

Что касается древних римлян, Плутарх говорит: 'Раньше они не женились на женщинах, связанных с ними кровными узами, так же как теперь они не женятся на тетках или сестрах. Это

было задолго до того, как они начали вступать в браки с двоюродными братьями и сестрами. [214] Плутарх также отмечает, что в прошлые времена римляне не вступали в брак с *συγγενίδας*, и если мы можем перевести это как "женщины того же *рода*", экзогамный запрет в Риме был таким же полным, как и среди индусов. Я не совсем понял из рассказа сэра Генри Мэна о славянских домашних общинах (стр. 254, 255), не одобряют ли они все родственные браки или только браки внутри 'большой крови', то есть внутри родства по мужской линии. Он говорит: 'Южнославянцы приводят своих жен в группу, в которой они социально организованы, со значительного расстояния извне.... Всякий брак, требующий церковного разрешения, считается порочающим репутацию'.

В целом широкие запреты на брак архаичны: самые широкие - дикарские; самые узкие - современные и цивилизованные. Таким образом, индуистский запрет стар, варварски распространен. 'Варварский ариец, - говорит сэр Генри Мэн, - как правило, экзогамен. У него есть обширнейшая таблица запрещенных степеней'. Таким образом, экзогамия представляется пережитком варварства. Вопрос для нас в том, можем ли мы назвать экзогамию пережитком периода, когда (из-за нехватки женщин и полиандрии) четкие представления о родстве были невозможны? Если это можно доказать, экзогамные арийцы либо прошли через полиандрические институты, либо позаимствовали дикий обычай, пришедший из периода, когда представления о родстве были неясны.

Если бы мы только знали происхождение запрета вступать в брак под фамилией семьи, все было бы проще простого. В настоящее время миру представлено несколько теорий происхождения экзогамии. Г-н Морган, автор книги "*Древнее общество*", склонен относить запрет к великому раннему физиологическому открытию, на которое первобытные люди действовали в силу *противоположного социального положения*. Древний человек обнаружил, что дети с нездоровым телосложением рождались от родителей, состоящих в близком родстве. Мистер Морган говорит: 'Первобытные люди очень рано осознали пагубность близкого скрещивания'. В другом месте г-н Морган пишет: "Смешанные браки в *роде* были запрещены, чтобы обеспечить преимущества заключения брака с лицами, не состоящими в родстве'. Это соглашение "было продуктом высокого интеллекта", и г-н Морган называет его "реформой". [215]

Давайте рассмотрим эту очень любопытную теорию. Первое: мистер Морган предполагает, что древний человек сделал открытие (пагубность брака между близкими родственниками), которое ускользает от современной физиологической науки. Современная наука не установила, что браки между родственниками пагубны. Правдоподобно ли, что дикари открыли факт, который ставит науку в тупик? На это можно ответить, что современный уход, нянканье и медицинское искусство спасают детей от близких браков от последствий, которые были пагубны для детей первобытного человека. Во-вторых, мистер Морган предполагает, что этот варвар (столь печально известный своей безрассудностью в отношении завтрашнего дня) не только открыл пагубность междоусловного скрещивания, но и действовал в соответствии с этим с быстротой и самоотречением. В-третьих: мистер Морган, по-видимому, требует для обеспечения соблюдения экзогамного закона *контраста социального*. Более крупные сообщества встречаются и делятся на более мелкие группы, внутри которых запрещен брак. Этот "социальный пакт" подобен возвращению к идеям Руссо. В-четвертых: гипотеза приписывает древним людям знание и различение близких степеней родства, которыми они вполне могли бы обладать, если бы жили в патриархальных семьях, но которыми, *ex hypothesi*, они не могли обладать. Но это означает, что они действовали не на основании своих знаний.

Вместо того чтобы запрещать браки между родителями и детьми, двоюродными братьями, племянниками и тетями, дядями и племянницами, они запрещали браки в пределах имени родственника. Это все еще индийское правило, и, если римляне действительно когда-то не могли вступать в брак внутрирода, то это было римское правило. Теперь обратите внимание, что это правило не достигает той самой цели, для которой *ex hypothesi* оно было введено. Там, где фамилия идет по мужской линии, разрешены браки между двоюродными братьями и сестрами, как в Индии и Китае. Это те самые браки, которые некоторые теоретики сейчас осуждают как пагубные. Но, если фамилия идет по женской линии, разрешены браки между сводными братьями и сестрами, как в древних Афинах и у евреев времен Авраама. Еще раз, экзогамный запрет исключает в Китае, Америке, Африке, Австралии лиц, которые никоим образом не являются родственниками (согласно нашим представлениям), из смешанных браков. Таким образом, мистер Дулиттл пишет, [216] 'Мужчины и женщины с одной фамилией никогда не вступят в брак в Китае. Двоюродные братья, у которых разные фамилии предков, могут вступать в смешанные браки. Хотя предки лиц с одной фамилией не знали друг друга тысячи лет, они не могут вступать в смешанные браки.' Индийское правило *готры* производит те же эффекты.

По всем этим причинам, а также из-за невероятности физиологического открытия и моральной 'реформы', которая привела его в исполнение; и еще потому, что закон не из тех, которые могли бы принять люди, знакомые с близкими степенями родства; и еще потому, что закон не достигает своей предполагаемой цели, в то время как он достигает целей, к которым не стремился, — мы не можем принять предположение м-ра Моргана относительно происхождения экзогамии. Мистер М'Леннан не дождался публикации разработанной им тонкой теории происхождения экзогамии. В *Исследованиях по древней истории* он выдвинул гипотезу, основанную на детоубийстве женщин:—

Мы полагаем, что ограничения на вступление в брак связаны с существовавшей в ранние времена практикой детоубийства среди женщин, из-за чего женщин стало мало, что сразу привело к полиандрии внутри племени и захвату женщин извне.... Отсюда жестокий обычай, который, оставляя примитивные человеческие орды с очень небольшим количеством собственных молодых женщин, иногда вообще без таковых, и в любом случае серьезно нарушая баланс полов внутри орд, заставляет их охотиться друг на друга ради жен. Обычай, вызванный необходимостью, со временем породил быпредубеждение среди соблюдающих его племен, предубеждение, сильное как принцип религии, — как и любое предубеждение, связанное с браком, — против женитьбы на женщинах своего происхождения.

Мистер М'Леннан описывает свою собственную гипотезу как "предположение, отвергнутое вопреки тому, чего оно стоило". [217] В последние годы жизни, как мы уже говорили, он разработал очень тонкую и остроумную теорию происхождения экзогамии, все еще связывая ее с дефицитом женщин, но используя различные предполагаемые стадии и процессы в развитии закона. Это предположение остается неопубликованным. На мой взгляд, предположение, данное в *Исследованиях по древней истории*, кажется неадекватным. Мне трудно представить, что частая привычка красть женщин должна мешать мужчинам жениться на туземках, которые были у них под рукой. То, что это недомогание должно перерасти в позитивный закон, а нарушение закона будет рассматриваться как тяжкое преступление, кажется еще более немыслимым. У меня лично сложилось впечатление, что экзогамия может быть связана с каким-то древним суеверием или идеей, с которыми мы утратили связь и которые больше не можем

объяснить.[218] Возможно, это может быть только одна из форм тотемного табу. Вы не можете жениться на женщине вашего тотема, так же как вы не можете есть животное этого вида.

До сих пор рассмотрение экзогамии не пролило ясного света на главный вопрос — содержат ли обычаи цивилизованных рас пережитки женского родства. Согласно теории экзогамии мистера Льюиса Моргана, этот арийский обычай не связан с женским родством, полиандрией и нехваткой женщин. Согласно теории мистера М'Леннана, экзогамия является результатом нехватки женщин и подразумевает полиандрию и женское родство. Но ни одна из теорий не показала удовлетворительной. И все же нам не нужно отчаиваться в попытке извлечь некоторые доказательства из экзогамии, и эти доказательства, в целом, говорят в пользу общей гипотезы м-ра М'Леннана. (1) Экзогамный запрет должен был впервые вступить в силу, *когда родство учитывалось только с одной стороны семьи*. Это очевидно, независимо от того, предполагаем ли мы, что оно возникло в обществе, которое делилось на мужское или женское родство. В первом случае закон запрещает брак только с лицами, носящими фамилию отца, во втором случае - с лицами, носящими фамилию матери, и только их он признает родственными. (2) Наш второй момент гораздо важнее. Экзогамный запрет, должно быть, впервые вступил в силу, *когда родство было настолько малопонятным, что его лучше всего можно было обозначить фамилией*. Это было бы самоочевидно, если бы мы могли предположить, что запрет направлен на предотвращение браков между родственниками.[219] Если бы авторы запрета были знакомы с природой близкого родства, они бы просто (как это делаем мы) запретили браки между лицами в этих степенях. С другой стороны, сама природа запрета показывает, что родство понималось совершенно иначе, чем в нашей современной системе. Пределом родства везде было семейное имя: предел, который исключает многих настоящих родственников и включает многих, кто вообще не является родственниками. Особенно в Австралии, а также в Америке, Индии и Африке, в меньшей степени, это определение сородичей по фамилии на самом деле включает аллигаторов, дым, рисовые дыни, дождь, раков, сардины и все, что вам заблагорассудится.[220] Будет ли кто-нибудь утверждать, что люди, среди которых возник экзогамный запрет, были организованы по системе патриархальной семьи, которая позволяет легко понять природу родства с первого взгляда? Разве не ясно, что экзогамный запрет (по общему признанию арийский), должно быть, возник на той стадии культуры, когда представления о родстве были запутанными, включали родство с животными и растениями и были для нас почти, если не совсем, непонятны? Возможно даже, как говорит мистер М'Леннан,[221] "что предубеждение против женитьбы на женщинах одной группы могло установиться *до того, как факты кровного родства произвели какое-либо глубокое впечатление на человеческий разум*". Каким образом экзогамный запрет подтверждает эту точку зрения, будет показано далее при рассмотрении *тотемизма*.

(3) *Свидетельства тотемизма*. — Тотемизм - это название обычая, согласно которому группа (рассеянная по многим местным племенам) заявляет о своем происхождении от какого-либо растения, животного или другого природного объекта. Этот предмет, изображение которого иногда носят как значок или герб, представители племени отказываются есть. Как правило, запрещены браки между представителями рода - то есть между всеми, кто утверждает, что происходит от одного и того же объекта и носит один и тот же значок. Таким образом, экзогамный предел обозначается названием породы и гербом, а родство - это родство по отношению к волку, медведю, картофелине или любому другому объекту, признанному первоначальным предком. Наконец, как общее правило, родовое название передается по материнской линии, а там, где оно передается по отцовской, есть доказательства того, что этот

обычай сравнительно современный. Следует признать, что этот вид родства, который восходит к зверю, птице или дереву, который распознается у каждого человека, носящего одно и то же родовое имя, который подсчитывается по женскому полу и который определяет брачные обычаи, не является тем видом родства, которое естественным образом возникло бы среди людей, регулируемых патриархальной или монандральной семейной системой. Тотемизм, однако, является широко распространенным институтом, преобладающим на всем севере американского континента, также в Перу (согласно Гарсиласо де ла Вега); в Гвиане (негры принесли его с Африканского Золотого берега, где он в полной силе, как и среди бечуана); в Индии среди хос, гарос, кассос и ораонов; на островах Южного моря, где он оставил сильные следы в Мангайе; в Сибири и особенно на большом островном континенте Австралии. Семитские доказательства тотемизма (поклонение животным, экзогамия, утверждение о происхождении по женской линии) приведены профессором Робертсоном Смитом в *Филологическом журнале*, ix. 17, *Поклонение животным и племена животных у арабов, а также в Ветхом Завете*. Можно привести много других примеров тотемизма (особенно из Египта), но мы должны ограничиться следующими вопросами:—

1. Какой свет тотемизм проливает на первоначальную форму семьи? 2. Там, где мы находим пережитки тотемизма среди цивилизованных рас, можем ли мы заключить, что эти расы (из-за нехватки женщин) когда-то были организованы не по патриархальной модели?

Что касается первого вопроса, мы должны помнить, что происхождение и определяющие причины тотемизма до сих пор неизвестны. Теория М'Леннана о происхождении тотемизма никогда не публиковалась.^[222] Можно без обиняков сказать, что м-р М'Леннан когда-то считал, что тотемизм возник в период, когда идеи родства едва ли существовали вообще. 'Люди думали только о том, чтобы отличить друг друга', как говорит Гарсиласо де ла Вега: тотем был всего лишь знаком, который носили все люди, находившиеся в близких отношениях; возможно, в одной пещере или ряде пещер. Люди, объединенные смежностью и слепым чувством родства, еще не доведенным до явного сознания, могли отмечать себя значком и, следовательно, могли заимствовать имя, а позже могли изобрести миф о своем происхождении от объекта, который изображал значок. Я не знаю, было ли замечено, что тотемы, как правило, представляют собой объекты, которые можно легко нарисовать или вытатуировать, и еще легче обозначить языком жестов. Некоторые интересные факты можно найти в *Первом ежегодном отчете Бюро этнологии*, стр. 458 (Вашингтон, 1881). Здесь мы читаем, что племя 'Ворон' обозначается на языке жестов 'руками, вытянутыми по бокам и рассекающими воздух на манер полета'. На бунаков (другое птичье племя) указывает имитация крика птицы. При упоминании Змей рука имитирует ползущее движение змеи, а пальцы, направленные вверх за ухо, обозначают Волков. Очевидно, что имена тотемного рода хорошо подходят для удобства дикарей, которые много общаются на языке жестов. Прежде всего, сама природа тотемизма показывает, что он принял свою нынешнюю форму в то время, когда люди, животные и растения считались физически родственными; когда имена передавались по женской линии; когда экзогамия была правилом брака и когда семья теоретически включала всех лиц, носящих одну и ту же фамилию, то есть всех, кто заявлял о родстве с одним и тем же растением, животным или предметом, независимо от того, действительно ли эти лица родственны или нет. Эти идеи и обычаи не являются идеями, естественными для людей, воспитанных в патриархальной семье.

Теперь возникает второй вопрос: можем ли мы заключить из пережитков тотемизма среди арийцев, что эти арийцы когда-то были организованы по полностью тотемистическому

принципу, вероятно, с полиандрией и, безусловно, с женским происхождением? Там, где тотемизм сейчас существует в полную силу, мы находим экзогамию и происхождение фамилии через женщин, причем последний обычай указывает на неопределенность мужского происхождения в прошлом. Должны ли мы верить, что одни и те же институты существовали везде, где мы находим пережитки тотемизма? Если с этим согласиться и если предполагаемые пережитки тотемизма среди арийцев будут приняты как подлинные, то арийцы явно прошли через период родства, считающегося через женщин, со всеми вытекающими из такого института последствиями.[223] За указаниями на то, что арийцы Греции и Индии прошли через стадию тотемизма, читателя можно отсылать к "Поклонению растениям и животным" М'Леннана (*Двухнедельное обозрение*, 1869, 1870). Не все представленные там доказательства имеют одинаковую ценность, и документы представляют собой лишь поспешный набросок, основанный на первых попавшихся под руку свидетельствах. Вероятно, наиболее важным 'пережитком' тотемизма в греческих легендах является совокупность историй об любовных похождениях Зевса в животном обличье. Различные знатные дома вели свое происхождение от Зевса или Аполлона, которые в образе быка, черепахи, змеи, лебедя или муравья соблазнили мать рода человеческого. Мать аркадийцев превратилась в медведицу, подобно матери медвежьего племени ирокезов. Поскольку мы знаем множество рас по всему миру, которые (подобно греческим королевским домам) ведут свое происхождение от змей, черепах, лебедей и так далее, справедливо предположить, что предки греков когда-то верили в те же басни. В более поздние времена лебедь, змея, муравей или черепаха объяснялись как *аватара* Зевса. Процесс, посредством которого антропоморфный бог или герой становится преемником подвигов животных, териоморфных богов и героев, является наиболее распространенным в мифологии и иллюстрируется реальной практикой в современной Индии. Когда брахманы обращают в свою веру племя аборигенов, поклоняющихся свинье, они говорят своим новообращенным, что свинья была аватарой Вишну. Тот же процесс наблюдается и там, где японцы оказали влияние на диких айно и убедили их, что их отец-медведь или собака - был проявлением божества. Мы знаем из Плутарха (*Тесей*, vii. viii.) что один карийский *ὑένος*, иоксидай, почитал спаржу, потому что она была дружелюбна к их прародительнице, как и подобает тотему. Более смутные признаки тотемизма, возможно, можно обнаружить в древних териоморфных статуях греческих богов, таких как Зевс-баран и Деметра с Лошадиной головой, а также в различных животных и растениях, которые были посвящены каждому богу и изображались как его спутники.[224]

Интересны намеки на тотемизм у древних ирландцев. Один герой, Конайре, был сыном птицы, и перед его рождением его отец (птица) сказал женщине (его матери), что ребенок никогда не должен есть мясо птицы. "Твоего сына назовут Конайре, и этот сын не будет убивать птиц".[225] Герой Кухуллен, названный в честь собаки, мог не есть собачье мясо и погиб после нарушения этого тотемистического табу. Расы, названные в честь животных, были распространены в древней Ирландии. Благородные олени и волки были племенами, обитавшими неподалеку от Оссори, и профессор Рис, судя по частоте собачьих кличек, склонен верить в тотем собаки в Эрине. Согласно древнеирландским "Чудесам Эри" в *Книге Глендалоха*, "потомки волка находятся в Оссори", и они все еще могут превращаться в волков.[226] Что касается наших англосаксонских предков, то существует мало свидетельств, кроме того факта, что имена (во многих случаях отчества) ранних поселений Биллингс, Арлингс и остальных, несомненно, происходят от животных и растений. Способ, которым эти имена разбросаны по всему миру, в точности подобен тому, что происходит в Америке, Африке и Австралии в результате

тотемистической организации.[227] В Италии хорошо известен древний обычай, согласно которому животные были лидерами *крестцовой кости* или вооруженной миграции. У пичени знакомым животным или тотемом (если можно так выразиться) был дятел; гирпини были похожи на "потомков волка" в Оссори и практиковали танец волка, в котором они имитировали действия животного.

Таково краткое изложение свидетельств, которые намекают на то, что арийцы, возможно, когда-то были тотемистами, следовательно, дикарями, и поэтому, опять же, вероятно, находились на стадии, когда женщин было мало и у каждой женщины было много мужей.

(4) *Свидетельства рода или γένος*.— В истории древнего мира нет более загадочной темы, чем происхождение и природа сообщества, которое римляне называли *родом*, а греки - *γένος*. Настоящему автору кажется, что ни одно существующее сообщество людей, ни тотемный род, ни клан, ни домашняя община, *ниготра*, точно не соответствует *роду* или *γένος*. Наша информация об этих формах общества скудна и запутанна. Самое важное, на что следует обратить внимание на данный момент, это тот факт, что и в Греции, и в Риме *γένος* и *род* были чрезвычайно древними, настолько древними, что *γένος* в Греции приходил в упадок, когда начиналась история, в то время как в Риме мы можем отчетливо видеть быстрый упадок и распад *рода*. Согласно законам Двенадцати Таблиц, *род* является могущественной и уважаемой корпорацией. Во времена Цицерона природа *рода* была предметом, но понималась смутно. Тацита начинает смущать родовая номенклатура. В Империи языческий закон исчезает. В Греции, особенно в Афинах, ранние политические реформы передали власть от *γένος* чисто местной организации, *Деме*. Грек исторических времен не объявлял свое *γένος* от своего имени (как всегда делали римляне), но называл свое собственное имя, имя своего отца и имя своего рода. Таким образом, мы можем заключить, что в греческом и римском обществе *γένος* и *роды* были умирающими, а не растущими организациями. В очень ранние времена, вероятно, иностранные *роды* были приняты *en bloc* в Римское содружество. Весьма вероятно также, что знатная семья, вступив в римские узы, могла посредством вымысла принять характер и название *рода*. Но то, что римское общество в исторические времена или греческое общество могло развить новый *род* или *γένος* нормальным естественным путем, кажется чрезвычайно невероятным.

Имея в виду древний и "устаревший" характер *рода* и *γένος*, давайте рассмотрим теории происхождения этих ассоциаций. Сами римляне очень мало знали об этом деле. Цицерон цитирует изречение понтифика Сцеволы, согласно которому *род* состоял из *всех лиц с одним и тем же родовым именем*, которые никоим образом не были дисквалифицированы. [228] Таким образом, в Америке, Австралии или Африке все люди, носящие одно и то же тотемное имя, принадлежат к этому тотемному роду. Фест определяет членов *рода* как лиц одного происхождения и одной фамилии. Варрон говорит (в качестве иллюстрации соотношения слов и падежей): 'Ab Æmilio homines orti Æmilii sunt язычники'. Два первых определения соответствуют концепции тотемного рода, которого объединяет его фамилия и вера в идентичность происхождения. Варрон добавляет к римскому *роду* элемент общего происхождения от одного предка по мужской линии. Такова была концепция *рода* в исторические времена. В своем роде это было объединение родственников, реальных или предполагаемых. Согласно законам Двенадцати Таблиц, язычники наследовали имущество человека без завещания, не имеющего агната, и при тех же обстоятельствах находились под опекой сумасшедших. У *The рода* был свой собственный *сакеллум*, или часовня, и свои

собственные *сакры*, или религиозные обряды. Весь *род* иногда надевал траур, когда кому-то из его представителей не везло. Было бы интересно, если бы можно было показать, что *сакра* обычно были примерами поклонения предкам, но слабые указания на этот предмет едва ли позволяют нам утверждать это.

В целом, сэр Генри Мэн твердо придерживается мнения, что *род* с самого начала имел 'реальное ядро агнатического кровного родства'. Но он справедливо признает принцип подражания, который побуждает людей копировать любое модное учреждение. Каким бы ни было реальное происхождение *рода*, многие *роды*, вероятно, были копиями, основанными на фикции общего происхождения.

Таким образом, согласно системе сэра Генри Мэна, *род* скорее доказывает постоянное существование признанных мужских потомков среди народов, где он существует.^[229]

Противоположная теория *рода* - это та, к которой склонялся М'Леннан. "Состав и организация греческих и римских племен и содружеств не могут быть хорошо объяснены иначе, как исходя из гипотезы, что они возникли в результате совместного действия в древние времена экзогамии и системы родства только по женской линии".^[230] "*Род*, - добавляет он, - состоял из всех членов племени, носящих одно и то же имя и относящихся к одному и тому же роду. Были ли *роды* действительно разного происхождения, как следует из их названий и как верили люди? Если да, то как получилось, что кланы разных племен объединились в одно племя?... Как получилось, что множество таких групп разного происхождения объединились в местное племя?" Мистер М'Леннан считал, что на эти вопросы нельзя ответить с точки зрения патриархальной гипотезы. Его собственная теория, или, скорее, его теория в понимании настоящего автора, может быть сформулирована следующим образом. В древнейшие времена существовали однородные группы, которые становились тотемными родственниками. Предположим, что в определенном районе существовали группы, называемые дятлами, волками, медведями, солнцами, свиньями, каждая со своей небольшой территорией. Эти группы были экзогамными и получили название по материнской линии. Таким образом, со временем, когда люди солнца женились на девушке-волчице, и ее дети были волками, на территории солнц появились бы волки, и, таким образом, каждое стадо было бы разбросано по всем населенным пунктам, точно так же, как мы видим в Австралии и Америке. Давайте предположим, что (как, несомненно, происходит в Австралии и Америке) происхождение по отцовской линии будет признано в обычае. Это изменение не удивит сэра Генри Мэна, который признает, что система мужского происхождения может измениться под воздействием обстоятельств на систему женского происхождения. Со временем, по мере развития знаний и здравого смысла, старое суеверие о происхождении от дятла, медведя, волка, солнца или чего-то еще становится несостоятельным. Человеческое имя присвоено группой, которая называла себя дятлами или волками, или, возможно, местным племенем, в которое входят некоторые из этих групп. Тогда вымышленный предок человека принимается и, возможно, даже обожается. Таким образом, волки могли бы называть себя Клавдиями, по имени своего вождя, и, отказавшись от веры в происхождение от волка, могли бы обратиться к воображаемому предку по имени Клавдий. Результатом этих изменений будет то, что экзогамный тотемный род с женским происхождением превратился в *род* с мужским родством и лишь слабыми следами экзогамии. Пример несколько сходных процессов, должно быть, произошел в кланах горцев после введения христианства, когда христианское имя вождя стало отчеством людей, которые заявляли о своем родстве с ним и владели его властью.

Есть ли вообще какие-либо следы тотемизма в том, что мы знаем о римских *родах*? Конечно, следы очень слабые; возможно, они видны только глазу бесстрашного антрополога. Я даю им то, чего они стоят, просто отмечая, что они соответствуют, насколько это возможно, тотемистической теории. Читатель, заинтересованный в этом предмете, может обратиться к книге ученого Стрейниуса "*О романских обычаях*", стр. 104 (Альдус, Венеция, 1591).

Среди хорошо известных тотемов дикарей нет более знакомого, чем солнце. Люди утверждают, что произошли от солнца, называют себя его именем и носят его изображение как значок.^[231] Были ли солнца в Риме? *Род* Аврелиев так описывается авторитетом Феста Помпея: 'Аврелии были сабинянами по происхождению. Аврелии были названы так в честь солнца (*aurum, urere*, горящая вещь), потому что для них было отведено отдельное место, где они могли поклоняться солнцу.' Здесь, по крайней мере, налицо странное совпадение. Среди других языческих названий *Fabii, Corneli, Papirii, Pinarii, Cassii*, возможно, связаны с растениями; в то время как дикая этимология может ассоциировать *Porcii, Aquilii* и *Valerii* со свиньями и орлами. Плиний (X. H., XVIII. 3) дает фантастическое объяснение названиям овощей римских *родов*. Мы должны помнить, что названия овощей очень распространены в американских, индийских, африканских и австралийских тотемных семьях. Известными примерами названий солнца являются натчез и инки Перу. Обращаясь от Рима к Греции, мы обнаруживаем, что *ἥνους* менее уважаемы и более декадентны, чем *gens*. Тем не менее, согласно Гроту (iii. 54), у *ἥνους* было — (1) *Sacra*, 'в честь того же бога, который, как предполагается, был первобытным предком'. (2) Общее место захоронения. (3) Определенные права наследования собственности. (4) Обязательства по взаимной помощи и защите. (5) Взаимные права и обязанности вступать в смешанные браки в определенных случаях. (6) Иногда владение общим имуществом.

Следов тотема у греков *ἥνους*, естественно, немного. Почти все известные *ἥνους* носили отчества, производные от личных имен. Но не лишено значения, что аттические владения часто принимали названия устаревших *ἥνους*, и что названия владений, как говорит м-р Грот (iii. 63), часто "производились от растений и кустарников, которые росли по соседству". Мы уже видели, что по крайней мере один древний *ἥνους*, иоксидай, почитал растение, которое, как гласит миф, подружилось с их прародительницей. Одно можно сказать наверняка: названия тотемов и распространенное объяснение названий тотемов в Австралии соответствуют названиям и объяснению мистером Гротом названий аттических владений. 'Одним из источников семейных имен,' говорит сэр Джордж Грей (ii. 228), - которые часто приписываются туземцами, является то, что они произошли от какого-либо растения или животного, распространенного в местности, которую населяла семья'. Некоторые авторы пытаются показать, что аттический *ἥνους* когда-то был экзогамным и считался родственником по материнской линии, ссылаясь на обычай, который позволял мужчине жениться на своей сводной сестре, ребенке его отца, но не матери. Они делают вывод, что это разрешение сохранилось с тех времен, когда дети *отца* мужчины не считались его родственниками, и когда родство считалось по линии матерей. Сэр Генри Мэн (стр. 105) предпочитает теорию М. Фустеля де Куланжа о том, что брак сводных братьев и сестер со стороны отца был направлен на сохранение доли девочки в семейном поместье. Доказательством этого может служить изучение всех зарегистрированных случаев таких браков в Афинах. Но предложенная таким образом причина в равной степени оправдывала бы брак между братьями и сестрами с обеих сторон, и это считалось кровосмешением. Хорошо известная строка Аристофана показывает, насколько сильными были чувства афинян по поводу нечестивых отношений с сестрой по матке.

В целом, приведенные нами свидетельства имеют тенденцию устанавливать некоторые связи между древними *γένος* и *родами* и тотемными родами дикарей. Указания не очень убедительные, но все они указывают в одном направлении. Принимая во внимание высокую цивилизацию Рима и Греции на самой заре истории — принимая во внимание сильную природную склонность этих народов к утонченности — почти удивительно, что сохранились даже те незначительные свидетельства, которые мы рассматривали.

(5) Мы предлагаем не делать особого акцента на свидетельствах из мифов и легенд. Но, поскольку легенды были придуманы антропологами не для того, чтобы доказать свою точку зрения, странно, что афинские традиции, сохраненные Варроном, говорят о времени, когда имена производились от матери и когда преобладала распущенность. Сам брак был учрежден Кекропсом, змеей, точно так же, как ящерице в Австралии приписывают это полезное изобретение.^[232] Подобные легенды среди неарийских рас, китайцев и египтян, очень распространены.

(6) Остаются свидетельства реальных фактов и обычаев среди арийских народов. У ликийцев, согласно Геродоту, "есть этот особый обычай, в котором они не похожи ни на кого другого, они получают свои имена от своих матерей, а не от отцов, и через матерей ведут свой род". Статус также передавался через матерей.^[233] Мнение старого автора о том, что обычай (столь распространенный в Австралии, Америке и Африке) был уникальным, само по себе является доказательством его добросовестности. Бахофен (стр. 390) отмечает, что в нескольких ликийских надписях приводятся имена только матерей. Полибий приписывает (приводя фантастическую причину) тот же обычай считать родственников по материнской линии локрийцам.^[234] Британский и ирландский обычай передавать потомство по женской линии хорошо известен,^[235] и рассказывается история, объясняющая эту практику. Родословные британских королей показывают, что большинство из них не унаследовали своих отцов, а различные записи о ранней кельтской морали доказывают, что никакая другая система родства, кроме материнской, не имела бы никакой ценности, настолько неопределенным было отцовство. Это всего лишь намеки на преобладание институтов, сохранившихся среди тевтонских рас, в том значении, которое придавалось родству сына сестры мужчины. Хотя сын сестры больше не был его законным наследником, он был едва ли не ближе, чем любой другой родственник.^[236]

Теперь мы суммировали и указали на характер доказательств, которые в целом склоняют нас к вере мистеру М'Леннану, а не сэру Генри Мэну. Точка, к которой сходятся все приведенные показания, объяснение, которое легче всего разрешает все трудности, - это объяснение мистера М'Леннана. Арийские расы в целом прошли через стадию дефицита женщин, полиандрии, отсутствия признанного мужского родства и признания родства через женщин. То, что сэр Генри Мэн признает исключением, мы склонны рассматривать как то, что в очень отдаленном прошлом было правилом. Ни одного свидетельства — ни следов брака путем захвата в плен, ни экзогамии, ни тотемизма, ни традиций, ни известных фактов у ликийцев, пиктов и ирландцев — не было бы достаточно, чтобы направить наше мнение в этом направлении. Но совокупная сила показаний поражает нас как немалая, и следует помнить, что эти показания еще не были тщательно собраны.

Давайте закончим, показав, как это обсуждение иллюстрирует метод фольклора. Мы обнаружили аномалии среди арийцев. Мы видели, что *род* - странный, приходящий в упадок

институт. Мы видели, как греческие семьи заявляли о своем происхождении от различных животных, которых называли Зевсом или другим переодетым богом. Мы обнаружили, что они прослеживали родство и получали имена от матери. Мы нашли подборки с названиями животных и овощей. Мы нашли вступающих в брак сводных братьев и сестер. Мы отметили запреты вступать в брак с кем-либо из представителей одной фамилии. Все эти институты - странные, аномальные, разлагающиеся явления среди арийцев, и чем более цивилизованны арийцы, тем больше они разлагаются. Все они являются живыми, активными существами среди дикарей и отнюдь не являются аномальными, а находятся в точной гармонии с дикарскими представлениями о мире. Несомненно, тогда, там, где они кажутся разлагающимися и аномальными, как у арийцев, эти обычаи и законы являются разлагающимися пережитками идей и практик, естественных и неизбежных среди дикарей.

СНОСКИ:

[206] *Ранний закон и обычай*.

[207] *Исследования по древней истории*, стр. 127.

[208] *Происхождение человека*, ii. 362.

[209] *Ранний закон и обычай*, стр. 210.

[210] Здесь я хотел бы отметить, что теория мистера М'Леннана была не такой твердой и последовательной, как его манера (манера очень убежденного сторонника своих собственных идей) может заставить некоторых исследователей предположить. Сэр Генри Мэн пишет, что и м-р Морган, и м-р М'Леннан 'мне кажется, что человеческое общество повсюду проходило через одну и ту же серию изменений, и м-р М'Леннан, во всяком случае, выражается так, как будто все эти стадии можно четко отличить друг от друга, и о завершении одной и начале другой объявляется с отчетливостью колокола, возвещающего конец часа". С другой стороны, я помню, как м-р М'Леннан сказал, что, по его мнению, "всевозможные мероприятия, вероятно, происходили одновременно в разных местах'. В *Исследованиях по древней истории*, стр. 127, он прямо предостерегает от тенденции 'предполагать, что прогресс различных человеческих рас от дикости был равномерным прогрессом: что все стадии, через которые прошла любая из них, были пройдены всеми в своем порядке'. Еще более важным является его замечание о полиандрии у самых ранних греков и других арийцев; "Это вполне согласуется с моим мнением, что во всех этих странах (Персия, Спарта, Троя, Ликия, Аттика, Крит и т.д.) монархия и даже *patria potestas*, возможно, в какой-то момент преобладали".

[211] *Ранний закон и обычай*, стр. 212.

[212] *Исследования по древней истории*, стр. 140-147.

[213] *Тотем* - название, которое обычно путешественники и переводчики дают фамильным гербам краснокожих индейцев. Ср. стр. 105.

[214] Плутарх, *Вопрос. Рим.*, vi. Ср. М'Леннан, *Патриархальная теория*, стр. 206-208.

[215] Ср. Мэн, *Ранний закон и обычай*, стр. 227, 228.

[216] *Домашние нравы китайцев*, i. 99.

[217] *Двухнедельное обозрение*, 1 июня 1877г.

[218] Ср. сэра Джон Лаббок, *Происхождение цивилизации*, стр. 104, 125 и последующие.

[219] Однако мы не делаем такого предположения. Учитывая, каким, должно быть, был действительно *примитивный* брак, внутри группы могло возникнуть предубеждение против него. Любой, кто знаком с новокаледонскими и арабскими брачными обычаями, поймет это предложение.

[220] *Камиларой и Курнай*, стр. 169. Туземцы называют эти предметы своими сородичами, "одной плоти" с ними.

[221] *Исследования*, стр. 112.

[222] Из "*Патриархальной теории*" (Предисловие, стр. vii.) выясняется, что мистер М'Леннан отказался от своей гипотезы и перестал придерживаться какой-либо точки зрения на происхождение тотемизма.

[223] Некоторые критики поняли меня так, что я утверждаю, что следы арийского тотемизма сохранились. Я просто указываю на признаки, которые, как представляется (в сочетании с другими доказательствами), указывают в этом направлении. Какое другое столь же правдоподобное объяснение предлагается?

[224] Ср. "Аполлон и мышь", стр. 118.

[225] О'Карри, *Нравы древних ирландцев*, л. cccxix., цитирую Trin. Колл. Дублин, ср.

[226] Смотрите также "*Истоки английской истории*" Элтона, стр. 299-310.

[227] "*Саксы в Англии*" Кембла, стр. 258. *Политика Аристотеля*, Болланд и Ланг, стр. 99. [A]

[A] Мистер Грант Аллен любезно предоставил мне некоторое время назад список названий животных и растений, сохранившихся в названиях древних английских деревенских поселений. Среди них: ясень, береза, медведь (как у ирокезов), дуб, самец, ель, папоротник, солнце, волк, колючка, коза, лошадь, лосось (форель является тотемом в Америке), лебедь (распространен в Австралии) и другие. Можно возразить, как и м-р Исаак Тейлор, что такие названия в Англии просто описывали местные особенности, хотя в Азии, Индии, Африке, Австралии, Самоа, Египте подобные названия происходят от тотемизма.

[228] "Язычники живут не среди своих, а среди номинантов". Qui ab ingenii oriundi sunt. Quorum majorum nemo servitutem servivit. Qui capite non sunt deminuti.'

[229] Аргументы другой стороны в *Патриархальной теории* М'Леннана кажутся непреодолимыми.

[230] *Исследования по древней истории*, стр. 212.

[231] *Двухнедельный обзор*, октябрь 1869 г.: "Археология Америки", ii. 13.

[232] Suidas, 3102.

[233] Ирод., i. 173. Нет единого мнения о том, что ликийцы были арийцами, но локрийцы, несомненно, были!

[234] Ср. Бахофен, стр. 309.

[235] Сравните *ирландского Ненния*, стр. 127.

[236] Тацит, *Германия*, XX.

ИСКУССТВО ДИКАРЕЙ.[237]

"Избегайте Кольриджа, он *бесполезен*", - говорит мистер Раскин. Почему поэзия Кольриджа должна быть полезной? Этот вопрос может заинтересовать критика, но нас здесь интересует только мистер Раскин по одной причине. Его пренебрежительное отношение к Кольриджу как 'бесполезному' - пережиток веры в то, что искусство должно быть 'полезным'. Таков взгляд дикаря на искусство. Он подражает природе в танце, песне или в пластическом искусстве с определенной практической целью. Его танцы - это магические танцы, его образы созданы с магической целью, его песни - это заклинания. Таким образом, теория о том, что искусство является бескорыстным выражением способности к подражанию, едва ли подтверждается тем немногим, что мы знаем о зарождении искусства. Мы примем, предварительно, гипотезу о том, что самое раннее искусство, с которым мы знакомы, принадлежит дикарям, современным или вымершим. Некоторые философы могут сказать нам, что все известные дикари - всего лишь деградировавшие потомки ранних цивилизованных людей, которые, к несчастью и необъяснимому, не оставили никаких следов своей цивилизации. Но мы будем отстаивать противоположную теорию, что искусство австралийцев, например, действительно более древнее по своему характеру, более отсталое, более близкое к грубым истокам вещей, чем искусство людей, достигших некоторого мастерства в гончарном деле, таких как жители Новой Каледонии. Они, опять же, гораздо более отсталые, находящиеся в состоянии действительно гораздо более раннем, чем древние расы Мексики и Перу; в то время как они, в свою очередь, демонстрируют лишь несколько следов продвижения к искусству Египта; а искусство Египта, по крайней мере после времен Древней империи, едва ли продвигается в направлении безупречного искусства Греции. Мы сможем показать, как дикое искусство австралийцев развивается в варварское искусство новозеландцев; в то время как искусство странных цивилизаций, таких как Перу и Мексика, продвигается на шаг вперед; и как, опять же, в раннем искусстве Греции, в греческом искусстве эпох, предшествовавших Периклову, есть остатки варварских форм, которые постепенно смягчаются до красоты. Но на пути прогресса обязательно бывают перерывы и решения, обеспечивающие преемственность.

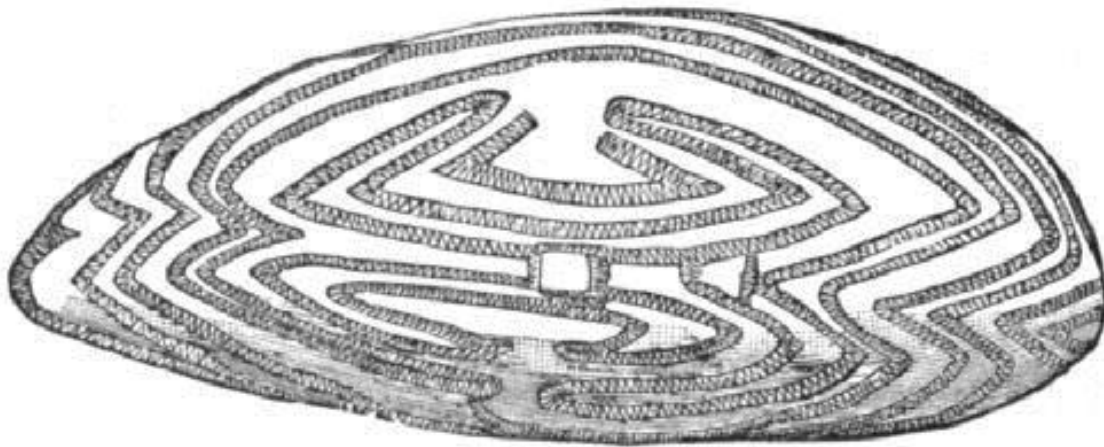

Рис. 1. Австралийский щит.

Одна из старейших проблем уже встала перед нами в связи с поставленным вопросом: является ли искусство удовлетворением способности к подражанию? Так вот, среди низших, самых необразованных, хуже всего оснащенных дикарей современных рас искусство в целом носит скорее декоративный характер, чем имитационный. Узоры на австралийских щитах и дубинках, шрамы, которые они оставляют на собственной плоти посредством татуировки, очень редко являются имитацией каких-либо объектов в природе. Австралийцы, как и краснокожие индейцы, как и многие африканцы и некоторые коренные индейские расы, перуанцы и другие, различают свои семьи по названиям различных растений и животных, от которых каждая семья может похвастаться своим происхождением. Таким образом, у вас есть семейство, называемое кенгуру, произошедшее, как они воображают, от кенгуру; другое от какаду, третье от черной змеи и так далее. Теперь во многих частях земного шара этот обычай и это суеверие в сочетании со способностью человека к подражанию породили форму искусства, представляющую предметы, от которых, как утверждают, происходят семьи. Это искусство представляет собой разновидность грубой геральдики — вероятно, истоки геральдики. Таким образом, если краснокожий индеец (скажем, делавар) принадлежит к семейству Черепаших, он изображает черепаху на своем щите или плаще, возможно, вытатуирует или раскрасит свою грудь изображением черепахи и всегда носит черепаху, *перевернутую*, изображенную на столбе над его могилой, когда он умирает, точно так же, как в наших средневековых хрониках леопарды английского короля изображены перевернутыми на его гербе напротив записи о его смерти. Но австралийцы, насколько мне известно, хотя они во многом руководствуются верой в происхождение от животных, обычно не изображают свой герб ни на теле, ни на деревьях рядом с местом захоронения мертвых. Они не достигли такого уровня имитационного искусства, хотя изобрели или унаследовали своего рода руны, которые они вырезают на палочках и которыми они передают друг другу тайные послания. Однако уроженцы Верхнего Дарлинга вырезают на своих щитах фамильные гербы. Говорят, что мурри вместо использования имитационного искусства, я не совсем уверен, насколько это соответствует действительности, указывают на различие семей с помощью расположения узоров, линий и точек, вытатуированных на груди и руках и вырезанных на коре деревьев вблизи мест захоронений. В любом случае, отсутствие грубого имитационного искусства геральдики среди расы, обладающей всеми социальными условиями, которые порождают это искусство, является фактом, заслуживающим внимания, и само по себе доказывает, что исконное искусство одной из самых отсталых известных нам рас по сути не является имитационным.

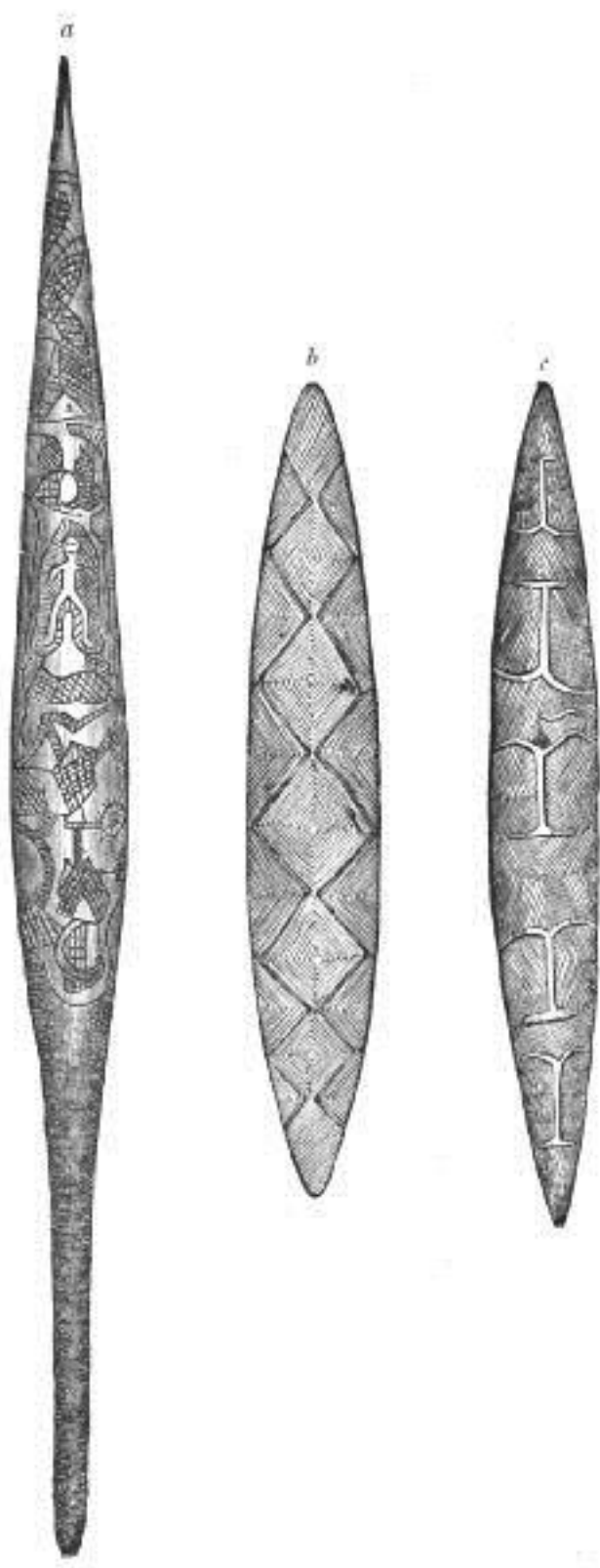

Рис. 2.

Любой, кто ознакомится с коллекцией австралийского оружия и утвари, придет к такому выводу. Щиты и дубинки искусно обработаны, но почти всегда без каких-либо изображений растений, животных или человеческой фигуры. Как правило, украшения имеют простую форму узора

‘селечная кость’ или таких других узоров, которые можно создать без помощи спиралей, изгибов или кругов. Существует естественная и необходимая причина такого выбора декора. Австралийцы, работающие с твердым деревом, инструментами из кремня, битого стекла или острых раковин, не могут легко создать какие-либо изогнутые линии. Каждый, кто в детстве вырезал свое имя на коре дерева, помнит, с какими трудностями он сталкивался с буквами S и G, в то время как он легко справлялся с такими буквами, как M и A, которые состоят из прямых или наклонных линий. Художник-дикарь испытывает те же трудности со своими грубыми инструментами в создании чего-либо похожего на удовлетворительные изгибы или спирали. Выше мы выгравировали (рис. 1) щит, на котором австралийцу с очевидным трудом удалось изобразить концентрические овалы неправильной формы. Возможно, художник создал бы идеальные круги, если бы мог. Его неудача в точности похожа на неудачу молодого резчика надписей, который приходит в отчаяние из-за своих букв "Г" и "С". Однако здесь (рис. 2) у нас есть три щита, которые, подобно древнему кельтскому пипкину (самому высокому из трех рисунков на рис. 3), демонстрируют древнейшую известную форму дикарского декоративного искусства — формы, сохранившиеся под названиями "шеvron" и "селечная кость". Их можно нацарапать на глине ногтями или острой палочкой, и этот первобытный способ украшения керамики, изготовленной без круга, сохранился вместе с другими реликвиями дикарского искусства на западных островах Шотландии. Австралиец даже не научился делать грубые глиняные пипкины, но он украшал свои щиты так, как древние кельты и современные шотландки украшали свои глиняные горшки, - вырезанными линиями из селечной кости. Что касается цвета, австралийцы предпочитают белую глину и красную охру, которые они втирают в щели в деревянной обшивке своих щитов. Когда они решают устроить засаду, они покрывают себя белой краской, справедливо полагая, что их внезапное появление в таком обличье вселит ужас в самые смелые сердца. Но черно-белые аранжировки такого рода едва ли заслуживают названия даже зачаточного искусства.

Рис. 3. Дикарский орнамент.

Рис. 4. Австралийская стела.

Австралийцы иногда предпринимают грубые декоративные попытки изобразить человеческую фигуру, как на остроконечном щите напротив (рис. 2, а), который, как и другие австралийские рисунки, заимствован из книги мистера Броу Смита "Аборигены Виктории". Но эти амбициозные усилия обычно заканчиваются неудачей. Хотя австралийцы в основном ограничиваются декоративным искусством, в пещерах страны сохранилось множество настенных росписей, которые доказывают, что они, подобно бушменам, могли создавать

человеческие фигуры в действии, когда им заблагорассудится. Их обычное предпочтение использованию узоров, как мне кажется, является результатом природы их материалов. В современном искусстве наши механические преимущества и возможности настолько велики, что мы всегда переносим метод и манеру одного искусства за границы другого. Наша поэзия направлена на то, чтобы произвести эффект музыки; наша проза - на то, чтобы произвести эффект поэзии. Наша скульптура пытается соперничать с живописью в изображении действия, или с плетением кружев в создании сетчатых поверхностей, и так далее. Но у дикаря в его искусстве достаточно здравого смысла, чтобы ограничиться тем видом работы, для которого подходят его материалы. Посадите его в кустах без каких-либо инструментов и материалов, кроме кусочка разбитой скорлупы и куска твердой древесины, и он ограничится декоративными царапинами. Поместите черного в большую пещеру, в которой обитал Пунджел, австралийский Зевс, когда был на земле (как Зевс обитал в пещере на Крите), и дайте черному побольше красной и белой охры и древесного угля, и он нарисует человеческую фигуру в действии на скалистых стенах. Позже мы вернемся к наскальным рисункам австралийцев и бушменов в Южной Африке. В настоящее время мы должны немного углубиться в изучение чисто декоративного искусства. Но мы должны помнить, что когда-то существовала раса, по-видимому, находившаяся во многом в том же социальном положении, что и австралийцы, но гораздо более развитая и изобретательная в искусстве. Древнейшие люди Европейского континента, о которых мы много знаем, люди, кости и оружие которых найдены под наносами гравия, люди, которые были современниками носорога, мамонта и пещерного медведя, не продвинулись в материальной цивилизации дальше австралийцев. Они использовали оружие из кости, неотшлифованного камня и, вероятно, из твердого дерева. Но остатки их искусства, обрывки костей мамонта или северного оленя в наших музеях доказывают, что у них был самый энергичный стиль зарисовок с натуры. В коллекции рисунков на кости (вероятно, выполненных кремнем или раковиной), рисунков человека эпохи палеолита, хранящейся в Британском музее, я заметил только одну чисто декоративную попытку. Даже в этом украшение напоминает попытку использовать очертания листы в декоративных целях. Почти во всех других случаях художник эпохи палеолита не украшал свои кусочки кости обычным дикарским способом, но обращался со своей костью так, как художник обращается со своим альбомчиком для рисования, и нацарапывал контуры зверей и рыб своим острым панцирем, как художник своим острием. Короче говоря, эти древние кости представляют собой альбомы для зарисовок европейских дикарей, чье необученное мастерство было намного выше, чем у австралийцев или даже эскимосов. Соприкасаясь с европейцами, австралийцы и эскимосы очень быстро, даже без регулярного обучения, учатся рисовать с некоторым воодушевлением и мастерством. На австралийской стеле, или надгробном столбе, который мы выгравировали (рис. 4), бесформенные фигуры под людьми и животными - это мертвецы и бои, или призраки. Обратите внимание на узоры в промежутках. Художник жил с европейцами. Однако в своих первоначальных условиях австралийцы не достигли такого свободного, артистического и беспрепятственного использования своих грубых материалов, как таинственные европейские художники, нарисовавшие мамонта, который разгуливал среди них.

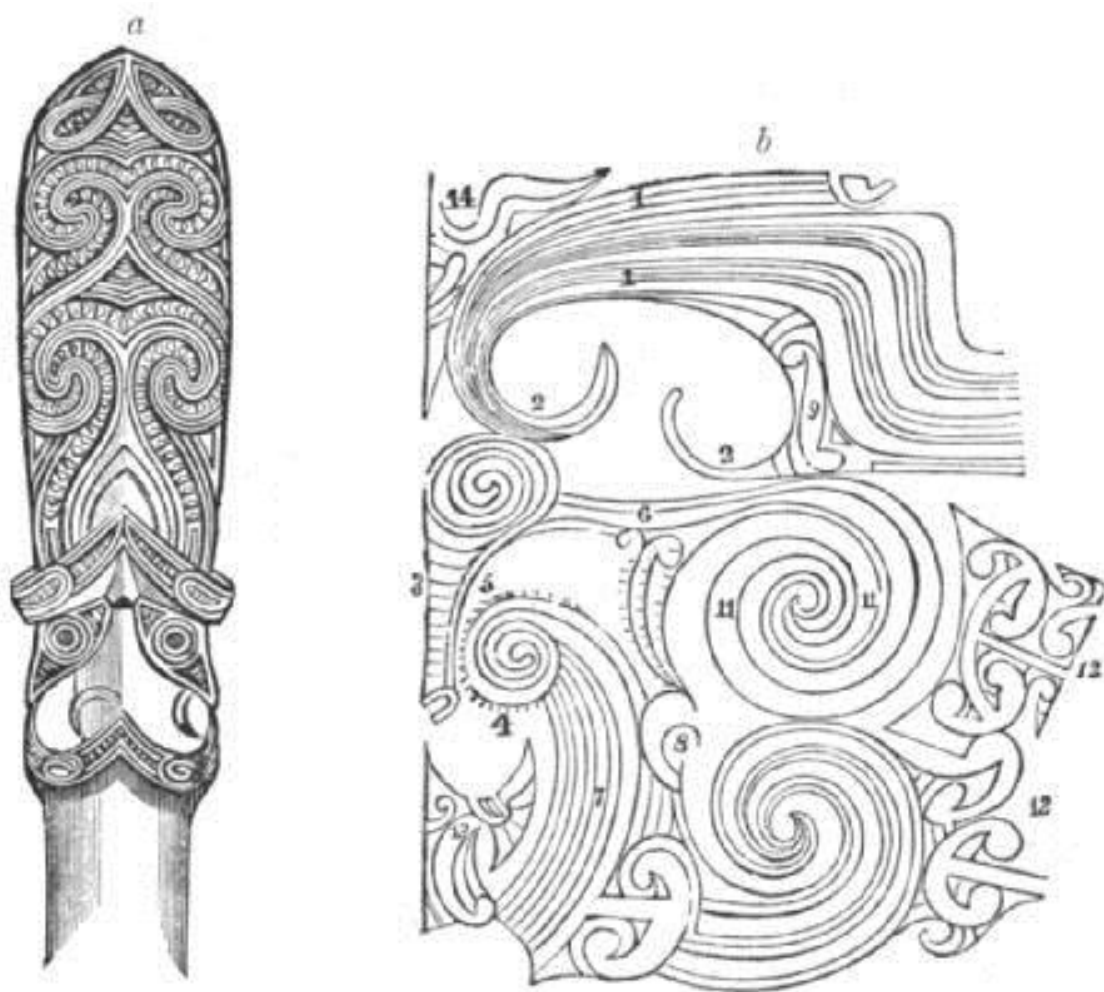

Рис. 5.—а, рисунок маори; б, Татуировка на лице маори.

Мы запечатлели одну единственную попытку австралийца нарисовать изогнутые линии. Новозеландцы, раса гораздо более одаренная и, когда среди них появились европейцы, уже гораздо более цивилизованная, чем австралийцы, не имели, как и австралийцы, металлических орудий труда. Но их каменное оружие было тверже и острее, и с его помощью они выгравировали различные спирали и витки на твердом дереве, примеры которых мы приводим здесь. Иногда говорят, что культура и искусство Новой Зеландии проникли из какого-то азиатского источника и что в витках и спиралях, изображенных, как на наших гравюрах, на лице вождя маори или на его деревянной мебели, можно обнаружить искаженное азиатское влияние.^[238] Это один из вопросов, с которым мы вряд ли сможем здесь разобраться. Возможно, ее решение требует большего объема знаний, антропологических и лингвистических, чем в настоящее время доступно любому студенту. Несомненно, расы земли странствовали далеко, и они чудесным образом смешались, и оставили следы своего прохождения здесь и там на скульптурных камнях и в обители призраков, которые населяют древние места захоронений. Но когда два произведения искусства, одно цивилизованное, другое дикое, похожи друг на друга, всегда опасно предполагать, что это сходство свидетельствует о родстве или контакте между расами или о влияниях, привнесенных одной из них от другой. Новозеландская работа может быть азиатской по происхождению и обесценившейся под воздействием столетий более низкой цивилизации и более грубых орудий

труда. Или азиатский орнамент может быть формой искусства, усовершенствованной из более грубых форм, подобных тем, которых уже достигли новозеландцы. Иногда возникает почти искушение рассматривать излюбленную спираль маори как имитацию формы, мало чем отличающейся от формы епископского посоха наверху, которую принимают огромные местные папоротники. Примеры сходства, которые можно объяснить развитием грубой ранней идеи, легче всего проследить в ранней керамике Греции. Никто не говорит, что греки заимствовали у цивилизованных народов Америки. Лишь немногие энтузиасты говорят, что цивилизованные народы Америки, особенно перуанцы, являются арийцами по расе. И все же остатки перуанских дворцов часто ни в коей мере не отличаются по стилю от 'пеласгических' и "циклопических" зданий из гигантских камней, которые сохранились в таких древних эллинских местах, как Аргос и Микены. Вероятность состоит в том, что мужчины, живущие в сходных социальных условиях и использующие сходные орудия труда, бессознательно и непреднамеренно достигли сходных результатов.

Рис. 6.Изображение лица маори.

Немногие люди, интересующиеся этим вопросом, могут позволить себе посетить Перу и Микены и самостоятельно изучить архитектуру. Но любой, кого интересует странная идентичность человеческого разума повсюду и необходимые формы раннего искусства, может пойти в Британский музей и осмотреть американскую и раннегреческую керамику. Сравните греческий узор в виде ключа и волн на греческих и мексиканских вазах, а также сравните птичьи или человеческие лица, очень похожие на птичьи, с похожими лицами на глиняных горшках, которые доктор Шлиман откопал в Трое. Последние выгравированы в его книге "О Трое". Сравните так называемую 'каракатицу' из перуанской банки с таким же рисунком на ранних греческих вазах, большинство из которых находятся в последней из классических вазовых комнат наверху. Еще раз сравните маленькие глиняные 'завитушки' из мексиканской и перуанской комнат с теми, которые доктор Шлиман нашел в таком количестве в Гиссарлыке. Становится непреодолимым убеждение, что все эти предметы по форме, назначению, характеру украшения одинаковы, потому что разум и материалы людей, особенно на ранних стадиях их цивилизации, везде одинаковы. Вы можете включить древнегреческие изделия из глины, фигурки или вазы, в перуанскую коллекцию или подсунуть мексиканские предметы среди глиняных сокровищ Гиссарлыка, и самый мудрый археолог будет обманут. Особенно

похоже, что греческий ладовый узор является одним из самых ранних, которые люди научились рисовать. *Свастика*, как ее еще называют, крест с линиями, расположенными под прямым углом к каждой ветви, встречается повсюду — в Индии, Греции, Шотландии, Перу — как естественное украшение. Аллегорическая фантазия индейцев придала ему мистический смысл, и ученые построили я не знаю, какие религиозные теории на этом "дохристианском кресте", который, вероятно, является наспех выполненной декоративной работой, вообще не имеющей первоначального мистического значения.^[239] Украшения такого рода были перенесены с дерева или кости на глину почти сразу же, как люди узнали о том раннем искусстве, гончарном, которого австралийцы не достигли, хотя оно было знакомо недалеким жителям Новой Каледонии. Стиль спиралей и изгибов, опять же, однажды приобретенный (как это было у новозеландцев), стал излюбленным у некоторых рас, особенно у кельтской. Любопытно, кто изучит микенские орнаменты или орнаменты из любой старой шотландской или ирландской коллекции, легко распознает в этом искусстве развитие системы орнамента, подобной системе маори. Классическая Греция, с другой стороны, больше следовала древней системе прямых и наклонных линий, и мы не находим в более позднем греческом искусстве той любви к переплетению витков и спиралей, которая так примечательна у кельтов и которая очень ярко проявляется в орнаментах микенских кладов — то есть, возможно, древнегреческой героической эпохи. Причины этих различий в развитии орнамента, причины, которые заставили кельтский гений следовать по одному пути и до эстетических пределов следовать одному раннему *мотиву*, в то время как классическое искусство шло по более суровому пути, в настоящее время, вероятно, установить невозможно. Но достаточно очевидно, что более позднее искусство сделало немногим больше, чем развило идеи орнамента, уже знакомые необразованным расам.

Было показано, что искусство, направленное на украшение, лучше приспособлено как к целям, так и к материалам, используемым дикарями, чем искусство, направленное на репрезентацию. Как правило, материалами низших дикарей являются их собственные тела (которые они, естественно, желают навсегда украсить с помощью татуировки) и твердые вещества, из которых они изготавливают свои инструменты и оружие. Эти твердые материалы, обработанные режущими инструментами из камня или ракушек, легче всего украсить прямыми линиями разреза, и поэтому спирали в целом считаются сравнительно поздней формой орнамента.

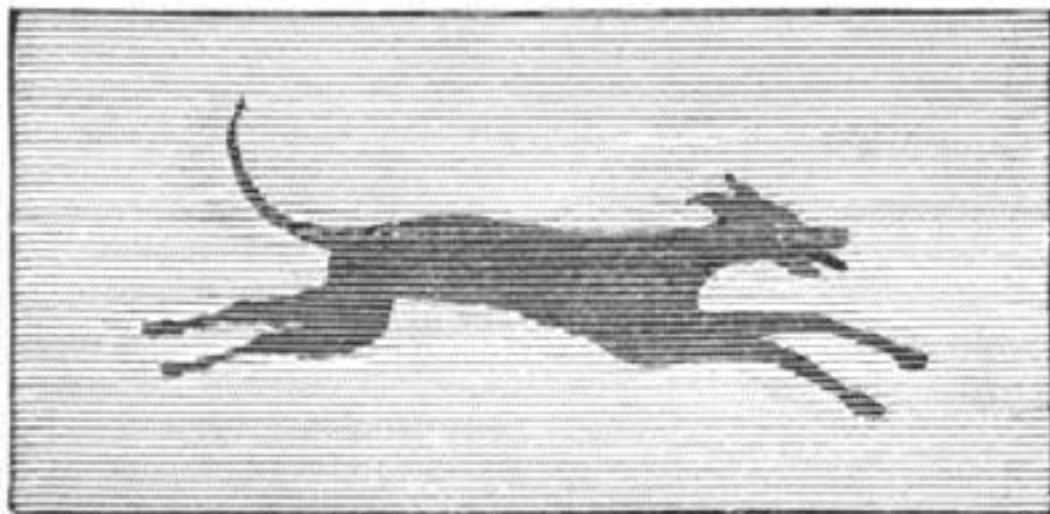

Рис. 7. Собака бушмена.

Теперь мы должны обсудить усилия дикаря по изображению. Здесь мы снова должны рассмотреть цель, которая им движет, и материалы, которые к его услугам. Его картины преследуют практическую цель и не проистекают из того, что мы склонны, возможно, слишком поспешно, считать врожденной любовью к подражанию ради него самого. В современном искусстве, в наше время, без сомнения, желание подражать природе с помощью живописи или скульптуры стало почти врожденным импульсом, врожденным инстинктом. Но для этого должна быть какая-то "причина почему"; и совсем не кажется невероятным, что мы унаследовали любовь, бескорыстную любовь к имитационному искусству от очень отдаленных предков, чьи привычки к подражанию имели прямую, заинтересованную и практическую цель. Член парламента, имитирующий крик петуха во время дебатов, или уличный мальчишка, который развлекает свой досуг лаем по-собачьи, получает бескорыстное удовольствие от упражнения в своем мастерстве; но передовые мыслители, похоже, вполне согласны с тем, что первые люди, имитировавшие голоса собак, петухов и других животных, делали это не просто ради забавы, а с практической целью указать своим товарищам на приближение этих существ. Таковы были грубые зачатки человеческого языка; и независимо от того, верна эта теория или нет, несомненно, существуют практические причины, которые побуждают дикаря прибегать к искусству подражания. Я сомневаюсь, что есть много диких рас, которые не используют изобразительное искусство для целей письма, то есть для передачи информации людям, до которых они не могут достучаться голосом, и для помощи памяти, которая у дикаря, возможно, не очень сильна. Возьмем примеры. Дикарь встречает дикарку-служанку. Она не говорит на его языке, а он - на ее. Как они могут знать, являются ли они, согласно брачным законам их расы, законными супругами друг для друга? Этот важный вопрос решается путем осмотра их татуировок. Если мужчина-тлинкит из племени Лебедей встречает девушку-ирокезку из племени Лебедей, они не могут разговаривать друг с другом, а "язык жестов" громоздок. Но если на обеих татуировках изображен лебедь, то мужчина знает, что эта дочь лебедя не для него. Он не мог жениться на ней так же, как Елена Троянская не могла выйти замуж за Кастора, укротителя лошадей. Оба - дети Лебедей, как Елена и Кастор, и должны относиться друг к другу как брат и сестра. Случай с мужчиной-тлинкитом и девушкой-ирокезкой крайне маловероятен; но я привожу его как пример практического использования среди дикарей изобразительного искусства.

Среди способов использования искусства для передачи информации мы замечаем, что даже у австралийцев есть то, что греки называли бы *σκυτάλη*, посох, на котором выгравированы надписи, разборчивые для аборигенов. Я полагаю, однако, что австралийский *σκυτάλη* обычно обозначается не картинками, а зарубками, что еще труднее расшифровать. В качестве примера изобразительного письма краснокожих индейцев мы публикуем свиток из книги Коля о туземцах Северной Америки. Это грубое произведение искусства, хотя читатель, возможно, и не придаст ему большого значения, на самом деле является документом, столь же важным в своем роде, как халдейские глиняные таблички с описанием Всемирного потопа. Грубо нарисованные фигуры, по мнению художника, во многом напоминают миф о Манабоджо, о Прометее и Девкалионе, о Каине и Ное, о жителях великого озера. Манабоджо был великим вождем, у которого были две поссорившиеся жены. Две приземистые полуфигуры (4) представляют жен; холмик между ними - неудовольствие Манабоджо. Далее (5) вы видите, как он застрял между двумя деревьями — неприятное положение, из которого волки и белки отказались его вытаскивать. Разновидность пирамиды с цифрой наверху (8) - это гора, на которую Манабоджо

во время наводнения поместил свою бабушку, чтобы она не мешала воде. Чем-то похожий объект - это сам Манабоджо на вершине своей горы. Животные, которых вы видите далее (10), были отправлены Манабоджо, чтобы узнать, как продвигается процесс потопа, и передать послания своей бабушке. Этот свиток был нарисован, вероятно, на бересте, краснокожим Человеком с литературными достижениями, который подарил его Колю (в правом нижнем углу (11) он изобразил это событие), чтобы тот никогда не забывал историю Манабожийского потопа. Краснокожие индейцы всегда, насколько известно европейцам, имели обыкновение использовать это рисованное письмо с целью сохранения своих легенд, поэм и заклинаний. Нет необходимости говорить, что изобразительное письмо Мексики и иероглифы древнего Египта произошли от одних и тех же диких процессов. Я должен заметить, что поспешные обозначения фигуры, используемые при написании рисунков, ни в коем случае не следует рассматривать как показатель мастерства краснокожих в искусстве. Они могут рисовать гораздо лучше, чем художник, записавший манабожианскую легенду, когда им заблагорассудится.

Рис. 8. Краснокожая индейская письменность: Легенда о Манабожо.

В дополнение к написанию картин религия способствовала развитию репрезентативного искусства дикарей. Если человек поклоняется ящерице или медведю, он считает удобным иметь амулет или идола, изображающего медведя или ящерицу. Если кто-то обожает ящерицу

или медведя, он, вероятно, думает, что молитвы и акты поклонения, обращенные к изображению животного, понравятся самому животному и сделают его благожелательным. Так развивается искусство изготовления маленьких переносных фигурок различных почитаемых существ и рождается ремесло работы по дереву или слоновой кости. Как правило, дикарь довольствуется чрезмерно грубыми изображениями своих богов. Предметы такого рода — грубо обтесанные блоки из камня и дерева — были самыми священными изображениями богов в Греции и хранились в самых темных уголках храма. Никакая Деметра, созданная искусством Фидия, не показалась бы фигалийцам такой священной, как странная древняя фигура богини с головой кобылы. Самые ранние сохранившиеся греческие священные скульптуры едва ли более совершенны в искусстве, если вообще существуют, чем идола обнаженных жителей островов Адмиралтейства. Но это предвосхищение; пока же можно сказать, что среди источников репрезентативного искусства дикарей - потребность в чем-то вроде письменности и идеи, предложенные зарождающейся религией.

Рис. 9. Настенная живопись бушменов.

Необычное изображение войны (рис. 9) из пещеры в Южной Африке, которое мы скопировали из *журнала Cape Monthly*, вероятно, представляет собой магическую церемонию. Бушмены соблазняют большое водное животное — носорога или что-то в этом роде — пробежаться по суше с целью вызвать дождь. Связь идей едва ли очевидна для цивилизованных умов, но она не более расплывчата, чем связь между ношением обрывка веревки, на которой был повешен человек, и успехом в картах — распространенное французское суеверие. Наскальные рисунки бушменов, как и в Австралии, написаны черной, красной и белой красками. Дикари, такие как ассирийцы и ранние греки, и как дети, рисуют животных гораздо лучше, чем человеческие фигуры. Собака бушмена на нашей небольшой гравюре (рис. 7) вся живая - почти такая же живая, как собака, сопровождающая кентавра Хирона, на той прекрасной вазе в Британском музее, которая изображает воспитание Ахиллеса. Настенные росписи бушменов, как и в Австралии, по-видимому, доказывают, что искусство дикарей способно на значительную свободу при использовании подходящих материалов. Кажется, что мужчины рисуют лучше, когда у них есть краски и плоская поверхность камня для работы, чем когда они царапают по твердому дереву острым краем сломанной скорлупы. Хотя это имеет мало общего с искусством, возможно, стоит упомянуть из любопытства, что лабиринтообразные австралийские пещеры кое-где украшены знаками красной руки. Та же таинственная или, по крайней мере, необъяснимая красная рука запечатлена на стенах разрушенных дворцов и храмов Юкатана — творение исчезнувшего народа.

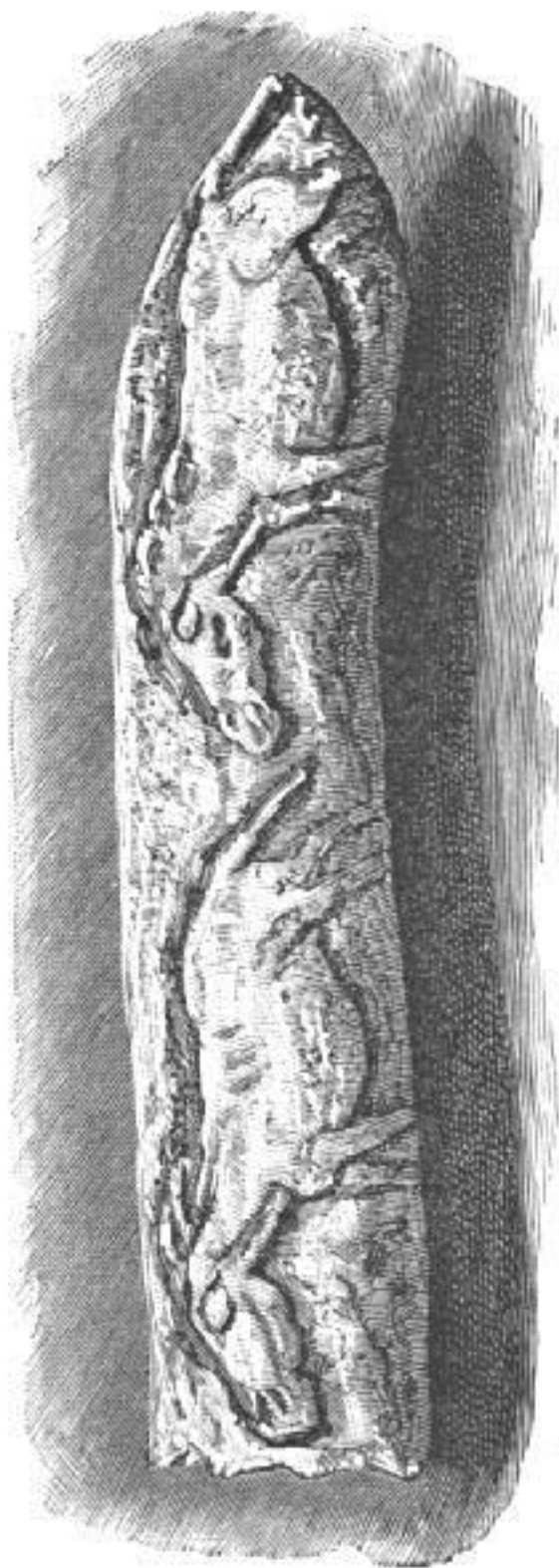

Рис. 10. Искусство эпохи палеолита.

Рис. 11. Искусство краснокожих индейцев: птица—гром.

В истории искусства дикарей есть один необычный факт, который напоминает нам о том, что дикари, как и цивилизованные люди, обладают разной степенью культуры и различными художественными способностями. Древнейшие жители Европы, оставившие какие-либо следы своей жизни и ручной работы, должно быть, были дикарями. Их инструменты и оружие были сделаны даже не из полированного камня, а из грубо отесанного кремня. Люди, которые пользовались орудиями такого рода, неизбежно должны были обладать весьма скудным механическим оборудованием, и жизнь, которую они вели в пещерах, откуда им приходилось выгонять пещерного медведя, и среди снегов, где они выслеживали северных оленей и мамонтов, должно быть, была очень тяжелой. Эти самые ранние известные европейцы, ‘люди палеолита’, как их называют из-за использования ими древнего неотшлифованного каменного оружия, по-видимому, населяли страны, известные сейчас как Франция и Англия, еще до великого ледникового периода. Это делает их датировку неисчислимой древностью; они удалены от нас ‘темным пятном и бездной времени’. Между нами и человеком эпохи палеолита лежит ледниковый период, не имеющий даты период шлифования каменного оружия, появление людей, использующих оружие из бронзы, время, которого было достаточно, чтобы изменить климат, фауну и флору Западной Европы. И все же в нем мы должны признать мастерство, более близкое духу современного искусства, чем у какой-либо другой дикой расы. Человек эпохи палеолита, подобно другим дикарям, украшал свое оружие; но, как я уже говорил, он обычно не украшал его орнаментальными узорами в обычной для дикарей манере. Он нацарапал на кусочках кости вдохновенные изображения всех животных, чьи останки найдены вперемешку с его собственными. Он спроектировал крупноголовую лошадь того периода, и наука склоняется к мысли, что он правильно нарисовал породу. Его зарисовки мамонта, северного оленя, медведя и многих рыб можно увидеть в Британском музее или

выгравированы на таких работах, как "*Ранний человек в Британии*" профессора Бойда Докинза. Предмет, с которого была выгравирована наша следующая иллюстрация (рис. 12), изображает оленя и представляет собой рукоятку ножа. Глаза любого человека, искушенного в искусстве, могут легко заметить удивительный дух и свободу этих старинных набросков. Это быстрые характерные работы настоящих художников, которые инстинктивно знают, что выбрать и чем пожертвовать.

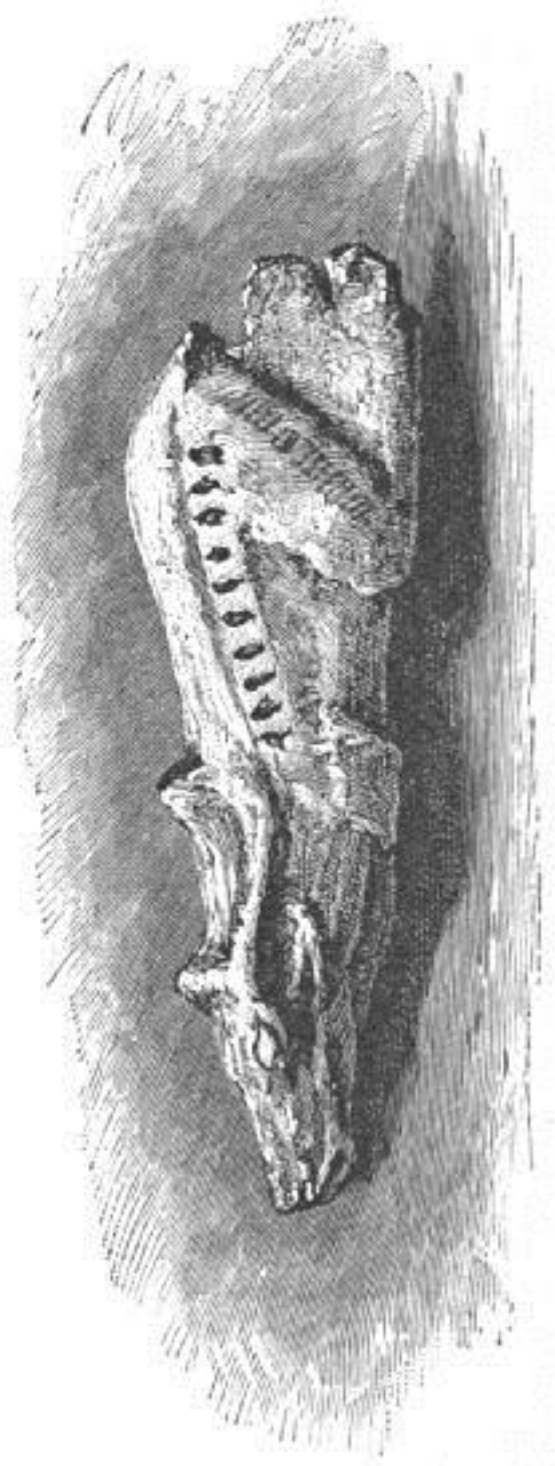

Рис. 12. Искусство эпохи палеолита: рукоятка ножа.

Рис. 13. Эскимосский рисунок: охота на северного оленя.

Некоторые ученые мужи, в том числе м-р Бойд Докинз, верят, что эскимосы, низкорослый народ охотников и рыболовов за западным полярным кругом, являются потомками художников палеолита и сохраняют их художественные качества. Другие исследователи, вместе с мистером Гейки и доктором Уилсоном, не верят в эту родословную эскимосов. Я говорю не с авторитетом, а с покорностью невежеству и как человек, не имеющий права на собственное мнение об этих глубоких вопросах геологии и этнологии. Но мне доводы мистера Гейки кажутся явно более убедительными, и я не думаю, что это доказывает, что эскимосы произошли от наших древних художников эпохи палеолита. Но если мистер Бойд Докинз прав, если эскимосы ведут свое происхождение от художников Дордони, то эскимосы, к сожалению, выродились. В *"Раннем человеке"* мистера Докинза есть эскимосский рисунок охоты на северного оленя и палеолитический набросок северного оленя; они (с разрешения автора и господ. Макмиллан) мы размножаемся. Взгляните на силу и жизнь древнего рисунка — густая шерсть на груди оленя, его голова, его рога, даже трава у его ног тронуты серьезностью настоящего художника (рис. 14). Рисунок похож на торопливый меморандум Пиявки. Затем сравните жесткую формальность современного эскимосского рисунка (рис. 13). Это скорее запись, образное письмо, чем свободный набросок, быстрое представление того, что наиболее характерно в природе. Очевидно, что если эскимосы произошли от человека эпохи палеолита, то в том, что касается искусства, они являются дегенеративной расой. Тем не менее, как можно увидеть в доктора каток книг, эскимосов показывают значительный опыт, когда они познакомились с европейскими методик и моделей, и они есть на любой уровень высокий природный дар для дизайна, чем индейцы, которых сакрального искусства Гром-птица парит над страницу, 298 честный пример. Краснокожие верят в больших птиц, которые издают гром. Куахтеат, Адам с острова Ванкувер, женился на одной из них, и это (рис. 11) она.

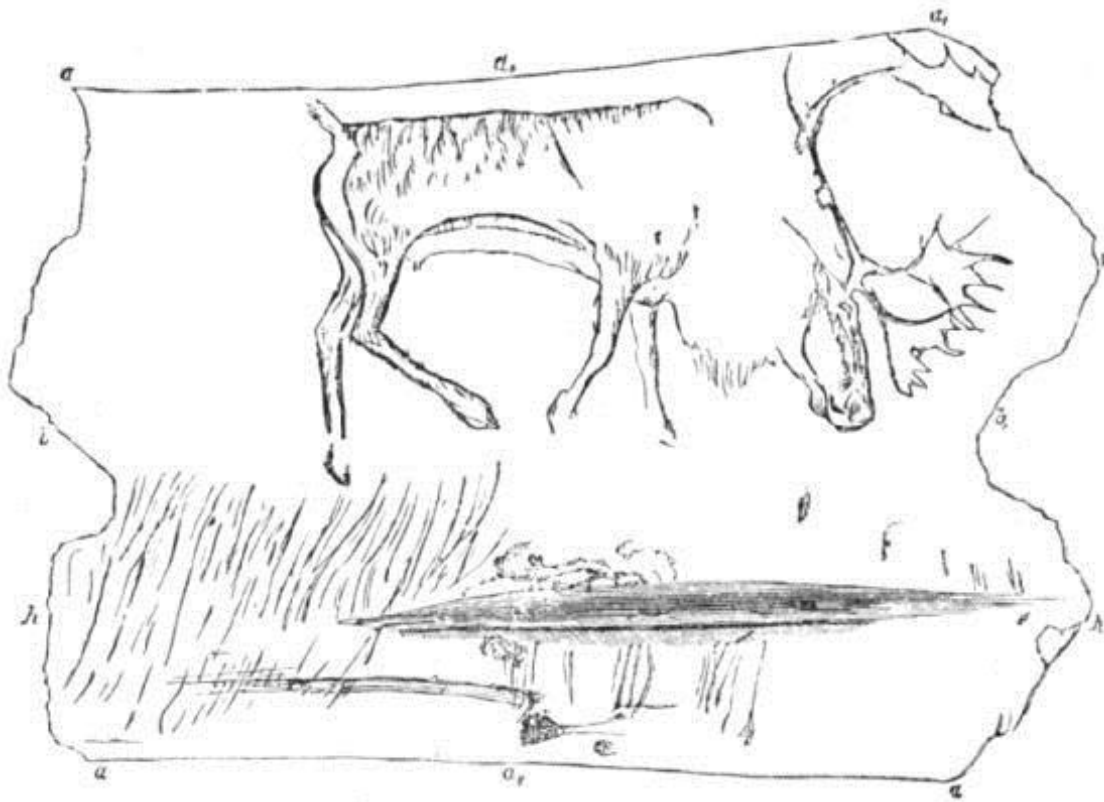

Рис. 14. Палеолитический рисунок: Северный олень.

Мы попытались показать, как дикарское декоративное искусство дало первые идеи узоров, которые различными способами развивались декоративным искусством развивающейся цивилизации. Такой же прогресс может быть обнаружен и в репрезентативном искусстве. Книжки, подобные путеводителю по Древней Греции, который Павсаний написал еще до того, как ее слава совсем угасла, доказывают, что греческие храмы были музеями, в которых можно было ясно проследить развитие искусства. Дальше всего в ряду изображений богов стояли такие вещи, как тот большой камень, который был дан Кроносу, когда он хотел проглотить своего младенца Зевса, и который он впоследствии изрыгнул вместе со своим живым потомством. Этот фетиш-камень сохранился в Дельфах. Затем появились дикие громады богов со звериными головами, таких как Деметра Фигалийская с лошадиной головой, и вполне возможно, что там была Артемида с головой медведицы. Постепенно звериные черты исчезли, и появились такие грубые антропоморфные изображения Аполлона — больше похожие на идолов Южных морей, чем на принца—лучника, — которые сейчас сохранились в Афинах. Далее мы переходим к стадии полудикого реализма, которая представлена метопами Селина на Сицилии, ныне находящимися в Британском музее, а также множеством драгоценных камней и изделий из золота. Греческие храмы рухнули, а статуи богов сохранились лишь в виде разрозненных фрагментов. Но в представительной коллекции слепков, принадлежащей Кембриджскому археологическому музею, можно проследить путь греческого искусства в обратном направлении от Фидия к грубому идолу.

Рис. 15. Архаические греческие драгоценные камни.

‘Дикий реализм’ - это результат желания представить объект таким, каким он известен, а не таким, каким он кажется. Так, Кэтлин среди краснокожих индейцев обнаружила, что люди отказывались рисоваться в профиль. Они знали, что у них два глаза, а в профиль у них, казалось, был только один. Посмотрите на мрамор Селинуса, и вы заметите, что фигуры, тело которых видно в профиль, повернуты к зрителю анфас. Опять же, дикарь знает, что у животного есть две стороны; он думает, что обе должны быть изображены, но он не может уменьшить ракурс, и ему легче всего нарисовать вид в профиль. Чтобы удовлетворить свою потребность в реализме, он рисует голову зверя анфас и придает одной голове два тела, нарисованных в профиль. Примеры этого часто встречаются в очень архаичных греческих драгоценных камнях и золотых изделиях, и мистер А. С. Мюррей предполагает (насколько я его понимаю), что поза двух знаменитых львов, тщетно охранявших ворота Агамемнона в Микенах, происходит от архаичного двутелого и одноглавого зверя дикого реализма. Очень хорошие примеры этих странностей можно найти в *Журнале Эллинского общества*, 1881, стр. xv. Здесь представлены двутелые и одноглавые птицы, чудовища и сфинксы. Мы выгравировали (рис. 15) три греческих драгоценных камня с островов как примеры дикости в раннем греческом искусстве. На продолговатом камне лучники расположены несколько ниже стандарта дизайна краснокожих индейцев. Охотник, изображенный на первом камне, почти соответствует образцу бушмена. В его одежде этнологи узнают обычай, распространенный сейчас среди аборигенов Новой Каледонии. На третьем камне женщина между двумя лебедями может быть Ледой, или она может представлять Лето на Делосе. Обратите внимание на удивительную грубость дизайна и обратите внимание на современную талию и кринолин. Художники, выгравировавшие эти драгоценные камни на твердом камне, по необходимости располагали гораздо лучшими инструментами, чем у любых дикарей, но их искусство было поистине диким. Выяснить, как греческое искусство поднялось за пару столетий от этой грубой и детской работы к изяществу эгинского мрамора, а оттуда к абсолютной свободе и совершенной неприступной красоте работ Фидия, - одна из самых необычных проблем в истории искусства. Греция, без сомнения, кое-чему научилась благодаря своим ранним познаниям в искусстве, которое жрецы Ассирии и Египта развили в долинах Евфрата и Нила. Это могло бы объяснить быстрый переход от дикого к формальному и иератическому искусству; но откуда взялось вдохновение, которое так быстро привело ее к искусству, совершенно свободному, естественному и богоподобному? Это тайна расы и божественный дар. "Небесные боги даровали его смертным".

СНОСКИ:

[237] Иллюстрации в этой статье по большей части скопированы с разрешения господ. Cassell & Co., из *журнала об искусстве*, в котором появилось Эссе.

[238] Часть рисунка (рис. 5, b) повторяется на новозеландском бычьем ревуне, выгравированном в Эссе *обычьем ревуне*.

[239] Смотрите "Трою" Шлимана, в которой много интересного об арийской Свастике.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АБЕРДИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.

Примечание переписчика

Архаичная орфография сохранена в печатном виде, равно как и изменчивая орфография и непоследовательное использование переносов и ударений в цитируемом материале. Незначительные пунктуационные ошибки и непоследовательное использование переносов и ударений в остальной части текста были исправлены.

На странице 36 есть ссылка на "физических исследователей" в связи со спиритуализмом. Это может быть ошибкой для "исследователей психики", но поскольку в этом невозможно быть уверенным, оно сохранено в напечатанном виде.

Исправлены следующие типографские ошибки:

Страница 38—slas исправлено на slats — "Это было почти скрыто символическими планками ..."

Страница 54, сноска 43—Смит внес поправку в статью Смита — "Brough Smyth, i. 432-433".

Страница 57—sun исправлено на son — "Греки называли Зевса сыном Времени..."

Страница 58—Уран изменен на Уран—"... были адекватно выражены историей Урана, искалеченного Кроносом..."

Страница 96—Апполлоний внес поправку в адрес Аполлония — "Это точка зрения Схолиаста на Аполлония Родия ..."

Страница 130—зевс исправил слово "Зевс" — "... своего рода Зевс, или, скорее, своего рода Прометей..."

Страница 284—он добавил "мы" — "Позже мы вернемся к наскальным рисункам..."

Страница 305—запись для Bernier, первоначально следующая за записью для Ballads, перенесена на нужное место в указателе.

Страница 306—Чеппарас изменен на Чепарас — "Чепарас, 34"

Страница 309-196 исправлено на 197—"Мифы готтентотов, 197-211"

Страница 310—~~ρῶμος~~ внесены изменения ~~Ῥῶμος~~—"Ῥῶμος, 39"

Иллюстрации были перемещены там, где это необходимо, чтобы они не находились в середине абзаца.

Пропущенные номера страниц указывали на пробелы или расположение иллюстраций в оригинале.

Для удобства навигации в начало указателя добавлены алфавитные ссылки.